

Librari «ABSOLUT»

Лев Гумилев

**PASSIONARIUM. Теория
пассионарности и
этногенеза (сборник)**

«АСТ»

УДК 39
ББК 63.5

Гумилев Л. Н.

PASSIONARIUM. Теория пассионарности и этногенеза
(сборник) / Л. Н. Гумилев — «АСТ», — (Librari
«ABSOLUT»)

Лев Николаевич Гумилев русский ученый, историк-этнолог, философ и географ, поэт и переводчик, основоположник пассионарной теории этногенеза. В книгу вошли две известнейшие его работы. «Этногенез и биосфера Земли» – главный труд Льва Гумилева, переведенный на многие языки, посвященный проблеме возникновения и взаимоотношений этносов на Земле. «Конец и вновь начало» – работа, написанная на основе лекций по народоведению, прочитанных Гумилевым в Ленинграде и Москве в 1980-е годы и пользовавшихся невероятным успехом среди аудитории.

УДК 39
ББК 63.5

© Гумилев Л. Н.
© АСТ

Содержание

Этногенез и биосфера Земли	9
Введение	10
Боязнь разочарования	10
Этносы как форма существования вида Homo sapiens	11
Предмет исследования	12
Экскурс в философию	14
Человечество как вид Homo sapiens	14
Определения понятия «этнос»	15
Часть первая	17
1. О полезности этнографии и трудностях, подлежащих преодолению	17
Несходство этносов	17
Запутанность применяющейся терминологии	18
Обобщения и скрупулюсы	20
Рамки	22
У историка без географии встречается «претыкание»	24
2. Природа и история	25
Сочетание природоведения и истории	25
Формации и этносы	27
Можно ли верить историческим источникам?	28
Можно ли верить памятникам?	30
3. А есть ли этнос?	32
Признака для определения этноса нет	32
Этнос – не общество	33
Язык	34
Идеология и культура	35
Происхождение от одного предка	38
Этнос как иллюзия	39
Между Западом и Востоком	41
Страна и народ без имени	43
«Этнос» – сочинение С. М. Широкогорова	46
«Состояния» и «процессы»	47
Часть вторая	49
4. Этнос и этноним	49
Имена обманчивы	49
Примеры камуфляжа	50
Бессилие филологии в истории	51
5. Мозаичность как свойство этноса	52
Обойтись без родового строя можно	52
Чем заменяют родовой строй	53
Образование субэтнических групп	54
Варианты этнических контактов	56
Роль экзогамии	58
Опыт интерпретации	59
6. Этнический стереотип поведения	60

Несхожесть как принцип	60
Изменчивость стереотипов поведения	61
Этнос и четыре ощущения времени	62
7. Этнос как система	66
«Система» в популярном объяснении	66
«Система» в этнологии	67
Уровни и типы этнических систем	68
8. Субэтноты	70
Структура этноса	70
Саморегуляция этноса	71
Консорции и конвексии	72
9. Суперэтноты	73
Реальность суперэтноса – «франки»	73
Зарождение суперэтноса – Византия	74
Надлом суперэтноса – арабы VII–X вв.	75
10. Алгоритм этногенеза	78
Этнические реликты	78
Статика и динамика	79
Инкорпорация	81
Разница между равновесием и развитием	82
Этногенез и естественный отбор	85
Альтруизм, точнее – антиэгоизм	86
Истребление реликтовых этносов	88
11. Этнические контакты	89
Иерархия этнической таксономии	89
Контакты на разных уровнях	91
Соотношение этнических целостностей разных порядков	92
Контакт «пяти племен» и жителей «Срединной равнины»	94
Контакты варваров и римлян	95
Этносы всегда возникают из контактов	97
«Фактор икс»	98
Часть третья	100
12. Мысли о всемирной истории	100
Два аспекта всемирной истории	100
Почему я не согласен с А. Тойнби	101
Почему я не согласен с И. И. Конрадом	102
Об эллинизме	103
О Византии	106
О Китае	107
13. Мысли об этнической истории	108
Принцип неопределенности в этнологии	108
Две системы отсчета	110
История культуры и этногенез	111
Урания и Клио	113
Часть четвертая	116
14. Перевернутая задача	116
Этнос – явление природы	116

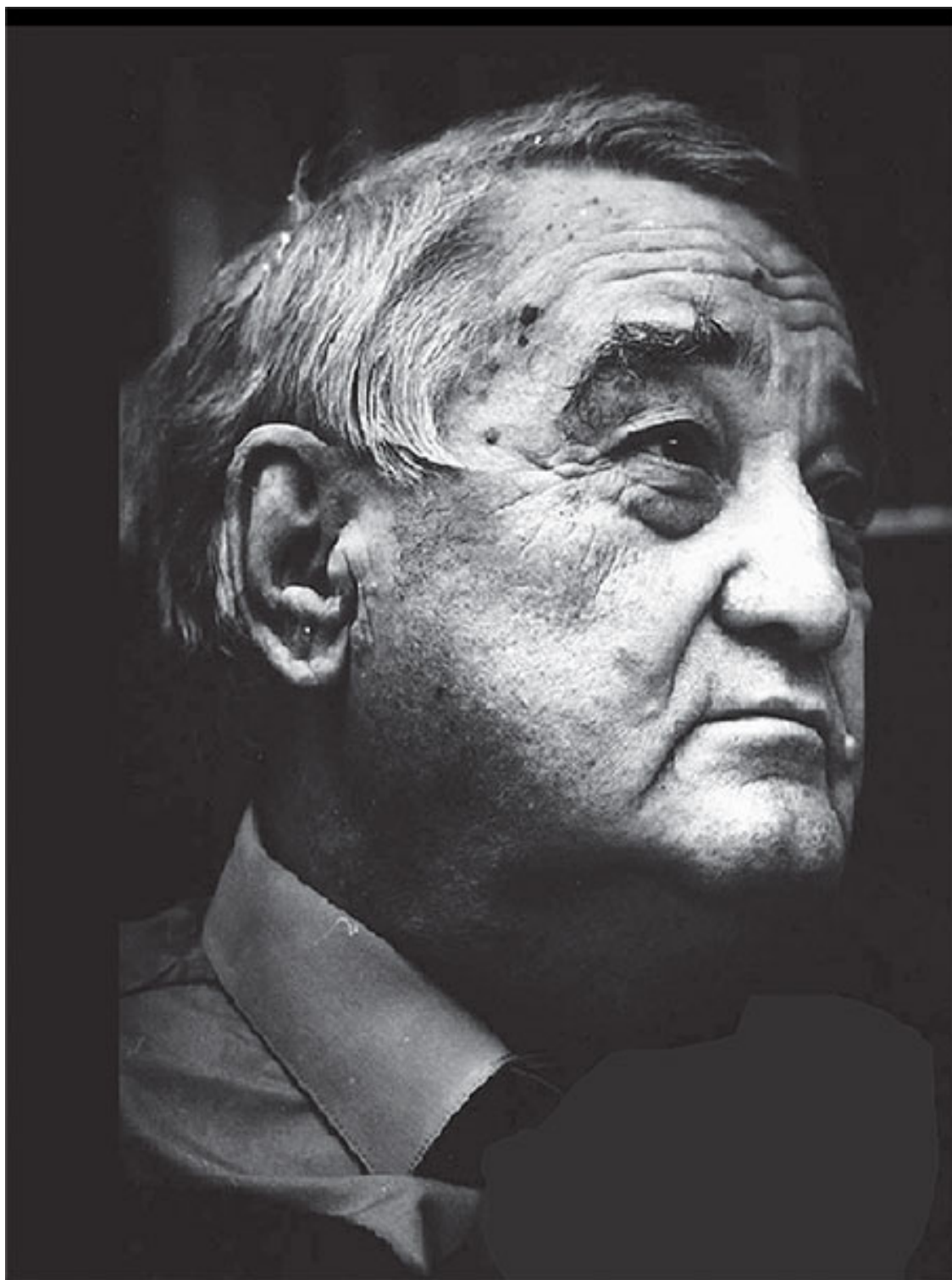
Человек в биоценозе	117
Географическая среда на смену формаций не влияет	118
Война человека с природой	119
Социум, политийя и этнос	120
У народов есть родина!	121
Месторазвитие	123
15. Роль сочетания ландшафтов	124
Монотонность и разнородность ландшафтов	124
На берегах морей и закраинах ледников	126
Влияние характера ландшафта на этногенез	127
16. Становление антропогенных ландшафтов	129
Развитие общества и изменение ландшафта	129
Индейцы, народы Сибири и их ландшафты	130
Древние цивилизации «благодатного полумесяца»	134
В Древнем Китае	135
Возникновения и упадки	137
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Лев Гумилев
PASSIONARIUM. Теория
пассионарности и этногенеза

© М. И. Новгородова, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Лев Николаевич Гумилёв 1912–1992

Этногенез и биосфера Земли

Изменение законов Природы вне людских возможностей хотя бы потому, что сами люди – часть Природы. Но знание законов Природы, в том числе законно этногенеза, очень полезно, ибо позволяет избежать многих бед.

Моей жене Наталии Викторовне посвящается

Введение

О чем пойдет речь и почему сие важно, в котором обосновывается необходимость этнологии и излагается взгляд автора на этногенез, без аргументации, коей посвящена остальная часть трактата, где автор поведет читателя через лабиринт противоречий.

Боязнь разочарования

Когда читатель нашего времени покупает и открывает новую книгу по истории или этнографии, он не уверен, что прочтет ее даже до середины. Книга может показаться ему скучной, бессмысленной или просто не отвечающей его вкусу. Но читателю-то еще хорошо: он просто потерял два-три рубля, а каково автору? Сборы сведений. Постановка задачи. Десятилетия поисков решения. Годы за письменном столом. Объяснения с рецензентами. Борьба с редактором. И вдруг все впустую – книга неинтересна! Она лежит в библиотеках... и ее никто не берет. Значит, жизнь прошла даром.

Это так страшно, что необходимо принять все меры для избежания такого результата. Но какие? За время обучения в университете и в аспирантуре будущему автору нередко внушается мысль, что его задача – выписать как можно больше цитат из источников, сложить их в каком-либо порядке и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо; рабы были хорошие, но им было плохо. А крестьянам жилось хуже.

Все это, конечно, правильно, но вот беда – читать про это никто не хочет, даже сам автор. Во-первых, потому, что это и так известно, а во-вторых, потому, что это не объясняет, например, почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели. И, наконец, почему возникали могучие этносы и куда они пропадали, хотя полного вымирания их членов заведомо не было.

Все перечисленные вопросы целиком относятся к избранной нами теме – внезапному усилению того или иного народа и последующему его исчезновению. Яркий пример тому – монголы XII–XVII вв., но и другие народы подчинялись той же закономерности. Покойный академик Б. Я. Владимирцов четко сформулировал проблему: «Я хочу понять, как и почему все это произошло?», но ответа не дал, как и другие исследователи. Но мы снова и снова возвращаемся к этому сюжету, твердо веруя, что читатель не закроет книгу на второй странице.

Совершенно ясно, что для решения поставленной задачи мы должны прежде всего исследовать саму методику исследования. В противном случае эта задача была бы уже давно решена, потому что количество фактов столь многочисленно, что речь идет не об их пополнении, а об отборе тех, которые имеют отношение к делу. Даже современники-летописцы тонули в море информации, что не приближало их к пониманию проблемы. За последние века много сведений добыли археологи, летописи собраны, изданы и сопровождаются комментариями, а востоковеды еще увеличили запас знаний, кодифицируя различные источники: китайские, персидские, латинские, греческие, армянские и арабские. Количество сведений росло, но в новое качество не переходило. По-прежнему оставалось неясным, каким образом маленькое племя иногда оказывалось гегемоном полумира, затем увеличивалось в числе, а потом исчезало.

Автор данной книги поставил вопрос о степени нашего знания, а точнее – незнания предмета, которому исследование посвящено. То, что на первый взгляд просто и легко, при попытке овладеть сюжетами, интересующими читателя, превращается в загадку. Поэтому обстоятельную книгу писать надо. К сожалению, мы не можем сразу предложить точные дефиниции (которые, вообще говоря, весьма облегчают исследование), но по крайней мере

мы имеем возможность сделать первичные обобщения. Пусть даже они не исчерпают всей сложности проблемы, но в первом приближении позволят получить результаты, вполне пригодные для интерпретации этнической истории, которую еще предстоит написать. Ну а если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия «этнос», то можно сказать так: этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий. Если этого достаточно для понимания, то книгу дальше можно не читать.

Этносы как форма существования вида *Homo sapiens*

Больше ста лет ведутся дискуссии: изменяется ли биологический вид *Homo sapiens* или социальные закономерности полностью вытеснили механизм действия видообразующих факторов? Общей для человека и всех других живых существ является необходимость обмениваться со средой веществом и энергией, но отличается он от них тем, что почти все необходимые для него средства существования вынужден добывать трудом, взаимодействуя с природой не только как биологическое, но прежде всего как социальное существо. Условия и средства, производительные силы и соответствующие им производственные отношения непрерывно развиваются. Закономерности этого развития исследуются марксистской политической экономией и социологией.

Однако социальные закономерности развития человечества не «отменяют» действия закономерностей биологических, в частности мутаций¹, и исследовать их необходимо, дабы избежать теоретической односторонности и практического вреда, который мы наносим сами себе, игнорируя или сознательно отрицая нашу подчиненность не только социальным, но и более общим закономерностям развития.

Методологически начать такое исследование можно исходя из преднамеренного отвлечения от конкретных способов производства. Такая абстракция представляется оправданной, в частности, потому, что характер этногенеза существенно отличается от ритмов развития социальной истории человечества. При таком способе рассмотрения, как мы надеемся, яснее станут контуры механизма взаимодействия человечества с природой.

Как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы. Значит, они входят в трофическую цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза населяемого ими региона. А коль скоро так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя, наряду с людьми, domestikаты (домашние животные и культурные растения), ландшафты, как преобразованные человеком, так и девственные, богатства недр, взаимоотношения с соседями – либо дружеские, либо враждебные, ту или иную динамику социального развития, а также то или иное сочетание языков (от одного до нескольких) и элементов материальной и духовной культуры. Эту динамическую систему можно назвать этноценозом. Она возникает и рассыпается в историческом времени, оставляя после себя памятники человеческой деятельности, лишённые саморазвития и способные только разрушаться, и этнические реликты, достигшие фазы гомеостаза. Но каждый процесс этногенеза оставляет на теле земной поверхности неизгладимые следы, благодаря которым возможно установление общего характера закономерностей этнической истории. И теперь, когда спасение природы от разрушительных антропо-

¹ «В лице современного человека процесс биологической эволюции создал обладателя видовых свойств, которые привели к затуханию дальнейшей эволюции» [173, с. 314]; «Отсутствие естественного отбора было равносильно прекращению действия одного из факторов эволюции... и биологическая эволюция человека должна была остановиться» [41, с. 229]; [92, с. 16].

генных воздействий стало главной проблемой науки, необходимо уяснить, какие стороны деятельности человека были губительны для ландшафтов, вмещающих этносы. Ведь разрушение природы с губительными последствиями для людей – беда не только нашего времени, и оно не всегда сопряжено с развитием культуры, а также с ростом населения.

Ставя вопрос о взаимодействии двух форм закономерного развития, необходимо условиться об аспекте. Речь может идти либо о развитии биосферы в связи с деятельностью человека, либо о развитии человечества в связи со становлением природной среды: биосферы и костного вещества, составляющего другие оболочки Земли: литосферу и тропосферу. Взаимодействие человечества с природой постоянно, но крайне вариабельно и в пространстве, и во времени. Однако за видимым разнообразием кроется единый принцип, характерный для всех наблюдаемых феноменов. Поэтому поставим вопрос именно так!

Природа Земли весьма разнообразна; человечество в отличие от прочих видов млекопитающих тоже разнообразно, ибо человек не имеет природного ареала, а распространен, начиная с верхнего палеолита, по всей суше планеты. Адаптивные способности человека на порядок больше, чем у прочих животных. Значит, в разных географических регионах и в разные эпохи люди и природные комплексы (ландшафты и геобиоценозы) взаимодействуют по-разному. Сам по себе этот вывод бесперспективен, так как калейдоскоп не поддается исследованию, но попробуем внести в проблему классификацию... и все будет по-иному. Между закономерностями природы и социальной формой движения материи существует постоянная корреляция. Но каков ее механизм и где точка соприкосновения природы и общества? А эта точка есть, иначе не возникло бы вопроса об охране природы от человека.

С. В. Калесник предложил разделить географию на: 1) экономическую, исследующую творения людей, и 2) физическую, изучающую природные оболочки Земли, в том числе биосферу [117, с. 209–221; 118; 119, с. 247–248; 120]. Очень разумное деление. Природа творит то, чего мы творить не можем: горы и реки, леса и степи, новые виды животных и растений. А люди строят дома, сооружают машины, ваяют статуи и пишут трактаты. Природа этого делать не может.

Есть ли между творениями природы и человека принципиальная разница? Да! Элементы природы переходят в друг друга... «Этот камень рычал когда-то, этот плющ парил в облаках». Природа живет вечно, набухая той энергией, которую получает от Солнца и звезд нашей Галактики и радиораспада в глубинах нашей планеты. Биосфера планеты Земля побеждает мировую энтропию путем биогенной миграции атомов, стремящихся к расширению [48, с. 283–285]. И наоборот, предметы, созданные человеком, могут или сохраняться, или разрушаться. Пирамиды стоят долго, Эйфелева башня так долго не простоит. Но не вечны ни те, ни другая. В этом принципиальная разница между биосферой и техносферой, какие бы грандиозные размеры последняя ни приобрела.

Предмет исследования

Обозрение современного состояния науки об этносе должно повергнуть читателя в недоумение. Все пишущие на эту тему авторы, в том числе этнографы, по существу подменяют подлинными этнологическими характеристиками профессиональными, сословными и т. д., что, собственно, равнозначно отрицанию этноса как реальности. О существовании этноса говорит только то, что он непосредственно ощущается людьми как явление (феномен), но ведь это не доказательство. Поэт сказал: «И день, и ночь пред нами солнце ходит, однако ж прав упрямый Галилей». И действительно, у этнолога есть некоторые основания для пессимизма, кажущиеся на первый взгляд непреодолимыми.

Этнология – это рождающаяся наука. Потребность в ней возникла лишь во второй половине XX в., когда выяснилось, что простое накопление этнографических собраний и

наблюдений грозит тем, что наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство. И вот возникли на наших глазах обществоведение и этнология – две дисциплины, интересующиеся одним на первый взгляд предметом – человечеством, но в совершенно разных аспектах. И это закономерно. Каждый человек одновременно – член социума и член этноса, а это далеко не одно и то же. Равным образом этнология как наука требует определения. Скажем пока так, что этнология – это наука об импульсах поведения этнических коллективов, подобная этологии, науке о поведении животных. Импульсы могут быть сознательными и эмоциональными, диктоваться личной волей индивида, традицией, принудительным воздействием коллектива, влиянием внешней обстановки, географической среды и даже спонтанным развитием, поступательным ходом истории. Для того чтобы разобраться в столь сложном вопросе, нужна соответствующая методика. Методика может быть либо традиционной методикой гуманитарных наук, либо естественно-научной. Какую же следует выбрать для успешного преодоления трудностей, возникающих перед ученым, взявшимся за совершенно новую область науки?

Прежде всего уточним понятие «гуманитарные науки». В Средние века в христианском мире единственным абсолютно авторитетным источником научной информации были две книги: Библия и сочинения Аристотеля. Наука сводилась к комментированию цитат, которые нужно было приводить точно, потому что безграмотные ересиархи часто выдумывали якобы цитируемые изречения пророков, Христа и Аристотеля. Отсюда возникла система ссылок на текст, удержавшаяся до настоящего времени. Эта ступень науки называлась схоластикой, и к XV в. она перестала удовлетворять ученых. Тогда был расширен круг источников – привлекались сочинения других древних авторов, тексты которых нуждались в проверке. Так возникла гуманитарная (т. е. человеческая, а не божественная) наука – филология, отличающаяся от схоластики критическим подходом к текстам. Но источник был все тот же – чужие слова. После эпохи Возрождения крупные натуралисты противопоставили гуманитарным способам получения информации естествоиспытание, основанное на наблюдении природы и эксперименте. Сменилась постановка вопроса: вместо «что сказали древние авторы?» пытались выяснить «что есть на самом деле?». Как видим, изменился не предмет изучения, а подход и, соответственно, методика.

Новая методика завоевывала признание медленно и неравномерно. Еще в 1633 г. Галилею пришлось отречься от того, что Земля вертится вокруг Солнца, причем его противники апеллировали к тому, что таких сведений в известной им литературе нет. В XVIII в. Лавуазье на заседании Французской академии наук объявил «антинаучным» сообщение о падении метеорита: «Камни с неба падать не могут, потому что на небе нет камней!» География только в XIX в. избавилась от легенд об амазонках, волосатых людях, гигантских спрутах, топящих корабли, и прочей беллетристики, которую читатели, находившиеся на обывательском уровне, воспринимали буквально. Труднее всего было историкам, которые не могли ни поставить эксперимент, ни повторить наблюдение. Но тут пришел на выручку монистический подход, который позволил провести критику источника, как компаративную, так и внутреннюю. Благодаря многим кропотливым исследованиям были составлены кодексы бесспорных фактов с хронологическими привязками, а часть сомнительных сведений отвергнута. Это огромное богатство знаний может принести пользу лишь тогда, когда оно будет приложено к определенному объекту, будь то социальные общности – классы, или политические целостности – государства, или этносы, которые нас интересуют. В последнем случае факты истории превращаются в «информационный архив» и служат целям этнологии наряду с другими сведениями: географическими, биологическими, биофизическими и биохимическими, что при наличии творческого синтеза дает возможность трактовать этнологию как естественную науку, построенную на достаточном количестве достоверных наблюдений, зафиксированных во время накопления первичного материала.

А теперь вернемся к кардинальному тезису: можно ли считать, что этнография, как описательная, так и теоретическая, вышла из поля зрения географии и всецело принадлежит сфере исторических наук? Нет, и еще раз нет! Такая позиция, на наш взгляд, беспочвенна и деструктивна. Она ведет науку к оскудению, т. е. упрощению за счет сокращения эрудиции научного сотрудника. Ему-то, конечно, легче, но его работа теряет перспективность и перестает представлять интерес для читателя. Боюсь, что упорное несогласие с поставленным здесь тезисом приведет к компрометации не только исторической методики, применяемой не для того, для чего она была разработана, но и самой науки – этнографии. Ибо для нее есть только один путь развития – превращение в этнологию, где наряду с собиранием и описанием материала идет интерпретация его под тем углом зрения, который продиктован постановкой проблемы.

Экскурс в философию

Здесь должно быть предельно кратким. Поскольку мы исходим из того, что этнос в своем становлении – феномен природный, то основой его изучения может быть только философия естество знания, т. е. диалектический материализм. Исторический материализм ставит своей целью раскрытие законов общественного развития, т. е. относится, по выражению К. Маркса, к истории людей, а не истории природы, находящейся в телах людей. И хотя обе эти «истории» тесно переплетены и взаимосвязаны, научный анализ требует уточнения угла зрения, т. е. аспекта. Привлекаемый нами исторический материал – наш информационный архив, не более. Для целей анализа это необходимо и достаточно. По данному поводу К. Маркс выразился четко: «Сама история является *действительной* частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естество знание: это будет *одна наука*» [143, т. 42, с. 124]. Ныне мы стоим на пороге создания такой науки.

Когда же речь пойдет о синтезе, то соответственно изменится подход к проблеме. Но, как известно, анализ предшествует синтезу, и нет нужды забегать вперед. Скажем только, что и тогда основы научного материалистического естествознания останутся незыблемыми. Условившись о значении терминов и характере методики, перейдем к постановке проблемы.

Человечество как вид *Homo sapiens*

Принято говорить: «Человек и Земля» или «Человек и Природа», хотя еще в средней школе объясняют, что это элементарный, примитивный антропоцентризм, унаследованный от Средневековья. Да, конечно, человек создал технику, чего не создал ни динозавр мезозойской эры, ни махайродус эры кайнозойской. Однако при всех достижениях XX в. каждый из нас несет внутри себя природу, которая составляет содержание жизни, как индивидуальной, так и видовой. И никто из людей, при прочих равных условиях, не откажется от того, чтобы дышать и есть, избегать гибели и охранять свое потомство. Человек остался в пределах вида, в пределах биосферы – одной из оболочек планеты Земля. Человек совмещает присущие ему законы жизни со специфическими явлениями техники и культуры, которые, обогатив его, не лишили сопричастности стихии, его породившей.

Человечество как биологическая форма – это единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в послеледниковую эпоху по всей поверхности земного шара. Густота распространения вида различна, но за исключением полярных льдов вся Земля – обиталище человека. И не следует думать, что где-нибудь есть «девственные» земли, куда не ступала нога человека. Нынешние пустыни и дебри наполнены следами палеолитических стоянок; леса Амазонки растут на переотложенных почвах, некогда разрушенных

земледелием древних обитателей; даже на утесах Анд и Гималаев найдены следы непонятных нам сооружений. Иными словами, за период своего существования вид *Homo sapiens* неоднократно и постоянно модифицировал свое распространение на поверхности Земли. Он, подобно любому другому виду, стремился освоить возможно большее пространство с возможно большей плотностью населения [47, с. 24–31]. Однако что-то ему мешало и ограничивало его возможности. Что же?

В отличие от большинства млекопитающих, *Homo sapiens* нельзя назвать ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, рассматривается то как социум, то как этнос. Вернее сказать, каждый человек является одновременно и членом общества, и представителем народности, но оба эти понятия несоизмеримы и лежат в разных плоскостях, как, например, длина и вес, или степень нагрева и электрический заряд.

Социальное развитие человечества хорошо изучено, и его закономерности сформулированы историческим материализмом. Спонтанное развитие социальных форм через общественно-экономические формации присуще только человеку, находящемуся в коллективе, и никак не связано с его биологической структурой. Этот вопрос настолько ясен, что нет смысла на нем останавливаться. Зато вопрос о народностях, которые мы будем именовать во избежание терминологической путаницы этносами, полон нелепостей и крайне запутан. Несомненно одно – вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» – ответит: «русский», «француз», «перс», «масай» и т. д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее. Но это еще не все.

Определения понятия «этнос»

Какое значение или, главное, какой смысл вкладывает каждый человек из числа перечисленных в свой ответ? Что он называет своим народом, нацией, племенем и в чем он видит свое отличие от соседей – вот нерешенная до сих пор проблема этнической диагностики. На бытовом уровне она не существует, подобно тому, как не требует определения различие между светом и тьмой, теплом и холодом, горьким и сладким. Иными словами, в качестве критерия выступает ощущение. Для обыденной жизни этого достаточно, но для понимания мало. Возникает потребность в определении. Но тут начинается разнобой. «Этнос – явление, определяемое общностью происхождения»; «этнос – порождение культуры на базе общего языка»; «этнос – группа людей, похожих друг на друга»; «этнос – скопище людей, объединенное общим самосознанием»; «этнос – условная классификация, обобщающая людей в зависимости от той или иной формации» (это означает, что категория этноса нереальна); «этнос – порождение природы»; «этнос – социальная категория».

Обобщая разнообразные в деталях взгляды советских ученых на соотношение природы и общественного человека, можно выделить три точки зрения. 1. «Единая» география сводит всю деятельность человека к природным закономерностям [9; 169]. 2. Некоторые историки и этнографы считают все феномены, связанные с человечеством, социальными, делая исключение лишь для анатомии и отчасти физиологии [2; 8; 34; 35; 37; 38; 126; 128; 198; 208]. 3. В антропогенных процессах различаются проявления общественной и комплекса природных (механическая, физическая, химическая и биологическая) форм движения материи. Последняя концепция представляется автору единственно правильной.

Особое место занимает точка зрения М. И. Артамонова, известного археолога и историка хазар. По его мысли, родившейся вследствие долгих занятий археологическими, т. е. мертвыми культурами и памятниками, лишенными саморазвития, но разрушающимися от течения времени (об этом см. выше), «этнос, как и класс, не социальная организация, а состо-

яние, при этом зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень; это прописная истина» [15; с. 75–77]. Согласиться трудновато.

Начнем с последнего тезиса. Организм человека входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза. Никто не может доказать, что профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполовым путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты, что он может не есть, или, наоборот, съесть обед на 40 человек, или что на него иначе действует земное тяготение. А ведь это все зависимость от природы того самого организма, который действует и мыслит, приспосабливается к изменяющейся среде и изменяет среду, приспосабливая ее к своим потребностям, объединяется в коллективы и в их составе создает государства. Мыслящая индивидуальность составляет единое целое с организмом и, значит, не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля. Но вместе с тем человек отличается от прочих животных тем, что изготавливает орудия, создавая качественно иную прослойку – техносферу. Произведения рук человека как из косного, так и из живого вещества (орудия, произведения искусства, домашние животные, культурные растения) выпадают из цикла конверсии биоценоза. Они могут лишь либо сохраняться, либо, ежели не законсервированы, разрушаться. В последнем случае они возвращаются в лоно природы. Брошенный в поле меч, перержавев, превращается в окись железа. Разрушенный замок становится холмиком. Одичавшая собака делается диким зверем динго, а лошадь – мустангом. Это смерть вещей (техносферы) и обратный захват природой похищенного у нее материала. История древних цивилизаций показывает, что природа хотя и терпит урон от техники, но в конечном счете берет свое, разумеется, за исключением тех предметов, которые преобразены настолько, что стали необратимы. Таковы кремневые орудия времен палеолита, отшлифованные плиты в Баальбеке, бетонированные площадки и пластмассовые изделия. Это трупы, даже мумии, которые биосфера не в силах вернуть в свое лоно, но процессы косного вещества – химические и термические – могут вернуть их в первозданное состояние в том случае, если нашу планету постигнет космическая катастрофа. А до тех пор они будут называться памятниками цивилизации, ибо и наша техника когда-нибудь станет памятником.

Приняв предложенную С. В. Калесником классификацию за основу, мы должны найти в ней место для феномена этноса. Забегая вперед, скажем, что этносы – явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли. Пусть это выглядит как декларация, но теперь читатель знает, ради чего написана эта книга, автор которой не просто стремился дать формулировку, а показать весь путь, которым она была достигнута, и основания, убеждающие в том, что она на сегодняшнем уровне науки отвечает всем требованиям, предъявляемым к научным гипотезам. После этого мы можем перейти к системе доказательств.

Часть первая

О видимом и невидимом, где доказывается, что поверхностные наблюдения уводят исследователя на ложный путь, и предлагаются способы самоконтроля и самопроверки.

1. О полезности этнографии и трудностях, подлежащих преодолению

Несходство этносов

Когда какой-либо народ² долго и спокойно живет на своей родине, то его представителям кажется, что их способ жизни, манеры, поведение, вкусы, воззрения и социальные взаимоотношения, т. е. все то, что ныне именуется «стереотипом поведения», единственно возможны и правильны. А если и бывают где-нибудь какие-либо отклонения, то это – от «необразованности», под которой понимается просто непохожесть на себя. Помню, когда я был ребенком и увлекался Майн Ридом, одна весьма культурная дама сказала мне: «Негры – такие же мужики, как наши, только черные». Ей не могло прийти в голову, что меланезийская колдунья с берегов Малаиты могла бы сказать с тем же основанием: «Англичане – такие же охотники за головами, как мы, только белого цвета». Обывательские суждения иногда кажутся внутренне логичными, хотя и основываются на игнорировании действительности. Но они немедленно разбиваются при соприкосновении с оной.

Для средневековой науки Западной Европы этнография была неактуальна. Общение европейцев с иными культурами ограничивалось бассейном Средиземного моря, на берегах которого жили потомки подданных Римской империи, частично обращенные в ислам. Это, конечно, разделяло их с «франками» и «латинами», т. е. французами и итальянцами, но наличие общих корней культуры делало разницу не настолько большой, чтобы исключить взаимопонимание. Но в эпоху Великих географических открытий положение изменилось коренным образом. Если даже можно было назвать негров, папуасов и североамериканских индейцев «дикарями», то этого нельзя было сказать ни про китайцев, ни про индусов, ни про ацтеков и инков. Надо было искать другие объяснения.

В XVI в. европейские путешественники, открыв для себя далекие страны, невольно стали искать в них аналогии с привычными им формами жизни. Испанские конкистадоры стали давать крещеным касикам титул «дон», считая их индейскими дворянами. Главы негритянских племен получили название «короли». Тунгусских шаманов считали священниками, хотя те были просто врачами, видевшими причину болезни во влиянии злых «духов», которые, впрочем, считались столь же материальными, как звери или иноплеменники. Взаимное непонимание усугублялось уверенностью, что и понимать-то нечего, и тогда возникали коллизии, приводившие к убийствам европейцев, оскорблявших чувства аборигенов, в ответ на что англичане и французы организовывали жестокие карательные экспедиции. Цивилизованный австралийский абориген Вайпулданья, или Филипп Робертс, передает рассказы о трагедиях тем более страшных, что они возникают без видимых причин. Так, аборигены убили белого, закурившего сигарету, сочтя его духом, имеющим в теле огонь. Дру-

² Народ, народность, нация, племя, родовой союз – все эти понятия обозначаются в этнологии термином «этнос», раскрытию которого и посвящена настоящая книга. Условиться о значении любого термина легко, но это мало что дает, разве лишь исходную позицию для исследования. Раскрыть термин трудно, ибо это значит показать место феномена в природе и истории. Когда мне говорят: «Скажи просто», я отвечаю: «А что такое свет? Скажите просто». Еще никто не ответил. Вот поэтому я прошу читателя простить мне сложность изложения и прочесть книгу с начала до конца, ничего не пропуская.

гого пронзили копьем за то, что он вынул из кармана часы и взглянул на солнце. Аборигены решили, что он носит в кармане солнце. А за подобными недоразумениями следовали карательные экспедиции, приводившие к истреблению целых племен. И не только с белыми, но и с малайцами у австралийских аборигенов и папуасов Новой Гвинеи часто возникали трагические коллизии, особенно осложненные переносом инфекции [139, с. 142–145].

30 октября 1968 г. на берегу реки Манаус, притока Амазонки, индейцы атроари убили миссионера Кальяри и восьмерых его спутников исключительно за бестактность, с их точки зрения. Так, прибыв на территорию атроари, падре известил о себе выстрелами, что по их обычаям неприлично; входил в хижину-малоку, несмотря на протест хозяев; выдрал за ухо ребенка; запретил брать кастрюлю со своим супом. Из всего отряда уцелел только лесник, знавший обычаи индейцев и покинувший падре Кальяри, не внимавшего его советам и забывшего, что люди на берегах По совсем не похожи на тех, кто живет на берегах Амазонки [205].

Прошло немало времени, прежде чем был поставлен вопрос: а не лучше ли примениться к аборигенам, чем истреблять их? Но для этого оказалось необходимым признать, что народы других культур отличаются от европейских, да и друг от друга, не только языками и верованиями, но и всем «стереотипом поведения», который целесообразно изучить, чтобы избегать лишних ссор. Так возникла этнография, наука о различиях между народами.

Уходит под ударами национально-освободительного движения колониализм, но остаются и расширяются межэтнические контакты. Следовательно, проблема установления взаимопонимания становится все более насущной как в глобальных масштабах мировой политики, так и в микроскопических, личных, при встречах с людьми симпатичными, но не похожими на нас. И тогда встает новый вопрос, теоретический, несмотря на практическую его значимость: а почему мы, люди, столь не похожи друг на друга, что должны «применяться» друг к другу, изучать чужие манеры и обычаи, искать приемлемые пути общения вместо тех, которые представляются нам естественными и которые вполне достаточны для внутриэтнического общения и удовлетворительны для контактов с нашими соседями? В некоторых случаях этническое несходство можно объяснить разнообразием географических условий, но ведь оно наблюдается и там, где климат и ландшафты близки между собою. Очевидно, без истории не обойтись.

В самом деле, разные народы возникали в разные эпохи и имели разные исторические судьбы, которые оставляли следы столь же неизгладимые, как личные биографии, которые формируют характер отдельных людей. Конечно, на этносы влияет географическая среда через повседневное общение человека с кормящей его природой, но это не все. Традиции, унаследованные от предков, играют свою роль, привычная вражда или дружба с соседями (этническим окружением) – свою, культурные воздействия, религия – имеют свое значение, но, кроме всего этого, есть закон развития, относящийся к этносам, как к любым явлениям природы. Проявление его в многообразных процессах возникновения и исчезновения народов мы называем этногенезом. Без учета особенностей этой формы движения материи мы не сможем найти ключ к разгадке этнопсихологии ни в практическом, ни в теоретическом плане. Нам нужно и то и другое, но на избранном нами пути возникают неожиданные трудности.

Запутанность применяющейся терминологии

Избыток первичной информации и слабая разработанность принципов систематизации особенно болезненно отражаются на истории и этнографии. Ведь одна только библиография занимает тома, разобраться в которых иногда не проще, нежели в самих научных проблемах. У читателя есть потребность в том, чтобы увидеть одновременно всю совокуп-

ность событий (принцип актуализма) или все способы их становления (принцип эволюционизма), а не многотомный список названий статей, по большей части устаревших. В трудах основоположников марксизма содержится программа системного подхода к пониманию исторических процессов, но к этногенезу она еще не применялась.

Правда, в старинной и отчасти забытой историографии известно несколько попыток ввести в эту область системный метод, но в отличие от представителей естественных наук их авторы не встретили ни понимания, ни сочувствия. Концепцию Полибия ныне рассматривают как изящный раритет; Ибн Халдуна (XIV в.) – как курьез; Джамбаттиста Вико упоминается только в истории науки, а грандиозные, хотя, пожалуй, неудачные, конструкции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби стали поводом для того, чтобы вообще отказаться от построения исторических моделей. Результат этого процесса однозначен. Поскольку всю совокупность исторических событий запомнить невозможно и поскольку при отсутствии системы нет и не может быть терминологии, то даже общение между историками год от года затрудняется.

Придавая терминам разные оттенки и вкладывая в них различное содержание, историки превращают их в многозначные слова. На первых стадиях этого процесса еще можно понять собеседника исходя из контекста, интонации, ситуации, при которой происходит диспут, но на последующих фразах и эта (неудовлетворительная) степень понимания исчезает. Так, слово «род» обычно применяется к понятию «родовой строй», но «род бояр Шуйских» сюда явно не относится. Еще хуже при переводе: если род – кельтский клан, то так нельзя называть какую-либо казахскую отрасль Среднего и Младшего Жуса (ру) или алтайскую «кость» (сеок), потому что они различны по функциям и генезису. А все эти отнюдь не схожие явления именуются одинаково и, более того, на этом основании приравняются друг к другу. Волей-неволей историк изучает не предмет, а слова, уже потерявшие смысл, в то время как реальные явления от него ускользают. А теперь допустим, что о проблеме дискутируют три историка, причем один вкладывает в понятие «род» – клан, второй – сеок, третий – боярскую фамилию. Очевидно, что они просто не поймут не только друг друга, но и того, о чем идет речь.

Конечно, нам могут возразить, что можно условиться о терминах, но количество понятий растет прямо пропорционально накоплению информации, появляются все новые термины, которые при отсутствии системы становятся многозначными (полисемантическими) и, следовательно, негодными для целей анализа и синтеза. Но и здесь можно найти выход.

До сих пор мы говорили о кондициях исследования, скажем же о перспективах его. Изучение любого предмета имеет практическое значение лишь тогда, когда есть возможность обозреть предмет целиком. Так, например, электротехник должен представлять себе, пусть не в одинаковой степени, действие ионизации и тепловой отдачи, электромагнитного поля и т. п.; физикогеограф, говоря об оболочках Земли, помнит о тропосфере, гидросфере, литосфере и даже биосфере. Так же и историк лишь тогда может сделать более весомые и интересные для читателя выводы, когда он охватывает в едином рассуждении широкий комплекс взаимосвязанных событий, одновременно уславливаясь о терминологии. Это трудно, но не невозможно. Важно лишь, чтобы вывод соответствовал всем учтенным фактам. Если кто-либо предложит для объяснения перечисленных в этой книге фактов концепцию более изящную и более убедительную, то я с почтением склоню перед ним голову. И наоборот, если бы кто-нибудь объявил мои выводы окончательными, не подлежащими пересмотру и дальнейшей разработке, то я не согласился бы с ним. Многие книги, увы, живут не дольше, чем люди, а развитие науки – имманентный закон становления человечества. И поэтому я вижу свою задачу в том, чтобы принести посильную пользу Прекрасной Даме Истории и ее

Мудрой Сестре – Географии, которая роднит людей с их праmaterью – Биосферой планеты Земля³.

Обобщения и скрупулюсы

Вид *Homo sapiens*, распространившийся по всей суше и значительной части морской поверхности планеты, внес в ее конфигурацию столь значительные изменения, что их можно приравнять к геологическим переворотам малого масштаба... [48, с. 273]. Но из этого вытекает, что нами выделяется особая категория закономерностей – историко-географическая, требующая для рассмотрения и изучения особой методики, совмещающей исторические и географические приемы исследования. Это само по себе не ново, но подход к проблеме до сих пор был эклектическим. Например, применение анализа по C^{14} для датировок археологических памятников, электроразведка (дело слишком трудоемкое для практического применения), приемы кибернетики при изучении «каменных баб» (что дало те же результаты, что и визуальный подсчет) и т. п. А самое главное упускалось из виду! Это «главное», по нашему мнению, – умение извлекать информацию из молчания источников. Путь индукции ограничивает возможности историка простым или критическим пересказом чужих слов, причем лимитом исследования является недоверие к данным источника. Но этот результат негативный и потому не окончательный. Позитивным будет только установление некоторого количества бесспорных фактов, которые, будучи отсоединены от источника, могут быть сведены в хронологическую таблицу или размещены по исторической карте. Для того чтобы их интерпретировать, нужна философия, постулат, а это нарушает принятый принцип индуктивного исследования. Тупик!

Так! Но географ, геолог, зоолог, почвовед никогда не имеют больше данных, а их науки развиваются. Это происходит потому, что вместо философского постулата естественники применяют «эмпирическое обобщение», имеющее, согласно В. И. Вернадскому, достоверность, равную наблюдаемому факту [47, с. 19]. Иными словами, естественные науки преодолели молчание историков и даже извлекли из этого пользу для науки, поскольку избавились от лжи, всегда содержащейся в источнике или приносимой нами самими путем неадекватного восприятия. Так почему от этого отказываться историкам? Привлекая природу как источник, мы обязаны привлечь и соответствующую методику изучения, а это дает нам великопные перспективы, которые позволяют приподнять покрывало Изиды.

Одна из задач науки – это получение наибольшей информации из наименьшего количества фактов, дабы сделать возможным выделение точных закономерностей, позволяющих с единой точки зрения понять самые разные явления, а в дальнейшем научиться ориентироваться в них. Эти закономерности невидимы, но и не придуманы: они открыты путем обобщения. Приведу пример, заимствованный из биологии: «По небу движутся звезды и планеты. Воздушный шар поднимается, а камень, сорвавшись с обрыва, падает в пропасть. Реки текут в море, а в океанах выпадают осадки, образуя слои осадочных пород. У мыши очень тонкие лапки, а у слона – огромные конечности. Наземные животные не достигают размеров китов и гигантских кальмаров. Что общего между этими фактами? Все они основаны на закономерности всемирного тяготения, которая переплетается с другими закономерностями, столь же реальными, невидимыми, но умопостигаемыми» [140, с. 7].

³ *Биосфера* – термин, введенный в науку В. И. Вернадским, означает одну из оболочек Земли, включающую в себя кроме совокупности живых организмов все плоды их былой жизнедеятельности: почвы, осадочные породы, свободный кислород атмосферы. Таким образом, установление связи этногенеза с биохимическими процессами биосферы не «биологизм», как полагают некоторые мои оппоненты, а уж скорее «географизм», хотя и такой «ярлык» вряд ли уместен; ведь все, что есть на поверхности Земли, так или иначе входит в сферу географии – либо физической, либо экономической, либо исторической.

Земная гравитация существовала всегда, но, чтобы люди узнали о ее существовании, понадобилось озарение Ньютона, наблюдавшего падение яблока с ветки. И сколько еще могучих сил природы, окружающих нас и управляющих нашей судьбой, лежит за пределами нашего разума. Мы живем в недооткрытом мире и часто двигаемся на ощупь, что иной раз ведет к трагическим последствиям. Вот почему волшебные очки науки, под которыми я подразумеваю прозрение гениальных ученых, нужны для того, чтобы, поняв окружающий нас мир и наше место в нем, научиться провидеть хотя бы ближайшие последствия своих поступков.

Исследования, посвященные установлению функциональной связи явлений физической географии и палеоэтнологии на материале истории Центральной Азии и археологии низовий Волги, позволили сделать три вывода. 1. Историческая судьба этноса, являющаяся результатом его деятельности, непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. 2. Археологическая культура данного этноса, представляющая собою кристаллизованный след его исторической судьбы, отражает палеогеографическое состояние ландшафта в эпоху, поддающуюся абсолютной датировке. 3. Сочетание исторических и археологических материалов позволяет судить о характере данного вмещающего ландшафта в ту или иную эпоху, следовательно, о характере его изменений [67, с. 95; 68, с. 78].

Разумеется, здесь точность относительна, но допуск плюс-минус 50 лет при размытых границах не влияет на выводы и, следовательно, безвреден. Гораздо опаснее стремление к скрупулезности в прямом смысле слова. *Scrupulus* (лат.) – камешек, попадавший в сандалии и коловший ступни древних римлян. Изучать расположение этих камешков в сандалиях они считали делом бессмысленным, полагая, что надо просто разуться и вытрясти обувь. Поэтому слово «скрупулезность» означало ненужный учет мелочей. Ныне это слово употребляется в смысле «сверхточный».

К сожалению, требование «скрупулезности» не всегда безобидно, в частности при сопоставлении природных явлений с историческими событиями, ибо законный допуск достигает 50–60 лет и не может быть уменьшен, так как искомая связь опосредствована системой хозяйства древних стран [подробнее: 71, 74, 85]. Система хозяйства, земледельческого, скотоводческого и даже охотничьего, имеет свою инерцию. Если, допустим, ее расшатывают засухи, то ослабление основанного на ней государства произойдет лишь тогда, когда иссякнут запасы и постоянное недоедание (а не кратковременный голод) подорвет силы нарождающегося поколения. Вскрыть этот процесс можно только путем широкой интеграции рядов исторических событий, а никак не скрупулезного коррелирования природных и исторических явлений. Следует напомнить в связи с этим замечательные слова естествоиспытателя: «Вы никогда не узнаете, на что похожа мышь, если будете тщательно изучать ее отдельные клетки под микроскопом, так же как не поймете прелести готического собора, подвергая каждый его камень химическому анализу» [228. Цит. по: 145, с. 298]. Разумеется, рассматривая один или даже два факта в отрыве от прочих, мы остаемся в плену у древних авторов, умеющих с умом и талантом навязывать свои оценки читателю. Но если мы отслоим от источников прямую информацию и возьмем вместо двух фактов – две тысячи, то получим несколько причинно-следственных цепочек, коррелирующих не только между собой, но и с предложенной нами моделью. Это не простая функциональная зависимость, каковую искали в XVIII в. поборники географического детерминизма, например Ш. Монтескье. Здесь мы находим связь системную, ставшую основой науки о взаимоотношении человечества с природой.

Универсальность и специфичность отмеченного нами взаимодействия позволяют выделить его изучение в самостоятельную, пограничную область науки и, как сочетание истории с географией, назвать этнологией. Но здесь встает новый большой вопрос: можно ли найти осязаемое определение этноса?

Рамки

Что нам точно известно об этносах? Очень много и очень мало. Мы не имеем оснований утверждать, что этнос как явление имел место в нижнем палеолите. За высокими надбровными дугами внутри огромной черепной коробки неандертальца, видимо, гнездились мысли и чувства. Но о том, каковы они были, мы пока не имеем права даже догадываться, если хотим остаться на платформе научной достоверности. О людях эпохи верхнего палеолита мы знаем больше. Они великолепно умели охотиться, делали копья и дротики, одевались в одежду из звериных шкур и рисовали не хуже парижских импрессионистов. По-видимому, форма их коллективного бытия походила на те, которые известны нам, но это только предположение, на котором даже нельзя строить научную гипотезу. Не исключено, что в древние эпохи были какие-нибудь особенности, до нашего времени не сохранившиеся.

Зато народы позднего неолита и бронзы (III–II тысячелетие до н. э.) мы можем считать с большей долей вероятности подобными историческим. К сожалению, наши знания об этнических различиях в это время отрывочны и скудны настолько, что, базирясь на них, мы рискуем не отличить закономерности, которая нас в данный момент интересует, от локальных особенностей и, приняв частное за общее, впасть в ошибку.

Достоверный материал для анализа дает нам так называемая историческая эпоха, когда письменные источники освещают историю этносов и их взаимоотношений. Мы вправе, изучив этот раздел темы, применить полученные наблюдения к более ранним эпохам и, путем экстраполяции, восполнить пробелы наших знаний, возникающие на первой стадии изучения. Таким образом, мы избежим аберрации дальности, одной из наиболее частых ошибок исторической критики.

За верхнюю дату целесообразно принять начало XIX в., потому что для установления закономерности нам нужны только законченные процессы. Говорить о незаконченных процессах можно лишь в порядке прогнозирования, а для последнего нужно иметь в руках формулу закономерности, ту самую, которую мы ищем. Кроме того, при исследовании явлений XX в. возможна аберрация близости, при которой явления теряют масштабность, как при аберрации дальности. Поэтому мы ограничимся для постановки проблемы эпохой в 3 тыс. лет, с XII в. до н. э. по XIX в. н. э., или, для наглядности, от падения Трои до низложения Наполеона.

Для начала мы исследуем наш обильный материал путем синхронистической методики, основываясь на сопоставлении сведений, достоверность которых не вызывает сомнений. Новое, что мы собираемся внести, будет сочетание фактов в предлагаемом нами аспекте. Это необходимо, потому что калейдоскоп дат в различных хронологических таблицах не дает читателю никакого представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни. Предлагаемая методика характерна не столько для гуманитарных, сколько для естественных наук, где установление связей между фактами на основании статистической вероятности и внутренней логики явлений считается единственным путем для построения эмпирического обобщения, которое столь же достоверно, как и наблюдаемый факт [47, с. 19]. Эмпирическое обобщение не является ни гипотезой, ни популяризацией, хотя оно строится не на первичном материале (опыте, наблюдении, чтении первоисточника), а на уже собранных и проверенных фактах. Сведение материала в систему и построение концепции есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению. Для наших целей нужна именно эта средняя ступень.

Кажется, что чем подробнее и многочисленнее сведения, касающиеся того или иного предмета, тем легче составить о нем исчерпывающее представление. Но так ли это на самом деле? Скорее всего, нет. Излишние, слишком мелкие сведения, не меняющие картины в

целом, создают то, что в кибернетике и системологии именуется «шумы», или «помехи». Однако для других целей бывают нужны именно нюансы настроений. Короче говоря, для уяснения природы явлений следует охватывать всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, а не сведения, имеющиеся в арсенале науки.

Но что считать «относящимся к вопросу»? Видимо, ответ в разных случаях будет разным. История человечества и биография замечательного человека – явления не равно-великие, и закономерности развития в обоих случаях будут разными, а между ними есть сколько угодно градаций. Дело осложняется тем, что любое историческое явление – войну, издание закона, сооружение памятника архитектуры, создание княжества или республики и т. д. – следует рассматривать в нескольких степенях приближения, причем сопоставление этих степеней дает, на первый взгляд, противоречивые результаты. Приведем пример из общеизвестной истории Европы. После Реформации возникла борьба между протестантской Унией и католической Лигой (приближение *a*). Следовательно, все протестанты Западной Европы должны были бы воевать против всех католиков. Однако католическая Франция была членом протестантской Унии, а протестантская Дания в 1643 г. ударила в тыл протестантской Швеции, т. е. политические интересы были поставлены выше идеологических (приближение *b*). Значит ли это, что первое утверждение было неверным? Отнюдь нет. Оно было только более обобщенным. Кроме того, в войсках обеих сторон сражались наемники, в подавляющем большинстве индифферентные к религии, но падкие на грабеж; значит, в следующем приближении (*c*) можно было бы охарактеризовать Тридцатилетнюю войну как разгул бандитизма, и это было бы в какой-то мере тоже правильно. Наконец, за религиозными лозунгами и золотыми диадемами королей скрывались реальные классовые интересы, не учитывать которые было бы неправильно (приближение *d*). К этому можно прибавить сепаратистские тенденции отдельных областей (приближение *e*), обнаруживаемые путем палео-этнографии, и т. д.

Как видно из приведенного примера, система последовательных приближений – дело сложное даже при разборе одного локализованного эпизода. Тем не менее терять надежду на успех не надо, ибо нам остается путь научной дедукции. Подобно тому как движение Земли является сложносоставным из многих закономерных движений (вращение вокруг оси, вращение вокруг Солнца, смещение полюса, перемещение со всей планетной системой по Галактике и многие другие), так и человечество, антропосфера, развиваясь, испытывает не одно, а ряд воздействий, изучаемых отдельными науками. Спонтанное движение, отраженное в общественном развитии, изучается историческим материализмом; физиология человека – область биологии; соотношение человека с ландшафтом – историческая география – находится в сфере географических наук; изучение войн, законов и учреждений – история политическая, а мнений и мыслей – история культуры; изучение языков – лингвистика, а творчества литературного – филология и т. д. Где же помещается наша проблема?

Начнем с того, что этнос (тот или иной), как, например, язык, явление не социальное, потому что он может существовать в нескольких формациях. Влияние спонтанного общественного развития на становление этносов экзогенно. Общественное развитие может оказать воздействие на формирование или разложение этносов только при условии своего воплощения в истории, как политической, так и культурной. Поэтому можно сказать, что проблема этногенеза лежит на грани исторической науки, там, где ее социальные аспекты плавно переходят в естественные.

Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности Земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта как фактора, представляющего экономические возможности естественно сложившимся человеческим коллективам – этносам [116, с. 412–416]. Но сочетания истории с географией для нашей проблемы недостаточно, потому что речь идет о живых организмах, которые, как известно,

всегда находятся в состоянии либо эволюции, либо инволюции, либо мономорфизма (устойчивости внутри вида) и взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя сообщества – геобиоценозы.

Таким образом, следует поместить нашу проблему на стыке трех наук: истории, географии (ландшафтоведения) и биологии (экологии и генетики). А коль скоро так, то можно дать второе приближение определения термина «этнос»: этнос – специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез – локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и хоронимического (ландшафтного) факторов.

Может показаться экстравагантным аспект, в котором одной из движущих сил развития человечества являются страсти и побуждения, но начало этому типу исследований положили Ч. Дарвин и Ф. Энгельс [143, т. 21, с. 176]. Следуя научной традиции, мы обращаем внимание на ту сторону человеческой деятельности, которая выпала из поля зрения большинства наших предшественников.

У историка без географии встречается «претыкание»

Зависимость человека от окружающей его природы, точнее – от географической среды, не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости расценивалась различными учеными различно. Но в любом случае хозяйственная жизнь народов, населяющих и населявших Землю, тесно связана с ландшафтами и климатом населенных территорий. Подъем и упадок экономики древних эпох проследить довольно трудно, опять-таки из-за неполноценности информации, получаемой из первоисточников. Но есть индикатор – военная мощь. Что касается Нового времени, то это ни у кого не вызывает сомнений, однако уже две тысячи лет дело обстояло точно так же, и не только у оседлых народов, но и у кочевников. Для похода надо иметь не только сытых, сильных и неутомленных людей, способных натягивать тугой лук «до уха» (что позволяло метать стрелы на 700 м, тогда как при натягивании «до глаза» дальность полета стрелы – 350–400 м) и фехтовать тяжелым мечом или, что еще труднее, кривой саблей. Нужно было еще иметь коней, примерно по четыре-пять на человека, учитывая обоз или выюки. Требовался запас стрел, а изготовление их – дело трудоемкое. Нужны были запасы провианта, например для кочевников – отара овец, а следовательно, при ней пастухи. Нужна резервная стража для охраны женщин и детей... Короче говоря, война и тогда стоила денег, к тому же больших. Вести войну за счет врага можно только после первой, и немалой, победы, а для того чтобы ее одержать, требуется крепкий тыл, цветущее хозяйство, а соответственно, оптимальные природные условия.

О значении географических условий, например рельефа для военной истории, говорилось давно, даже, можно сказать, всегда. Достаточно напомнить несколько примеров из древней истории: битву при Тразименском озере Ганнибал выиграл, использовав несколько глубоких долин, расположенных к берегу озера и дороге, по которой шли римские войска, под углом в 90°. Благодаря этой диспозиции он атаковал римское войско сразу в трех местах и выиграл битву. При Киноскефалах македонская фаланга на пересеченной местности рассыпалась, и римляне легко перебили тяжеловооруженных врагов, потерявших строй. Эти и подобные примеры всегда находились в поле зрения историков и дали повод И. Болдину сделать знаменитое замечание: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание» [32, т. 2, с. 20]. Однако останавливаться на такой ясной проблеме в XX в. нецелесообразно, потому что и история ныне ставит куда более глубокие задачи, чем раньше, да и география отошла от простого описания диких уголков нашей планеты и обрела возможности, которые нашим предкам были недоступны.

Поэтому мы поставим вопрос иначе: не только *как влияет географическая среда на людей, но и в какой степени сами люди являются составной частью* той оболочки Земли, которая сейчас именуется биосферой [47]. На какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда и на какие не влияет? Эта постановка вопроса требует анализа, т. е. искусственного расчленения проблемы для удобства исследования. Следовательно, она для понимания истории имеет лишь вспомогательное значение, так как цель нашей работы – синтез. Но, увы, как нельзя построить дом без фундамента, так невозможно дать обобщение без предварительного расчленения. Ограничимся минимумом. Говоря об истории человечества, мы обычно имеем в виду общественную форму движения истории, т. е. прогрессивное развитие человечества как целого по спирали. Это движение спонтанное и уже по одному этому не может быть функцией каких бы то ни было внешних причин. На эту сторону истории ни географические, ни биологические воздействия влиять не могут. Так на что же они влияют? На организмы, в том числе и людские. Этот вывод уже сделан в 1922 г. Л. С. Бергом для всех организмов, в том числе и людей: «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть» [22, с. 180–181]. А под «ландшафтом» понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий особую целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [116, с. 455]. В сочетании это можно назвать «месторазвитием» [181, с. 30–31]. Сформулированный здесь тезис Л. С. Берг назвал хоронимическим (от греч. *«хорос»* – место) принципом эволюции, связав таким образом географию с биологией. В принятом нами аспекте к двум названным наукам прибавлена история, и тем не менее принцип остается неколебимым. Более того, он получил новое неожиданное подтверждение, и это обязывает нас продолжать рассмотрение закономерностей развития этноса, но уже с учетом динамического момента, появления новых этносов, т. е. этногенеза на базе характеристики фаз этногенеза. Однако это тема другой главы.

2. Природа и история

Сочетание природоведения и истории

В древности, когда мир представлялся человеку целостным, несмотря на видимое разнообразие, и взаимосвязанным вопреки кажущейся разобщенности, проблема сопряжения естествознания и истории не могла даже возникнуть. В анналы вносили все события, считавшиеся достойными увековечивания. Войны и потопа, перевороты и эпидемии, рождение гения и полет кометы – все это считалось явлениями равноценными по значимости и интересу для потомков. Тогда в научной мысли господствовал принцип магии: «сходное порождает сходное», позволявший путем широких ассоциаций улавливать связи между явлениями природы и судьбами народов или отдельных людей. Этот принцип получил развитие в астрологии и мантике (науке о гадании), но с развитием отдельных наук, по мере накопления знаний, он был отброшен как несостоятельный и не оправдывающий себя при практическом применении.

В XVIII–XIX вв. благодаря дифференциации наук было накоплено огромное количество сведений, к началу XX в. ставшее необозримым. Образно говоря, могучая река Науки была пущена в ирригационные арыки. Животворная влага оросила широкую территорию, но озеро, ранее ею питаемое, т. е. целостное мирозерцание, высохло. И вот осенний ветер вздымает донные отложения и засекает соленой пылью разрыхленную землю полей. Скоро на месте степи, пусть сухой, но кормившей стада, возникнут солончаки, и биосфера уступит место косному веществу, конечно, не навсегда, но надолго. Ведь когда люди покинут обреченную землю, арыки заилятся, а река снова проложит русло и заполнит естественную впадину. Ветер заметет солончаки тонким слоем пресной пыли; на ней пробьется травка и упадет, не съеденная копытными. Через несколько веков на равнине образуется гумусный слой, а в озере – планктон; значит, придут травоядные, а водоплавающие птицы на лапках принесут в озеро рыбу икру... И жизнь опять восторжествует в своем многообразии.

Так и в науке: узкая специализация полезна лишь как средство накопления знаний: дифференциация дисциплин была этапом, необходимым и неизбежным, который станет губительным, если затянется надолго. Накопление сведений без систематизации их на предмет широкого обобщения – занятие довольно бессмысленное. И так ли уж ложны были принципы древней науки? Может быть, несостоятельность ее заключалась не в постулатах, а в неумелом их применении? Ведь есть же взаимодействие «истории природы и истории людей», которое можно уловить, используя сумму накопленных знаний и методику исследования, развивающуюся на наших глазах. Попытаемся же пойти по этому пути и сформулируем задачу так: может ли изучение истории принести пользу при интерпретации явлений природы?

Очевидно, что социальные и природные явления не идентичны, но имеют где-то точку соприкосновения. Ее-то и надо найти, потому что это не может быть антропосфера в целом. Даже если понимать антропосферу как биомассу, то необходимо отметить две стороны явления: а) *мозаичность*, ибо разные коллективы людей по-разному взаимодействуют с окружающей средой; если же учесть хорошо известную историю последних пяти тысяч лет, то это разнообразие и выяснение его причин окажутся ключом к поставленной проблеме; б) *многогранность* изучаемого предмета – человечества. Это надо понимать в том смысле, что каждый человек (или человечество в целом) является и физическим телом, и организмом, и верхним звеном какого-либо биоценоза, и членом общества, и представителем народности и т. п. В каждом из перечисленных примеров предмет (в данном случае человек) изучается соответствующей научной дисциплиной, что не отрицает других аспектов исследования. Для нашей проблемы важна именно этническая сторона человечества как целого.

Сделаем небольшой экскурс в гносеологию. Спросим себя: что доступно непосредственному наблюдению? Оказывается, это не предмет, а границы предметов. Мы видим воду моря, небо над землей, ибо они граничат с берегами, воздухом, горами.

Но пелагические рыбы могли бы догадаться о существовании воды только будучи выловлены и вытянуты на воздух. Так, мы знаем, что как категория время есть, но, не видя его границ, не имеем возможности дать времени общепринятое определение. И чем сильнее контраст, тем яснее для нас предметы, которых мы не видим, а додумываем, т. е. воображаем.

Историю как цепочки событий мы наблюдаем постоянно. Следовательно, история – это граница... к счастью, мы знаем чего – социальной формы движения материи и четырех природных. А раз так, то наряду с социосферой и порожденной ею техносферой есть некая живая сущность, находящаяся не только вокруг людей, но и в них самих. И эти стихии столь контрастны, что улавливаются человеческим сознанием без малейшего труда. Именно поэтому оказались ненужными, вернее, недостаточными гуманитарные концепции – они ставили вопрос о влиянии на исторический процесс или процессы географических, биологических, социальных или (в идеалистических системах) духовных факторов, а не о сопря-

жении тех и других, благодаря чему становятся доступны эмпирическому обобщению и сам процесс, и его составляющие. Предлагаемый здесь подход – не что иное, как анализ, т. е. «расчленение», необходимое для того, чтобы «распутать» неясные места в истории и потом перейти к синтезу, когда учитываются результаты разных методик исследования.

В историографии XIX в. взаимодействие социального с природным учитывалось не всегда [166, с. 227]. Но теперь динамика природных процессов изучена настолько, что сопоставимость их с историческими событиями очевидна. Биоценология показала, что человек входит в биоценоз ландшафта как верхнее завершающее звено, ибо он – крупный хищник и как таковой подвластен эволюции природы, что отнюдь не исключает наличия дополнительного момента – развития производительных сил, создающих техносферу, лишенную само-развития и способную только разрушаться.

Формации и этносы

Впрочем, если мы просмотрим всю мировую историю, то заметим, что совпадения смены формаций и появления новых народов – всего лишь редкие исключения, тогда как в пределах одной формации постоянно возникают и развиваются этносы, очень не похожие друг на друга.

Возьмем для примера XII век, когда феодализм процветал от Атлантики до Тихого океана. Разве похожи были французские бароны на свободных крестьян Скандинавии, на рабов-воинов – мамлюков Египта, на буйное население русских вечевых городов, на нищих завоевателей полумира – монгольских нухуров или на китайских земле владельцев империи Сун? Единым у всех них был феодальный способ производства, но в остальном между ними было мало общего. Отношение к природе не совпадает у земледельца и кочевника; восприимчивость к чужому или способность к культурным заимствованиям в Европе была выше, чем в Китае, равно как стремление к территориальным захватам, стимулировавшее крестовые походы; русское подсечное земледелие было проще и примитивнее виноградарства Сирии и Пелопоннеса, но при меньших затратах труда приносило баснословные урожаи; языки, религия, искусство, образование – все было непохоже, но в этом разнообразии не было беспорядка: каждый уклад жизни был достоянием определенного народа. Особенно это заметно по отношению к ландшафтам, в которых создавались и обитали этносы.

Но не нужно думать, что только природой определяется степень этнической оригинальности. Проходили века, и соотношения этносов менялись: одни из них исчезали, другие появлялись; и этот процесс в советской науке принято называть этногенезом. В единой мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не означает совпадения, а тем более единства. Факторы процесса истории различны, и наша задача – анализ – заключается в том, чтобы выделить в нем феномены, непосредственно присущие этногенезу, и тем уяснить себе, что такое этнос и какова его роль в жизни человечества.

Для начала необходимо условиться о назначении терминов и границах исследования. Греческое слово «этнос» имеет в словаре много значений, из которых мы выбрали одно: «вид, порода», подразумевается – людей. Для нашей постановки темы не имеет смысла выделять такие понятия, как «племя» или «нация», потому что нас интересует тот член, который можно вынести за скобки, иными словами, то общее, что имеется и у англичан, и у масаев, и у древних греков, и у современных цыган. Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру. Противопоставление «мы – они» (*conditio sine qua non est*) характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы (люди Срединного государства) и ху (варварская периферия, в том числе и русские),

арабы-мусульмане во время первых халифов и «неверные»; европейцы-католики в Средние века (единство, называемое христианским миром) и нечестивые, в том числе греки и русские; «православные» (в ту же эпоху) и «нехристи», включая католиков; туареги и нетуареги, цыгане и все остальные и т. д. Явление такого противопоставления универсально, что указывает на глубокую его подоснову, но само по себе это лишь пена на многоводной реке, и сущность его нам предстоит вскрыть. Однако уже сделанного наблюдения достаточно, чтобы констатировать сложность эффекта, который можно назвать этническим (в смысле «породным») и который может стать аспектом для построения этнической истории человечества, подобно тому как построены социальная, культурная, политическая, религиозная и многие другие. Поэтому наша задача состоит прежде всего в том, чтобы уловить *принцип* процесса.

Связь этнической культуры с географией несомненна, но ею нельзя исчерпывать всю сложность взаимоотношений многообразных явлений природы с зигзагами истории этносов. И более того, тезис, согласно которому любой признак, положенный в основу классификации этносов, является адаптационным к конкретной среде, отражает только одну сторону процесса этногенеза. Еще Гегель писал, что «недопустимо указывать на климат Ионии как на причину творений Гомера» [52, с. 72]. Однако, сложившись в определенном регионе, где приспособление к ландшафту было максимальным, этнос при миграции сохраняет многие первоначальные черты, которые отличают его от этносов-аборигенов. Так, испанцы, переселившиеся в Мексику, не стали индейцами ацтеками или майя. Они создали для себя искусственный микроландшафт – города и укрепленные асьенды, сохранили свою культуру, как материальную, так и духовную, несмотря на то что влажные тропики Юкатана и полупустыни Анауака весьма отличались от Андалусии и Кастилии. И ведь отделение Мексики (Новой Испании, как она тогда называлась) от Испании в XIX в. было в значительной мере делом рук потомков индейских племен, принявших испанский язык и католичество, но поддержанных свободными племенами команчей, бродивших к северу от Рио-Гранде.

Теперь сделаем первый вывод, который будет в дальнейшем изложении исходным. Мозаичная антропосфера, постоянно меняющаяся в историческом времени и взаимодействующая с ландшафтами планеты Земля, – не что иное, как *этносфера*. Поскольку человечество распространено по поверхности суши повсеместно, но неравномерно и взаимодействует с природной средой Земли всегда, но по-разному, целесообразно рассматривать его как одну из оболочек Земли, но с обязательной поправкой на этнические различия. Таким образом, мы вводим термин «этносфера». Этносфера, как и прочие географические явления, должна иметь свои закономерности развития, отличные от биологических и социальных. Этнические закономерности просматриваются в пространстве (этнография) и во времени (этногенез и палеогеография антропогенных ландшафтов).

Можно ли верить историческим источникам?

В. К. Яцунский, автор прекрасных обзоров географической мысли XV–XVIII вв., справедливо отмечает: «Историческая география изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых веков» [219, с. 3]. Исходные данные для этого поиска, очевидно, следует искать в исторических сочинениях эпох минувших. Но как? К сожалению, нет никаких указаний на возможную методику исследования. И вот почему.

Исторические материалы как источник для восстановления древних климатических условий применялись и применяются очень широко. В этом плане развивалась знаменитая полемика между Л. С. Бергом [23] и Г. Е. Грумм-Гржимайло [60] по вопросу об усыхании Центральной Азии в исторический период. Связанную с этим вопросом проблему колебания уровня Каспийского моря в I тыс. н. э. также пытались решить путем подбора цитат из сочинений древних авторов [10, 11, 24, 216]. Делались специальные подборки сведений из

русских летописей, для того чтобы составить заключение об изменении климата Восточной Европы [28, 40]. Но итоги многочисленных и трудоемких исследований не оправдали ожиданий. Иногда сведения источников подтверждались, а иногда проверка другим путем их опровергала. Очевидно, что совпадение полученных данных с истиной было делом случая, а это говорит о несовершенстве методики. В самом деле, путь простых ссылок на свидетельства древнего или средневекового автора приведет к ложному или, в лучшем случае, неточному выводу. Так и должно быть. Летописцы упоминали о явлениях природы либо между прочим, либо исходя из представлений науки их времени, трактовали грозы, наводнения и засухи как предзнаменования или наказание за грехи. В обоих случаях явления природы описывались выборочно, когда они оказывались в поле зрения автора, а сколько их было опущено, мы даже догадаться не можем. Один автор обращал внимание на природу, а другой, в следующем веке, – нет, и может оказаться, что в сухое время дожди упомянуты чаще, чем во влажное. Историческая критика тут помочь не в состоянии, потому что по отношению к пропускам событий, не связанных причинно-следственной зависимостью, она бессильна.

Древние авторы всегда писали свои сочинения ради определенных целей и, как правило, преувеличивали значение интересовавших их событий. Степень же преувеличения или преуменьшения определить очень трудно и не всегда возможно [66, с. 59–62]. Так, Л. С. Берг на основании исторических сочинений сделал вывод, что превращение культурных земель в пустыни является следствием войн [23]. Ныне эта концепция принимается без критики, и в качестве примера чаще всего приводится находка П. К. Козлова – мертвый тангутский город Идзин-ай, известный под названием Хара-Хото [144, с. 56]. Этот момент является настолько показательным, что мы сосредоточим наше внимание на одной проблеме – географическом местоположении этого города и условиях его гибели.

Тангутское царство располагалось в Ордосе и Алашане, в тех местах, где ныне находятся песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно быть бедным и малолюдным, а на самом деле оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, академию, школы, судопроизводство и даже дефицитную торговлю, ибо оно больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное, выводом живого скота, который составлял богатство Тангутского царства [60].

Город, обнаруженный П. К. Козловым, расположен в низовьях Эцзин-гола, в местности, ныне безводной. Две старицы, окружающие его с востока и с запада, показывают, что вода там была, но река сместила русло к западу и ныне впадает двумя рукавами в озера: соленое – Гашун-нор и пресное – Сого-нор. П. К. Козлов описывает долину Сого-нор как прелестный оазис среди окружающей его пустыни, но вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии. А ведь только цитадель города Идзин-ай представляет собой квадрат, сторона которого равна 400 м. Кругом же прослеживаются следы менее капитальных строений и фрагменты керамики, показывающие наличие слобод. Разрушение города часто приписывают монголам. Действительно, в 1227 г. Чингисхан взял тангутскую столицу, и монголы жестоко расправились с ее населением. Но город, открытый П. К. Козловым, продолжал жить еще в XIV в., о чем свидетельствуют даты многочисленных документов, найденных работниками возглавлявшейся им экспедиции. Кроме того, гибель города связана с изменением течения реки, которая, по народным преданиям торгоутов, была отведена осаждающими посредством плотины из мешков с землей. Плотина эта сохранилась до сих пор в виде вала. Так оно, видимо, и было, но монголы тут ни при чем. В описаниях взятия города Урахая (*монг.*), или Хэчуйчена (*кит.*), нет таких сведений. Да это было бы просто невозможно, так как у монгольской конницы не было на вооружении необходимого шанцевого инструмента. Гибель города приписана монголам по дурной традиции, начавшейся еще в Средние века, приписывать им все плохое. На самом деле тангутский город погиб в 1372 г. Он был взят китайскими войсками минской династии, ведшей в то время войну

с последними Чингисидами, и разорен как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с запада [177, с. 244].

Но почему же тогда он не воскрес? Изменение течения реки не причина, так как город мог бы перекочевать на другой проток Эцзин-гола. И на этот вопрос можно найти ответ в книге П. К. Козлова. Со свойственной ему наблюдательностью он отмечает, что количество воды в Эцзин-голе сокращается, озеро Сого-нор мелеет и зарастает камышом. Некоторую роль здесь играет перемещение русла реки на запад, но одно это не может объяснить, почему страна в XIII в. кормила огромное население, а к началу XX в. превратилась в песчаную пустыню.

Итак, вина за запустение культурных земель Азии лежит не на монголах, а на изменении климата, явлении, описанном нами в специальных работах [69; 70].

Можно ли верить памятникам?

Но почему именно Чингису и его детям приписывалось опустошение Азии, в то время как другие события, гораздо большего масштаба, например разгром уйгуров кыргызами в 841–846 гг. или поголовное истребление калмыков маньчжурским императором Цянь Луном в 1756–1758 гг.⁴, остались вне поля зрения историков?

Ответ на этот вопрос нужно искать не в истории народов, а в историографии. Талантливые книги по истории пишутся нечасто, не по всякому поводу, и, кроме того, они не все дошли до нас. Эпоха XIV–XV вв. была на Ближнем Востоке эпохой расцвета литературы, а борьба с монгольским игом и в Персии и в России в этот период являлась самой актуальной проблемой, и поэтому ей посвящено множество сочинений, которые уцелели до нашего времени. Среди них были и талантливые, яркие труды, иные из которых мы знаем. Они вызывали подражание и повторения, что увеличивало общее количество работ по данному вопросу. Истребление же ойратов не нашло себе историка или он погиб в резне. Таким образом, оказалось, что события освещены неравномерно и значение их искажено, поскольку они представлены как бы в разных масштабах. Отсюда и возникла гипотеза, приписывающая воинам Чингисхана почти тотальное уничтожение населения завоеванных им стран и полное изменение их ландшафта, что отнюдь не соответствует истине. Следует отметить, что наибольшему усыханию подверглись не разрушенные войной страны, а Уйгурия, где войны вообще не было, и Джунгария, где уничтожать травянистые степи никто не собирался. Следовательно, историко-географические сведения источников ненадежны.

И наконец, есть соблазн считать миграциями грандиозные исторические события, например походы монголов XIII в. Ему поддались видные ученые Э. Хантингтон и Э. Брукс, но монгольские походы не были связаны с миграциями. Победы одерживали не скопища кочевников, а небольшие, прекрасно организованные мобильные отряды, после кампаний возвращающиеся в родные степи. Число выселявшихся было ничтожно даже для XIII в. Так, ханы ветви Джучидов – Батый, Орда и Шейбан получили по завещанию Чингиса всего 4 тыс. всадников, т. е. около 20 тыс. человек, которые расселились на территории от Карпат до Алтая. И наоборот, подлинная миграция калмыков XVII в. осталась не замеченной большинством историков вследствие того, что она не получила большого резонанса в трудах по всемирной истории. Следовательно, для решения поставленной проблемы требуется более солидное знание истории, нежели то, которое легко почерпнуть из сводных работ,

⁴ Китайский император Цянь Лун произвел массовое истребление ойратов, причем маньчжуры охотились за женщинами, детьми и старцами, не давая пощады никому. Официальная китайская история ограничилась простой справкой: «Было убито более миллиона ойратов». Грандиозное событие потонуло в казенщине, и разве только оно одно?! Увы, история человечества известна нам с разной степенью подробности, а это равносильно тому, как если бы географ имел карту на одном планшете 1: 200 000, а на другом – 1: 100.

и знание географии более детальное, чем то, которым обычно ограничиваются историки или экономисты-сельскохозяйственники. И самое главное – необходимо отслоить достоверную информацию от субъективных восприятий, свойственных многим авторам письменных источников от Геродота до наших дней.

Достоверной информацией мы называем сведения источников, прошедшие через горнило исторической критики и получившие интерпретацию, не вызывающую сомнений. Их очень много, но подавляющая часть относится к политической истории. Мы хорошо знаем даты и подробности сражений, мирных договоров, дворцовых переворотов, великих открытий, но как употребить эти данные для объяснения явлений природы? Методика сопоставления фактов истории с изменениями природы начала разрабатываться только в XX в.

Историк климата Э. Леруа Ладюри отметил, что стремление свести подъемы и упадки хозяйства в разных странах Европы к периодам повышенного или пониженного увлажнения, похолодания или потепления основано на игнорировании экономики и социальных кризисов, роль которых не подлежит сомнению. Так, увеличение ввоза прибалтийского (т. е. русского) зерна в Средиземноморье и уменьшение поголовья овец в Испании в XVI и особенно XVII в. легче сопоставить с разрушениями, нанесенным европейским странам Реформацией и Контрреформацией, нежели с незначительными изменениями годовых температур [136, с. 14–15]. Он прав! Достаточно отметить, что не только Германия, на территории которой происходила опустошительная Тридцатилетняя война (1618–1648), но и страна, не подвергавшаяся опустошениям, – Испания в эти века имела отрицательный прирост населения: в 1600 г. – 8,0 млн, а в 1700 г. – 7,3 млн. Это объясняется просто тем, что большая часть молодых мужчин была мобилизована в Америку либо в Нидерланды, вследствие чего в стране не хватало рабочих рук для поддержания хозяйства и семьи.

«Что подумали бы об историке, который экономическое развитие Европы начиная с 1850 г. стал бы объяснять отступлением ледников, безусловно установленным для Альп...» – пишет Э. Леруа Ладюри, и не согласиться с ним невозможно. Следовательно, по мнению нашего автора, необходимо просто накапливать факты, тщательно и точно датированные и освобожденные от произвольных толкований. Иными словами, мы должны быть уверены, что объяснение интересующего нас фактора за счет экономических, социальных, этнографических факторов и просто случайностей исключено⁵. В географии нет точной методики определения абсолютных датировок. Ошибка в тысячу лет считается там вполне допустимой. Легко установить, например, что в таком-то районе наносы ила перекрыли слой суглинка, и, следовательно, отметить наличие обводнения, но невозможно сказать, когда оно произошло – 500 или 5 тыс. лет тому назад. Анализ пыльцы показывает наличие, например, сухолюбивых растений на том месте, где ныне растут влаголюбивые, но нет никакой гарантии, что заболачивание долины не произошло от смещения русла ближней реки, а вовсе не от перемен климата. В степях Монголии и Казахстана обнаружены остатки рощ, в отношении которых нельзя сказать, погибли ли они от усыхания или были вырублены людьми, а если даже будет доказано последнее, то все равно остается неизвестной эпоха расправы человека над ландшафтом.

Может быть, поможет археология? Памятники материальной культуры четко отмечают периоды расцвета и упадка народов и поддаются довольно четкой датировке. Вещи, находясь в земле, или старинные могилы не стремятся ввести исследователя в заблуждение или исказить факты. Но ведь вещи молчат, предоставляя полный простор воображению археолога. А наши современники тоже не прочь пофантазировать, и хотя их образ мысли весьма

⁵ «Миграция отвечает исключительно сложным человеческим побуждениям и движущим силам. Голод возникает, когда создаются тяжелые условия для производства зерновых, и климатически дешифровать их никогда нельзя а priori, поскольку речь может идти... о метеорологических событиях, иногда кратковременных и незначительных в климатическом смысле» [136, с. 17].

отличен от средневекового, нет никакой уверенности, что он намного ближе к действительности. В XX в. мы иногда встречаемся со слепой верой в могущество археологических раскопок, основанной на действительно удачных находках в Египте, Вавилонии, Индии и даже в Горном Алтае, благодаря которым удалось открыть и исследовать позабытые страницы нашей истории. Но ведь это исключение, а по большей части археолог должен довольствоваться черепками, поднятыми из сухой пыли раскаленных степей, обломками костей в разграбленных могилах и остатками стен высотой в один отпечаток кирпича. А при этом еще надо помнить, что найденное – ничтожная часть пропавшего. В большинстве районов Земли не сохраняются почти все нестойкие материалы: дерево, меха, ткани, бумага (или заменявшая ее береста) и т. п. Никогда не известно, что именно пропало, а считать пропавшее несуществовавшим и не вводить на это поправки – ошибка, приводящая заведомо к неправильным выводам. Короче говоря, археология без истории может ввести исследователя в заблуждение. Попробуем подойти к решению проблемы иначе.

3. А есть ли этнос?

Признака для определения этноса нет

По предложенному нами определению формой существования вида *Homo sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем другим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что и составляет проблему этногенеза. Все такие коллективы более или менее разнятся между собой, иногда по языку, иногда по обычаям, иногда по системе идеологии, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе. Следовательно, с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой – через производственную деятельность – хозяйство – связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался. Впоследствии народность может изменить это соотношение, но при этом оно видоизменяется до неузнаваемости, и преемственность прослеживается лишь при помощи исторической методики и самой строгой критики источников, ибо слова обманчивы.

Прежде чем двигаться дальше, следует хотя бы условиться о понятии «этнос», которое еще не дефинировано. У нас нет ни одного реального признака для определения любого этноса как такового, хотя в мире не было и нет человеческой особи, которая была бы внеэтнична. Все перечисленные признаки определяют этнос «иногда», а совокупность их вообще ничего не определяет. Проверим этот тезис негативным методом.

В теории исторического материализма основой общества признается способ производства, реализующийся в общественно-экономических формациях. Именно потому, что здесь решающую роль играет саморазвитие, влияние экзогенных факторов, в том числе природных, не может быть основным в генезисе социального прогресса. Понятие «общество» означает совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни. Главной силой в этой системе условий служит способ производства материальных благ. Люди объединяются в процессе производства, и результат этого объединения – общественные отношения, которые оформляются в одну из известных пяти формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую.

«Объединиться в этнос» нельзя, так как принадлежность к тому или другому этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. Следовательно, в основе этнической диагностики лежит ощущение. Человек принадлежит к своему этносу с младенчества. Иногда возможна инкор-

порация иноплеменников, но, применяемая в больших размерах, она разлагает этнос. Конкретно-исторические условия меняются на протяжении жизни этноса не раз, и наоборот, дивергенция этносов часто наблюдается при господстве одного способа производства. Исходя из мысли К. Маркса об историческом процессе как взаимодействии истории природы и истории людей [143, т. 3, с. 16], можно предложить первое, наиболее общее деление – на стимулы социальные, возникающие в техносфере, и стимулы природные, постоянно поступающие из географической среды [187, с. 58–60; 118, с. 94]. Каждый человек не только член того или иного общества, находящегося в возрасте, определяемом воздействием гормонов. То же самое можно сказать про долгоживущие коллективы, которые в социальном аспекте образуют разнохарактерные классовые государства или племенные союзы (социальные организмы), а в природном – этносы (народности, нации). Несовпадение тех и других очевидно.

Этнос – не общество

Но существует и иная точка зрения, согласно которой «этнос... – социально-историческая категория, причем его генезис и развитие определяются не биологическими законами природы, а специфическими законами развития общества» [128, с. 9–10]. Как это понять? Согласно теории исторического материализма спонтанное развитие производительных сил вызывает изменение производственных отношений, что порождает диалектический процесс классовообразования, сменяющийся процессами классовоуничтожения. Это глобальное явление, свойственное общественной форме развития материи. Но при чем тут этногенез? Разве появление столь известных этносов, как французы или англичане, хронологически или территориально совпадает со становлением феодальной формации? Или эти этносы исчезли с ее крахом и переходом к капитализму? И ведь в той же Франции «социально-историческая» категория – Французское королевство охватывало уже в XIV в., кроме французов, кельтов-бретонцев, басков, провансальцев и бургундов. Так разве они не были этносами? Не говорит ли этот факт, один из очень многих, о том, что дефиниция В. И. Козлова отличается односторонностью? А коль скоро так, то это повод для научного диспута.

Диалектический материализм разграничивает разные формы движения материи: механическую, физическую, химическую и биологическую, относя их к разделу природных. Общественная форма движения материи стоит особо в силу присущей ей специфики – она свойственна лишь человечеству со всеми его проявлениями. Каждый человек и коллектив людей с техникой и domestикатами (ручные животные и культурные растения) подвержен воздействию как общественной, так и природных форм движения материи, непрестанно коррелирующих во времени (история) и пространстве (география). При обобщении материала в единый доступный наблюдению и изучению комплекс (историческая география) мы обязаны рассматривать его в двух ракурсах – со стороны социальной и со стороны природной. В первом ракурсе мы увидим общественные организации: племенные союзы, государства, теократии, политические партии, философские школы и т. п.; во втором – этносы, т. е. коллективы людей, возникающие и рассыпающиеся за относительно короткое время, но имеющие в каждом случае оригинальную структуру, неповторимый стереотип поведения и своеобразный ритм, имеющий в пределе гомеостаз.

Как известно, классы – это социально-исторические категории. В доклассовом обществе их аналогом являются племенные или родовые союзы, например кланы у кельтов. В широком смысле понятие «социальная категория» может быть распространено на устойчивые институты, например государство, церковную организацию, полис (в Элладу) или феод. Но каждому знающему историю известно, что подобные категории совпадают с границами этносов лишь в редчайших случаях, т. е. прямой связи тут нет. В самом деле, правомерно ли

сказать, что в Москве живут рабочие, служащие и татары? С нашей точки зрения, это абсурд, но по логике В. И. Козлова получается только так. Значит, ошибка кроется в постулате. Но мало этого, экономика, всецело относящаяся к общественной форме движения материи, ломает национальные рамки. Казалось бы, при наличии общеевропейского рынка, однородной техники, схожести образования в разных странах и легкого изучения соседних языков в Европе XX в. этнические различия должны стираться. А на самом деле? Ирландцы уже отпали от Великобритании, не пожалев сил на изучение своего древнего и почти забытого языка. Претендуют на автономию Шотландия и Каталония, хотя за последние 300 лет они не считали себя угнетенными. В Бельгии фламандцы и валлоны, до сих пор жившие в согласии, начали бешеную борьбу, доходящую до уличных драк между студентами обоих этносов [130]. И поскольку в древности тоже наблюдается лишь случайное совпадение общественно-политических и этнических пиков (или спадов), то очевидно, что мы наблюдаем интерференцию двух линий развития или, говоря языком математики, двух независимых переменных. Не заметить это можно только при очень сильном желании.

Язык

Попробуем раскрыть природу зримого проявления наличия этносов – противопоставления себя всем остальным: «мы» и «не мы». Что рождает и питает это противопоставление? Не единство языка, ибо есть много двуязычных и триязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке. Так, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском, баскском и провансальском, причем это не мешает их нынешнему этническому единству, несмотря на то что история объединения, точнее покорения Франции от Рейна до Пиренеев парижскими королями, – была долгой и кровавой. Вместе с тем мексиканцы, перуанцы, аргентинцы говорят по-испански, но они не испанцы. Недаром же пролились в начале XIX в. потоки крови лишь для того, чтобы разоренная войной Латинская Америка попала в руки торговых компаний Англии и США. Англичане Нортумберленда говорят на языке, близком норвежскому, потому что они потомки викингов, осевших в Англии, а ирландцы до последнего времени знали только английский, но англичанами не стали. На арабском языке говорит несколько разных народов, а для многих узбеков родной язык – таджикский, и т. д. Кроме того, есть сословные языки, например французский – в Англии XII–XIII вв., греческий – в Парфии II–I вв. до н. э., арабский – в Персии с VII по XI в. и т. д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке.

Более того, часто языковое разнообразие находит практическое применение, причем эта практика сближает разноязычные народы. Например, во время американо-японской войны на Тихом океане японцы так научились расшифровывать американские радиоперехваты, что американцы потеряли возможность передавать секретные сведения по радио. Но они нашли остроумный и неожиданный выход, обучив морзянке мобилизованных на военную службу индейцев. Апач передавал информацию навахо на атабасском языке, ассинибойн – сиусу – на дакотском, а тот, кто принимал, переводил текст на английский. Японцы раскрывали шифры, но перед открытыми текстами отступили в бессилии. Поскольку военная служба часто сближает людей, индейцы вернулись домой, обретя «бледнолицых» боевых товарищей. Но ведь и ассимиляции индейцев при этом не произошло, ибо командование ценило именно их этнические особенности, в том числе двуязычие. Итак, хотя в отдельных случаях язык может служить индикатором этнической общности, но не он ее причина.

Заметим, что вепсы, удмурты, карелы, чуваша до сих пор говорят дома на своих языках, а в школах учатся на русском и в дальнейшем, когда покинут свои деревни, практически от русских неотличимы. Знание родного языка им отнюдь не мешает.

Наконец, турки-османы! В XIII в. туркменский вождь Эртогрул, спасаясь от монголов, привел в Малую Азию около 500 всадников с семьями. Иконийский султан поселил прибывших на границе с Никоей, в Бруссе, для пограничной войны с «неверными» греками. При первых султанах в Бруссу стекались добровольцы – «газии» со всего Ближнего Востока ради добычи и земли для поселения. Они составили конницу – «спаги». Завоевание Болгарии и Македонии в XIV в. позволило турецким султанам организовать пехоту из христианских мальчиков, которых отрывали от семей, обучали исламу и военному делу и ставили на положение гвардии – «нового войска», янычар. В XV в. был создан флот, укомплектованный авантюристами всех берегов Средиземного моря. В XVI в. добавилась легкая конница – «акинджи» из завоеванных Диарбекра, Ирака и Курдистана. Дипломатами становились французские ренегаты, а финансистами и экономистами – греки, армяне и евреи. А жен эти люди покупали на невольничьих базарах. Там были польки, украинки, немки, итальянки, грузинки, гречанки, берберки, негритянки и т. д. Эти женщины в XVII–XVIII вв. оказывались матерями и бабушками турецких воинов. Турки были этносом, но молодой солдат слушал команду по-турецки, беседовал с матерью по-польски, а с бабушкой по-итальянски, на базаре торговался по-гречески, стихи читал персидские, а молитвы – арабские. Но он был османом, ибо вел себя, как подобало осману, храброму и набожному воину ислама.

Эту этническую целостность развалили в XIX в. многочисленные европейские ренегаты и обучавшиеся в Париже младотурки. В XX в. Османская империя пала, а этнос рассыпался: люди вошли в состав других этносов. Новую Турцию подняли потомки сельджуков из глубин Малой Азии, а остатки османов доживали свой век в переулках Стамбула. Значит, 600 лет этнос османов объединяла не языковая, а религиозная общность.

Идеология и культура

Идеология и культура тоже иногда являются признаком, но необязательным. Например, византийцем мог быть только православный христианин, и все православные считались подданными константинопольского императора и «своими». Однако это нарушилось, как только крещеные болгары затеяли войну с греками, а принявшая православие Русь и не думала подчиняться Царьграду. Такой же принцип единомыслия был провозглашен халифами, преемниками Мухаммеда, и не выдержал соперничества с живой жизнью: внутри единства ислама опять возникли этносы. Как мы уже поминали, иногда проповедь объединяет группу людей, которая становится этносом: например, турки-османы или сикхи в Северо-Западной Индии. Кстати говоря, в империи османов были мусульмане-сунниты, подвластные султану, но турками себя не считавшие, – арабы и крымские татары. Для последних не сыграла роли даже языковая близость к османам. Значит, и вероисповедание – не общий признак этнической диагностики.

Третий пример конфессионального самоутверждения этноса – сикхи, сектанты индийского происхождения. Установленная в Индии система каст считалась обязательной для всех индусов. Это была особая структура этноса. Быть индусом – значило быть членом касты, пусть даже самой низшей, из разряда неприкасаемых, а все прочие ставились ниже животных, в том числе захваченные в плен англичане. Политического единства не было, но стереотип поведения выдерживался твердо, даже слишком жестоко. Каждая каста имела право на определенный род занятий, и тех, кому разрешалась военная служба, было мало. Это дало возможность мусульманам-афганцам овладеть Индией и измываться над беззащитным населением, причем больше всего пострадали жители Пенджаба. В XVI в. там появилось учение, провозгласившее сначала непротivление злу, а потом поставившее целью войну с мусульманами. Система каст была аннулирована, чем сикхи (название адептов новой веры) отделили себя от индусов. Они обособились от индийской целостности путем эндогамии,

выработали свой стереотип поведения и установили структуру своей общины. По принятому нами принципу сикхов надо рассматривать как возникший этнос, противопоставивший себя индусам. Так воспринимают себя они сами. Религиозная концепция стала для них символом, а для нас индикатором этнической дивергенции.

Считать учение сикхов только доктриной нельзя, ибо если бы в Москве некто полностью воспринял эту религию, он не стал бы сикхом, и сикхи его не сочли бы «своим». Сикхи стали этносом на основе религии, монголы – на основе родства, швейцарцы – вследствие удачной войны с австрийскими феодалами, спаявшей население страны, где говорят на четырех языках. Этноты образуются разными способами, и наша задача в том, чтобы уловить общую закономерность.

Большинство крупных народов имеет несколько этнографических типов, составляющих гармоничную систему, но весьма разнящихся между собой как во времени, так и в социальной структуре. Сравним хотя бы Москву XVII в. с ее боярскими шапками и бородами, когда женщины пряли за слюдяными окнами, с Москвой XVIII в., когда вельможи в париках и камзолах вывозили своих жен на балы, с Москвой XIX в., когда бородатые студенты-нигилисты просвещали барышень из всех сословий, уже начавших смешиваться между собою, добавим сюда декадентов XX в. Сравнив их всех с нашей эпохой и зная, что это один и тот же этнос, мы увидим, что без знания истории этнография ввела бы исследователя в заблуждение. И не менее показателен срез пространственный по одному, допустим, 1869 году. Поморы, питерские рабочие, староверы в Заволжье, сибирские золотоискатели, крестьяне лесных и крестьяне степных губерний, казаки донские и казаки уральские были внешне совсем не похожи друг на друга, но народного единства это не разрушало, а близость по быту, скажем, гребенских казаков с чеченцами их не объединяла.

Как ни странно, но предложенная точка зрения встретила активное сопротивление именно там, где должна была бы обрести понимание. Некоторые этнографы противопоставили автору свою точку зрения и на взаимоотношение этнографии с географией, и на историю вопроса, т. е. историографию [128, с. 3–13]. Не стремясь вступать в полемику, я тем не менее не могу игнорировать концепцию, претендующую (без достаточных оснований) на каноничность. Это было бы академически некорректно.

Становление этнографии как науки В. И. Козлову и В. В. Покшишевскому представляется так. До середины XIX в. география и этнография развивались слитно, а затем этнография разделилась на общественно-историческое и географическое направления. К первому причислены Л. Г. Морган, И. Я. Бахофен, Э. Тэйлор, Дж. Фрезер, Л. Я. Штеренберг, ко второму – Ф. Ратцель, Л. Д. Синицкий и А. А. Кубер, а также французская школа «географии человека». В предлагаемой классификации есть существенный дефект, практически сводящий ее на нет. Представители «направлений» интересовались разными сюжетами и уделяли свое внимание разным темам. А коль скоро так, то и противопоставление их неоправданно. Ведь когда Ф. Ратцель пытался обосновать географичность этнографического районирования, он отнюдь не оспаривал концепции анимизма, симпатической магии или ритуального убийства жреца, т. е. предметов, которым посвятил Дж. Фрезер свою знаменитую «Золотую ветвь». Однако именно наличию многообразных интересов разносторонних ученых авторы приписывают отделение этнографии от географии и рождение ее заново как общественной науки. Тут налицо некоторая путаница, чреватая печальными последствиями. Любая наука развивается путем расширения диапазона исследований, а не простой сменой тематики. Следовательно, если к достижениям географической этнографии добавлены исторические аспекты – это прогресс науки, а если одни сюжеты заменены другими – то это топтание на месте, всегда крайне ущербное.

Это, очевидно, ясно самим ученым, посвятившим очередной пассаж географии населения, находящейся на стыке обеих наук, но не включающей в себя этническую географию.

Разница, по их мнению, в том, что «для экономгеографов человек... важнейший субъект производства и потребления, для этнографов же... носитель определенных этнических особенностей (культурных, языковых и др.)» [128]. Здесь согласиться с авторами упомянутой статьи никак нельзя. Ну можно ли изучать эскимосов, не замечая их охоты на морского зверя, а ограничиваясь грамматическими формами глагола или представлениями о злобных духах моря и тундры? Или описывать индусов, не упоминая об их труде на рисовых полях, но подробно излагая теорию кармы и перевоплощения душ? Нет, характер трудовых процессов, потребление, войны, создание государства или падение его – такие же объекты этнографического исследования, как и свадебные обряды или ритуальные церемонии. А изучение народов в фазах их развития и в противопоставлении себя соседям немыслимо без учета географической среды.

Равным образом не следует подменять этнографию учением о «хозяйственно-культурных типах, характерных для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях (например, типы „арктических охотников на морского зверя“, „скотоводов сухих степей“ и т. п.)» [7]. Это направление плодотворно для экономгеографии, но никакого отношения к этнографии не имеет и иметь не может. Например, чукчи оленные (т. е. пастухи) и чукчи – охотники на морского зверя (чем они занимаются, когда у них пропадают олени) по предложенной классификации должны быть разнесены в разные разделы, хотя они – единый этнос. А разве русские крестьяне Подмоскovie, поморы и сибирские охотники на соболя – не один этнос? Да ведь примерам несть числа. Предложение В. И. Козлова сводится к упразднению этнографии и замене ее демографией с учетом занятий населения. Однако эта тема интереса у нас не будит.

Столь же неверно приравнивать этнос к биологическим таксономическим единицам: расе и популяции. Расы отличаются друг от друга физическими признаками, не имеющими существенного значения для жизнедеятельности человека [173, с. 325–329]. Популяция – это совокупность особей, населяющая определенную территорию, где они осуществляют свободное скрещивание, будучи отделены от соседних популяций той или иной степенью изоляции [197]. Этнос, по предложенному нами пониманию, – коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос – это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям.

Сведение этногенеза к «языково-культурным процессам» искажает действительность, умаляя степень сложности этнической истории, на что указал Ю. В. Бромлей, предложивший для прояснения вопроса ввести дополнительные термины: «*этникос*» и «*эсо*» (этносоциальная организация) [35, с. 61]⁶. Допускаю, что можно не удовлетвориться его решением, но полностью игнорировать его некорректно. В заключение проверим тезис В. И. Козлова путем последовательного его применения к явлениям общеизвестным. По логике его постулата люди, способные к изучению языков, должны принадлежать одновременно к нескольким этносам. Это нонсенс! Хотя есть много двуязычных и даже трехязычных этносов, на базе лингвистической квалификации они не сливаются. Ведь не стали же А. С. Пушкин и его друзья французами! И наоборот, мексиканцы и перуанцы говорят по-испански, исповедуют католичество, читают Сервантеса, но испанцами себя не считают. Больше того, они погубили миллион человеческих жизней в войне, которую называли «освободительной». А в это же время индейцы Верхнего Перу и пустыни Чако сражались за Испанию, с которой у них не было ничего общего ни в культуре, ни в экономике, ни в языке. Но это вполне

⁶ И видимо, не случайно в том же журнале год спустя напечатано еще одно филологическое исследование о термине «этнос», обосновавшее употребление его в том смысле, в каком оно фигурирует у Л. Н. Гумилева и у Ю. В. Бромлея [168].

понятно, если учесть, что врагами индейцев были не далекие испанцы, а местные жители – метисы, отчасти обыспанившиеся, но противопоставившие себя бывшим соплеменникам, так как они к началу XIX в. оформились в самостоятельные этносы. С позиций В. И. Козлова столь поздний этногенез необъясним.

Происхождение от одного предка

В древние времена это считалось обязательным для этноса. Часто в роли предка за отсутствием реальной фигуры выступал зверь, не всегда являвшийся тотемом. Для тюрков и римлян это была волчица-кормилица, для уйгуров – волк, оплодотворивший царевну, для тибетцев – обезьяна и самка ракшаса (лесного демона). Но чаще это был человек, облик которого легенда искажала до неузнаваемости. Авраам – праотец евреев, его сын Исмаил – предок арабов, Кадам – основатель Фив и зачинатель беотийцев и т. д.

Как ни странно, эти архаические воззрения не умерли, только на место персоны в наше время пытаются поставить какое-либо древнее племя – как предка ныне существующего этноса. Но это столь же неверно. Как нет человека, у которого были бы только отец или только мать, так нет этноса, который бы не произошел от разных предков. И не следует смешивать этносы с расами, что делается часто, но безосновательно. Основой для соблазна является предвзятое мнение, согласно которому процессы расогенеза, вероятно, развивались в определенных районах мира и были обусловлены спецификой природной среды этих районов [128, с. 10], т. е. климатом, флорой и фауной географических зон. Тут налицо недопустимая подмена объекта, т. е. первичная раса произвольно приравнена к этносу. Разберемся.

В эпоху верхнего палеолита, когда в Европе господствовали субарктические условия, при высокой аридности климата долину Роны заселяли негроиды расы Гримальди, а в тропических лесах Африки обитала койсанская раса, совмещающая монголоидные и негроидные черты. Эта раса древняя, генезис ее неясен, но оснований считать ее гибридной нет. Негроиды-банту вытеснили койсанийцев на южную окраину Африки в эпоху вполне историческую – около I в. н. э., а позднее процесс продолжался вплоть до XIX в., когда бечуаны загнали бушменов в пустыню Калахари. Вместе с тем в Экваториальной Америке не возникло негроидности, хотя природные условия ее близки к африканским.

Аридную зону Евразии населяли европеоиды кроманьонского типа и монголоиды, но к схожести расовых признаков это не повело. В Тибете монголоидные боты соседствовали с европеоидными дардами и памирцами, а в Гималаях – гуркхи с патанами. Но сходность природной среды на расовый облик не повлияла. Короче говоря, следует признать, что функциональная связь антропологических особенностей между различными популяциями и географическими условиями населяемых ими регионов не ясна. Более того, нет уверенности, что она вообще наличествует в природе, тем более что это мнение идет вразрез с достижениями современной палеоантропологии, строящей расовую классификацию не по широтным зонам, а по меридиональным регионам: атлантическому, к которому причислены европеоиды и африканские негроиды, и тихоокеанскому, к которому отнесены монголоиды Восточной Азии и Америки [4]. Эта точка зрения исключает воздействие природных условий на расогенез, ибо обе группы формировались в разных климатических зонах.

Этносы, наоборот, всегда связаны с природным окружением благодаря активной хозяйственной деятельности. Последняя проявляется в двух направлениях: приспособлении себя к ландшафту и ландшафта к себе. Однако в обоих случаях мы сталкиваемся с этносом как с реально существующим явлением, хотя причина возникновения его ясна.

Да и не надо сводить все многообразие изучаемой темы к чему-либо одному. Лучше просто установить роль тех или иных факторов. Например, ландшафт определяет возможности этнического коллектива при его возникновении, а новорожденный этнос изменяет ланд-

шафт применительно к своим требованиям. Такое взаимное приспособление возможно лишь тогда, когда возникающий этнос полон сил и ищет для них применения. А затем наступает привычка к создавшейся обстановке, которая для потомков становится близкой и дорогой. Отрицание этого неизбежно ведет к выводу, что у народов нет родины, понимаемой здесь как любимое всем сердцем сочетание ландшафтных элементов. Вряд ли кто-либо с этим согласится.

Уже одно это показывает, что этногенез – процесс не социальный, ибо спонтанное развитие социосферы лишь взаимодействует с природными явлениями, а не является их продуктом.

Но именно тот факт, что этногенез – процесс, а непосредственно наблюдаемый этнос – фаза этногенеза и, следовательно, нестабильная система, исключает любые сопоставления этносов с антропологическими расами, а тем самым с любыми расовыми теориями. В самом деле, принцип антропологической классификации – сходство. А люди, составляющие этнос, разнообразны. В процессе этногенеза всегда участвуют два и более компонентов. Скрещивание разных этносов иногда дает новую устойчивую форму, а иногда ведет к вырождению. Так, из смеси славян, угров, алан и тюрок развилась великорусская народность, а образования, включавшие монголо-китайских и маньчжуро-китайских метисов, часто возникавшие вдоль линии Великой Китайской стены в последние две тысячи лет, оказались нестойкими и исчезли как самостоятельные этнические единицы.

В Средней Азии в VII в. жили согдийцы, а термин «таджик» еще в VIII в. значил «араб», т. е. воин халифа. Наср ибн Сейяр в 733 г., подавляя восстание согдийцев, был вынужден пополнять свои редевшие войска хорасанскими персами, уже принявшими ислам. Набрал он их много, и потому персидский язык стал господствовать в его арабской армии. После победы, когда мужчины-согдийцы были убиты, дети проданы в рабство, а красивые женщины и цветущие сады поделены между победителями, в Согдиане и Бухаре появилось персоязычное население, похожее на хорасанцев [73, с. 359–360]. Но в 1510 г. судьбы Ирана и Средней Азии разошлись. Ираном овладел тюрк Измаил Сефеви, ревностный шиит, и обратил персов в шиизм. А Средняя Азия досталась узбекам-суннитам, и жившее там персоязычное население сохранило старое наименование «таджик», чему до падения бухарской династии Мангытов в 1918 г. никакого значения не придавалось. Когда же в бывшем Туркестанском крае были образованы Узбекская и Таджикская республики, то потомки хорасанских персов, завоевателей VIII в., жившие в Бухаре и Самарканде, при переписи записались узбеками, а потомки тюрок, завоевателей XI и XVI вв., жившие в Душанбе и Шахрисабзе, – таджиками. Оба языка они знали с детства, были мусульманами, и им было безразлично, как их запишут. За последние 40 лет положение изменилось: таджики и узбеки оформились в социалистические нации, но как рассматривать их до 20-х годов, когда религиозная принадлежность определяла этническую (мусульмане и кафиры), а родов у таджиков не было? И ведь оба этнических субстрата: тюрки и иранцы – были в Средней Азии «импортными» этносами тысячу лет назад – срок, достаточный для адаптации. Видимо, здесь действует определенная закономерность, которую надлежит вскрыть и описать. Но ясно, что общность происхождения не может быть индикатором для определения этноса, потому что это – миф, унаследованный нашим сознанием от примитивной науки первобытных времен.

Этнос как иллюзия

Но, может быть, «этнос» просто социальная категория, образующаяся при сложении того или иного общества [124, с. 56]? Тогда «этнос» – величина мнимая, а этнография – бессмысленное времяпрепровождение, так как проще изучать социальные условия. Данная точка зрения ошибочна, что становится очевидным, если спекуляции подменить наблюде-

ниями натуральных процессов, доступными вдумчивому человеку. Поясним это на реальных примерах. Во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы. В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и на своей родине четко отличают себя от французов. Но можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они – баски, а не французы? Или про д'Артаньяна, исторического персонажа и героя романа Дюма? Можно ли не считать французами бретонского дворянина Шатобриана и Жюль де Ретца, соратника Жанны д'Арк? Разве ирландец Оскар Уайльд – не английский писатель? Знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом. Таким примерам несть числа, но все они указывают, что этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокою, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности. Ведь в других случаях этносы почему-то проявляют огромную сопротивляемость воздействиям окружения и не ассимилируются.

Цыгане вот уже тысячу лет как оторвались от своего общества и Индии, потеряли связь с родной землей и тем не менее не слились ни с испанцами, ни с французами, ни с чехами или монголами. Они не приняли феодальных институтов обществ Европы, оставшись иноплеменной группой во всех странах, куда бы они ни попадали. Ирокезы до сих пор живут маленькой этнической группой (их всего 20 тыс. человек), окруженные гипертрофированным капитализмом, но не принимают в «американском образе жизни» участия. В Монгольской Народной Республике живут тюркские этносы: сойоты (уранхайцы), казахи и другие, но, несмотря на сходство «материального и духовного развития общества», они не сливаются с монголами, составляя самостоятельные этносы. А ведь «уровень развития общества, состояние его производительных сил» одни и те же. И наоборот, французы выселились в Канаду в XVIII в. и до сих пор сохранили свое этническое лицо, хотя развитие их лесных поселков и промышленных городов Франции весьма различно. Евреи в Салониках живут эндогамной группой свыше 400 лет после своего изгнания из Испании, но, по данным 1918 г., они скорее похожи на арабов, чем на своих соседей – греков. Точно так же немцы из Венгрии внешним обликом походят на своих соплеменников в Германии, а цыгане – на индусов. Отбор изменяет соотношение признаков медленно, а мутации, как известно, редки. Поэтому любой этнос, живущий в привычном для него ландшафте, находится почти в состоянии равновесия.

Не следует думать, что изменение условий существования не влияет на этносы никогда. Иной раз оно влияет настолько сильно, что образуются новые признаки и создаются новые этнические варианты, более или менее устойчивые. Нам надлежит разобраться в том, как проходят эти процессы и почему они дают разные результаты.

Известным советским исследователем С. А. Токаревым была выдвинута социологическая концепция, где вместо определения понятия этнической общности речь шла о «четырех исторических типах народности в четырех формациях: племя – в общинно-родовой – охватывает всю группу людей на данной территории, объединяя их кровно-родственными связями; демос – при рабовладельческой – только свободное население, не включая рабов; народность – при феодализме – все трудящееся население страны, не включая господствующий класс; нация – в капиталистической и социалистической – все слои населения, расколотого на антагонистические классы» [198, с. 52–53. См. также: 2, с. 30]. Приведенная выдержка показывает, что в понятие «этническая общность» вкладывалось совсем иное значение, которое, может быть, в чем-то и помогает, но лежит вне поля зрения исторической географии и вообще естественных наук. Поэтому спор с этой концепцией был бы бесплоден, так как он свелся бы к тому, что называть этносом. А что толку спорить о словах?

Между Западом и Востоком

Пока мы знакомимся с культурами Средиземноморья, мы находились в среде привычных понятий и оценок. Религия означала веру в Бога, государство – территорию с определенным порядком и властью, страны и озера находились на определенных местах.

Вот только привычные названия «Запад» и «Восток» вели себя не совсем географично: Марокко считалось «Востоком», а Венгрия и Польша – «Западом». Но к этой условности все успели привыкнуть, и путаницы понятий не возникало. Этому весьма способствовали изученность предмета, знакомого даже неспециалистам, благодаря чтению художественной литературы и наличию живой традиции.

Но как только мы пересечем горные перевалы, разделяющие Среднюю и Восточную Азию, мы попадем в мир иной системы отсчета. Здесь мы встретим религии, отрицающие существование не только божества, но и мира, окружающего нас. Порядки и социальные устройства будут противоречить принципам государства и власти. В безымянных странах мы найдем этносы без общности языка и экономики и даже иной раз территории, а реки и озера будут кочевать, как пастухи-скотоводы. Те племена, которые мы привыкли считать кочевыми, окажутся оседлыми, а сила войск не будет зависеть от их численности. Неизменными останутся только закономерности этногенеза.

Иной материал требует иного к себе подхода, а следовательно, иного масштаба исследования. В противном случае он останется непонятным, а книга станет ненужной для читателя. Читатель привык к европейским терминам. Он знает, что такое «король» или «граф», «канцлер» или «буржуазная коммуна». Но на востоке Ойкумены не было эквивалентных терминов. «Хаган» – не король или император, а выбранный пожизненно военный вождь, по совместительству выполняющий обряды почитания предков. Ну разве можно представить себе Ричарда Львиное Сердце, служащего заупокойную мессу по Генриху II, которого он довел до инфаркта? Да еще чтобы при этой мессе присутствовали представители гасконской и английской знати? Ведь это бред! А на востоке Великой степи он был бы обязан это сделать, иначе его бы тут же убили.

Такие наименования, как «китайцы» или «индусы», эквивалентны не «французам» или «немцам», а западноевропейцам в целом, ибо являются системами этносов, но объединенными на других принципах культуры: индусов связывала система каст, а китайцев – иероглифическая письменность и гуманитарная образованность. Как только уроженец Индостана переходил в мусульманство, он переставал быть индусом, ибо для своих соотечественников он становился отщепенцем и попадал в разряд неприкасаемых. Согласно Конфуцию, китаец, живущий среди варваров, рассматривался как варвар. Зато иноземец, соблюдающий китайский этикет, котиrowался как китаец.

Для сравнения этносов Востока и Запада нам необходимо найти правильные соответствия, с равной ценой деления. Ради этого исследуем свойства этноса как природного явления, присущего всем странам и векам.

Для достижения поставленной цели необходимо очень внимательно относиться к древним традиционным сведениям о мире, не отвергая их заранее только потому, что они не соответствуют нашим современным представлениям. Мы постоянно забываем, что люди, жившие несколько тысяч лет назад, обладали таким же сознанием, способностями и стремлением к истине и знанию, как и наши современники. Об этом свидетельствуют трактаты, дошедшие до нас от разных народов разных времен. Вот почему этнология является практически необходимой дисциплиной, ведь без ее методики значительная часть культурного наследия древности остается для нас недоступной.

Для понимания истории и культуры Восточной Азии обычный подход не годится. При изучении истории Европы мы можем выделить разделы: история Франции, Германии, Англии и т. д. или история древняя, средняя, новая. Затем, изучая историю, допустим, Рима, мы касаемся соседних народов лишь постольку, поскольку Рим с ними сталкивался. Для западных стран такой подход оправдывается полученными результатами, но при изучении Средней Азии этим способом мы удовлетворительных результатов не получим. Причина этого глубока: она в том, что азиатские понятия термина «народ» и европейское его понимание различны. В самой Азии этническое единство воспринимается по-разному, и если даже мы отбросим Левант и Индию с Индокитаем, как не имеющие прямого отношения к нашей теме, то все же останутся три различных понимания: китайское, иранское и кочевническое. При этом последнее варьируется особенно сильно в зависимости от эпохи. В хуннское время оно не такое, как в уйгурское или монгольское.

В Европе этноним – понятие устойчивое, в Средней Азии – более или менее текучее, в Китае – поглощающее, в Иране – исключаящее. Иными словами, в Китае, для того чтобы считаться китайцем, человек должен был воспринять основы китайской нравственности, образования и правил поведения; происхождение в расчет не принималось, язык тоже, так как и в древности китайцы говорили на разных языках. Поэтому ясно, что Китай неминуемо расширялся, поглощая мелкие народы и племена. В Иране, наоборот, персам нужно было родиться, но, сверх того, обязательно следовало почитать Агурамазду и ненавидеть Аримана. Без этого нельзя было стать «арийцем». Средневековые (сасанидские) персы не мыслили даже возможности кого-либо включить в свои ряды, так как они называли себя «благородные» (номдорон), а прочих к их числу не относили. В результате численность народа падала неуклонно. О парфянском понимании судить трудно, но, по-видимому, оно не отличалось принципиально от персидского, только было несколько шире.

Чтобы считаться хунном, надо было стать членом рода либо с помощью брака, либо повелением шаньюя, тогда человек становился своим. Наследники хуннов, тюркюты, стали инкорпорировать целые племена. На базе восприятия возникли смешанные племенные союзы, например казахи, якуты и т. п. У монголов, вообще весьма близких к тюркам и хуннам, получила преобладание орда, т. е. группа людей, объединенных дисциплиной и руководством. Тут не требовалось ни происхождения, ни языка, ни вероисповедания, а только храбрость и готовность подчиняться. Ясно, что названия орд – не этнонимы, но при наличии орд этнонимы вообще пропадают, так как в них нет нужды – понятие «народ» совпадает с понятием «государство».

В связи с этим мы должны твердо запомнить, что понятие «государство» во всех перечисленных случаях различно и в переводе незаменимо. Китайское «го» изображается иероглифом: ограда и человек с копьем. Это отнюдь не соответствует английскому «state», или французскому «*état*», или даже латинскому «*imperium*» и «*respublica*». Так же далеки по содержанию иранский «шахр» или вышеприведенный термин «орда». Нюансы различия оказываются подчас значительно более элементов сходства, а это определяет поведение участников истории: что кажется чудовищным европейцу, естественно для монгола, и наоборот. Причина не в разной этике, а в том, что предмет, в данном случае государство, не идентичен. Поэтому мы будем фиксировать не только сходство, но и разницу, чтобы не вгонять исследуемые нами народы в прокрустово ложе схемы.

Конечно, нас не может не огорчать весьма распространенное мнение, будто все государственные формы, общественные институты, этнические нормы и даже манеры изложения, не похожие на европейские, – просто отсталые, несовершенные и неполноценные. Банальный европоцентризм достаточен для обывательского восприятия, но не годен для научного осмысления разнообразия наблюдаемых явлений. Ведь с точки зрения китайца или араба, неполноценными кажутся западные европейцы. И это столь же неверно, а для науки

бесперспективно. Очевидно, нам следует найти такую систему отсчета, при которой все наблюдения будут делаться с равной степенью точности. Только такой подход дает возможность сравнивать непохожие явления и тем самым делать достоверные выводы. Все перечисленные здесь условия исследования обязательны не только для истории, но и для географии, поскольку она связана с человеком и географическими названиями. На Западе страны различают по именам, а на Востоке?

Страна и народ без имени

Между восточной границей мусульманского мира и северо-западной окраиной Срединной империи, которую мы называем Китаем, лежит страна, которая не имеет определенного названия. Это тем более странно, что географические границы этой страны весьма четко обозначены, физико-климатические условия ее оригинальны и неповторимы, население же многочисленно и издавна причастно к культуре. Эта страна была прекрасно известна и китайским, и греческим, и арабским географам; ее посещали русские и западноевропейские путешественники; в ней неоднократно велись археологические раскопки... и все называли ее как-нибудь описательно, а самоназвания она не завела. Поэтому просто укажем, где страна находится.

От Памира на восток тянутся два горных хребта: Куньлунь, южнее которого расположен Тибет, и Тянь-Шань. Между этих хребтов лежит песчаная пустыня – Такла-Макан, прорезанная многоводной рекой Тарим. Эта река не имеет ни истока, ни устья. Началом ее считается «Арал» – т. е. «остров» между рукавами трех рек: Яркенддарьи, Аксударьи и Хотандарьи. Конец ее иногда теряется в песках, иногда доходит до озера Карабуранкель, а иногда наполняет Лоб-нор – озеро, постоянно меняющее место [151, с. 185–190]. В этой странной стране реки и озера кочуют, а люди ютятся у горных подножий. С гор стекают пресные ручьи, но тут же исчезают под горами осыпей и выходят на поверхность на изрядном расстоянии от хребтов. Там располагаются оазисы, а потом реки снова теряются, на этот раз в песках. В этой экстрааридной стране расположена самая глубокая впадина, дно которой лежит на 154 м ниже уровня океана. В этой впадине находится древний культурный центр – Турфанский оазис. Как занимались науками и искусствами при летней жаре, доходящей до +48 °С, и зимних морозах до –37 °С, невероятной сухости осеннего воздуха и сильных весенних ветрах?! Но ведь занимались, и с немалыми успехами.

Древнее население этой страны не имело самоназвания. Ныне принято называть этих людей тохарами, но это не этноним, а тибетское прозвище *tha gar*, что значит «белая голова» (блондины). Жители разных оазисов говорили на различных языках индоевропейской группы, в числе которых был даже западноарийский, не похожий на известные в Европе. На юго-западе страны, у подножия Куньлуна, кочевали тибетские племена, находившиеся в тесном контакте с обитателями Хотана и Яркента, но не смешивавшиеся с ними [63, с. 55–57].

В первые века н. э. в эту страну проникли с запада саки, поселившиеся южнее Кашгара до Хотана, китайские эмигранты, бежавшие от ужасов гражданских войн у себя дома. Китайцы устроили себе колонию в Турфанском оазисе – Гаочан. Она продержалась до IX в. и исчезла без следа.

Как видно, подобрать название для страны по этнониму невозможно, а ведь это было культурное население, наладившее хозяйство, которое следует считать лучшим в Древнем мире.

Природа оазисов Центральной Азии издавна была приведена в гармонию с потребностями человека. Турфанцы освоили иранскую систему подземного водоснабжения – кяризы, благодаря чему орошенная площадь кормила большое население. Урожай собирали два раза

в год. Турфанский виноград по праву может считаться лучшим в мире: дыни, арбузы, абрикосы – с весны до поздней осени; посевы длинноволокнистого хлопчатника защищены от ветров пирамидальными тополями и шелковичными деревьями. А кругом каменная пустыня из обломков растрескавшихся скал, щебня и валунов, через которые не пробьется ни дерево, ни куст⁷. Это надежная защита оазиса от больших армий. Перебросить пешее войско через пустыню очень трудно, потому что надо везти с собой не только пищу, но и воду, что чрезмерно увеличивает обоз. А набеги легкой конницы кочевников не страшны крепостным стенам. Второй крупный центр этой страны – Карашар – лежит в горах около пресного озера Баграш-куль. Этот город «имеет земли тучные... изобилует рыбой... Хорошо укреплен самой природой и легко защищаться в нем» [29, с. 558]. Из Баграшкуля вытекает Кончедарья, питающая Лоб-нор. Вдоль ее берега можно, не страдая от жажды, добраться до многоводного Тарима, окаймленного зарослями тополей, тамариска, облепихи и высокого тростника, скрывающими стада благородных оленей и диких кабанов [152].

Древней идеологией оседлых жителей этой страны был буддизм в форме хинаяны («малой переправы» или «малой колесницы», т. е. наиболее ортодоксальное учение Будды без примесей), которую назвать религией нельзя. Бога хинаянисты отрицают, ставя на его место нравственный закон кармы (причинной последовательности). Будда – человек, достигший совершенства и являющийся примером для любого другого человека, желающего освободиться от страданий и перерождения путем достижения нирваны – состояния абсолютного покоя. Достичь нирваны может лишь целеустремленный человек – архат (святой), не зависящий ни от божественного милосердия, ни от посторонней помощи. «Будь светильником самому себе», – говорят хинаянисты.

Само собой разумеется, что «становление на путь совершенствования» – дело немногих. А что же делать прочим? Они просто занимались повседневными делами, уважали архатов, слушали в свободное время поучения и надеялись, что в будущих перерождениях сами смогут стать святыми подвижниками. Но ведь мы уже видели на других примерах, как мало влияет догматика на этнический стереотип поведения. Архаты, купцы, воины и земледельцы Турфана, Карашара и Кучи составляли единую систему, для которой буддизм был только окраской.

Однако окраска предмета играет свою роль, подчас существенную. Хинаяническая община дожила до XV в., а махаяна – учение расплывчатое, разнохарактерное и сложное – в Яркенде и Хотане, очевидно, не случайно уступила место исламу уже в XI в.

Пришедшие в Турфан кочевые уйгуры исповедовали манихейство [подробнее см.: 76, с. 381–386] но, видимо, так же формально, как турфанцы – буддизм. Как самостоятельное исповедание манихейство исчезло еще до XII в., но манихейские идеи вошли в некоторые буддийские философские направления и в несторианство, которое в XI в. совершило по всей Центральной Азии победный марш. В эти века жители Турфана, Карашара и Кучи стали называть себя уйгурами.

Несториане в Уйгурии ужились с буддистами, несмотря на присущую им нетерпимость. Очевидно, христианство было желанным для людей религиозного склада, далеких от атеистических абстракций хинаяны. Христианами становились также купцы, ибо буддийское учение запрещает «ставшим на путь» прикосновение к золоту, серебру и женщине. Поэтому люди религиозные, но принимавшие активное участие в экономической жизни, были вынуждены искать такое вероучение, которое бы не препятствовало жить и работать. Следовательно, можно сделать вывод, что для обеих идеологических систем нашлись подходящие экологические ниши.

⁷ Прекрасное описание природы этих мест см.: [151, с. 52–58].

Богатство этой страны базировалось главным образом на выгодном географическом расположении: через нее шли два караванных пути: один севернее, а другой – южнее Тянь-Шаня. По этим путям китайский шелк тек в Прованс, а предметы роскоши Франции и Византии – в Китай. В оазисах караванщики отдыхали от тяжелых переходов через пустыни и откармливали своих верблюдов и лошадей. В связи с этим у местных женщин весьма развилась «первая древнейшая профессия», а мужья разрешали женам эти заработки, часть из которых шла в их карманы. И уйгурки так к этому делу привыкли, что даже когда благодаря союзу с монголами Уйгурия сказочно разбогатела, то жители ее просили монгольского хана Угэдэя не запрещать их женам развлекать путешественников [122, с. 81–82].

Этот обычай, правильнее сказать – элемент этнического стереотипа поведения, оказался более стойким, нежели язык, религия, политическое устройство и самоназвание. Стереотип поведения складывается как адаптивный признак, т. е. как способ приспособления этноса к географической среде. Имена же здесь менялись чаще, чем носившие их этносы, причем смена этнонимов объяснялась политической конъюнктурой.

Богатое и многочисленное население этих плодородных оазисов могло без труда прокормить воинственных кочевников, тем более что сначала уйгуры, а потом монголы приняли на себя защиту своих подданных от внешних врагов. За 300 лет уйгуры растворились среди аборигенов, но заставили их сменить тохарский язык на тюркский. Впрочем, это не стоило им усилий, потому что в XI в. на наречиях тюркского языка разговаривали все народы – от лазоревых волн Мраморного моря и лесистых склонов Карпат до джунглей Бенгалии и Великой Китайской стены. Столь широкое распространение тюркоязычия делало этот язык удобным для оазисов торговых операций, а жители обеих половин Срединной Азии одинаково любили торговать. Поэтому смена родного, но малоупотребительного языка на общепонятный прошла без затруднений не только в северо-восточной части бассейна Тарима, но и в юго-западной, где роль уйгуров приняли на себя тюркские племена: ягма и карлуки. Однако разница между ними и уйгурами была огромна. Уйгуры не затронули ни быта, ни религии, ни культуры своих подданных, а карлуки, принявшие в 960 г. ислам, превратили оазисы Кашгар, Яркенд и Хотан в подобие Самарканда и Бухары.

Таким образом, географически монолитная область оказалась разделенной на два этнокультурных региона, отнюдь не дружелюбных по отношению друг к другу. Но силы были равны, а расстояния между оазисами – огромны и труднопроходимы. Поэтому положение стабилизировалось надолго.

Эта ситуация объясняет, почему страна осталась без единого наименования. В древности китайцы называли ее Сиюй, т. е. «Западный край», и концом ее считали «Луковые горы» – Памир и Алай. Эллины нарекли эту страну «Серика», а драгоценный товар, получаемый из нее, – «серикум» (шелк). Этимологию этого слова я не берусь объяснить.

В Новое время употреблялись также условные названия: Кашгария, Восточный Туркестан или Синьцзян, т. е. буквально «новая граница», установленная маньчжурами в XVIII в. Все эти названия для нашей эпохи не годятся. То, что для древних китайцев было «Западом», в XII–XIII вв. стало серединой. Называть «Туркестаном» страну, населенную индоевропейцами, научившимися понимать тюркскую речь, – нелепо. Кашгар еще не стал столицей, а «новая граница» не мерещилась даже на горизонте. Лучше уж оставим географическое условное наименование – бассейн Тарима. Река – надежный ориентир, во всяком случае нейтральный и долговечный. Кроме того, термин «Синьцзян» включает в себя Джунгарию (тоже условное и позднее название), расположенную севернее Тянь-Шаня и имевшую совсем другие исторические судьбы.

Восточную границу Уйгурии определить трудно. За истекшие века она менялась значительно, и многие из перемен не датированы. Можно думать, что уйгурам принадлежал оазис Хами и, может быть, пещерный город Дуньхуан – сокровищница буддийского искус-

ства. Но более восточные земли – оазисы предгорий Наньшаня – у уйгуров отобрали тангуты. Это народ, которого, как и уйгуров, ныне нет, хотя есть люди, называющие себя так. Но и это мираж. Называющие себя уйгурами – ферганские тюрки, выселившиеся на восток в XV–VIII вв. А те, кого приняли за тангутов, – кочевые тибетцы, реликтовый этнос, некогда злейшие враги тангутов.

Итак, историческая критика показала, что в Азии смысл названий и звучание их не всегда совпадают. Чтобы избежать досадных и, увы, частых ошибок, необходимо разработать такую систему отсчета, которая была бы действительна и для Европы, и для Азии, и для Америки, Океании, Африки и Австралии. Но в этой системе смысл предпочитается фонетике, т. е. в основе ее лежит не языкознание, а история.

«Этнос» – сочинение С. М. Широкогорова

Первая общая концепция этноса как явления самостоятельного, а не вторичного принадлежит С. М. Широкогороду [214]. Он считал этнос «формой, в которой происходит процесс созидания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать» [214, с. 28]. При этом этнос определен «как группа людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни» [214, с. 122]. Оба эти тезиса знаменуют состояние науки начала XX в. В аспекте географии признается «среда, к которой этнос приспосабливается и которой подчиняется, становясь частью этой среды, ее производной». Эта концепция была воскрешена В. Анучиным под названием «единой географии», но признания она не получила. Социальная структура рассматривается как биологическая категория – новая форма приспособления, развитие которой идет за счет этнического окружения: «Этнос получает импульсы изменений от своих соседей, поднимающих, так сказать, удельный вес его и сообщающих ему свойства сопротивляемости» [214, с. 124–126]. Здесь концепция С. М. Широкогорова перекликается со взглядом А. Тойнби о «вызове и ответе», где творческий акт трактуется как реакция на «вызов» среды [231].

Меньшее сопротивление вызывают «общие выводы» С. М. Широкогорова: «I. Развитие этноса происходит... по пути приспособления всего комплекса... причем наряду с усложнением некоторых явлений возможно упрощение других. II. Этносы сами приспособливаются к среде и приспособливают ее к себе. III. Движение этносов протекает по линии наименьшего сопротивления» [214, с. 126–129]. Это теперь не ново. И в том, что взгляды Широкогорова за полвека устарели, нет ничего удивительного. Хуже другое – механическое перенесение зоологических закономерностей на историю, являющуюся для этнологии исходным материалом. Поэтому применение принципов Широкогорова сразу встречает непреодолимые затруднения. Например, тезис «для этноса любая форма существования приемлема, если она обеспечивает ему существование – цель его жизни, как вида» [214, с. 100] просто неверен. Индейцы Северной Америки и кочевники Джунгарии могли бы выжить под властью США или Китая ценой отказа от самобытности, но и те и другие предпочли неравную борьбу без надежды на успех. Не всякий этнос согласен на подчинение врагу – лишь бы выжить. Это ясно и без дополнительных аргументов. То, что «стремление к захвату территории, развитию культуры и количества населения есть основа движения каждого этноса» [там же] – неверно, ибо реликтовые этносы отнюдь не агрессивны. Заявление, что «выживают менее культурные этносы» [там же, с. 118] правильно только отчасти, так как в ряде случаев наблюдается их гибель перед лицом более культурного соседа, и уж совсем неприемлемо положение: «Чем сложнее организация и выше форма специального приспособления, тем короче бытие вида» (т. е. этноса) [214, 119]. Наоборот, исчезновение этносов связано с упрощением структуры, о чем пойдет речь ниже. И все-таки книга Широкогорова для своего времени была шагом вперед, ибо расширяла перспективу развития этнографии в

этнологию. И то, что пишу я, вероятно, будет через полвека переосмыслено, но это и есть развитие науки.

В отличие от С. М. Широкогорова мы располагаем системным подходом, концепцией экосистем, учением о биосфере и энергии живого вещества (биохимической), а также материалом о возникновении антропогенных ландшафтов в глобальных масштабах. Все это дает возможность предложить более совершенное решение проблемы, нежели это было возможно полвека назад.

«Состояния» и «процессы»

Совокупность приведенных фактов показывает, что система категорий, положенных в основу концепции формаций, принципиально не применима к этногенезу. Эта система фиксирует «состояния» общества, определяемые способом производства, который, в свою очередь, зависит от уровня производительных сил, иначе говоря – от техносферы. Эта система отсчета весьма удобна при изучении истории материальной культуры, государственных институтов, стилей в искусстве, философских школ, короче – всего, что было создано руками людей. За последнее столетие она стала настолько привычной, что ее стали механически переносить на анализ этногенеза, декларируя, например, такие тезисы: 1) «этнос – социальная общность людей» [127, с. 74], 2) «этнос, как и класс, – не социальная организация, а аморфное состояние, принимающее любую социальную форму – племена, союза племен, государства, церкви, партии и т. д., и не одну, а одновременно нескольких».

Кроме того, рекомендуется «не смешивать этнос с биологическими категориями, какими являются расы, и с различными видами социальной организации...» [15, с. 77]. Если первое определение сразу же разбивается о приведенные выше примеры, то второе заслуживает тщательного разбора, так как на базе этого, пусть неосознанного мнения, строились и распадались империи, что, разумеется, отражалось на судьбах подчиненных им народов.

Понятие «состояние» имеет место и в природе, и в обществе. В природе состояний четыре: твердое, жидкое, газообразное и плазменное. Переход молекулы косного вещества из одного состояния в другое требует дополнительной затраты энергии, равной скрытой теплоте плавления или парообразования. Этот переход происходит небольшим рывком, причем процесс обратим. В живом веществе биосферы такой переход связан с гибелью организма и необратим. Это могло бы значить, что для организма есть только два состояния: жизнь и смерть, но поскольку смерть есть уничтожение организма как целостности, то называть этот момент перехода «состоянием» – нелепо. Что касается жизни организма, то это тоже не «состояние», а процесс: от рождения через зрелость и старость до смерти. Аналогом процесса жизни в косном веществе является кристаллизация минералов и последующая их метаморфизация в аморфные массы.

Исследуя «состояния» и «процессы», мы всегда применяем разную методику. Для «состояния» – классификацию, по любому произвольно принятому принципу, удобному для обозрения явления в целом. Для «процессов», особенно связанных с эволюцией или формообразованием, необходима систематика, основанная на иерархическом принципе – соподчинении сходных, хотя и не идентичных групп разного ранга. Такова систематика Линнея, усовершенствованная Ч. Дарвином. Иерархический характер системы органического мира обусловлен ходом и характером эволюционных процессов, неотделимых от жизни и обязательных для нее. Но как только жизнь замирает, возникает «состояние», более или менее быстро разъедаемое воздействием среды, хотя бы последняя состояла из других мертвых «состояний», также подверженных необратимой деформации. Значит, для организма, в том числе человеческого, есть только один способ попасть в «состояние» – стать мумией, а для этноса – археологической культурой.

Иное дело – техносфера и связанные с ней производственные отношения. Здесь «состояния» есть. Из трактора легко сделать утиль, а из утиля – трактор. Надо только затратить некоторую (увы, немалую) энергию. Есть «состояния» и в социальной жизни. Ныне они именуются гражданскими состояниями и регистрируются загсом. Раньше их называли сословиями (*é tat*). В переносном смысле можно назвать «состоянием» классовую принадлежность, но надо помнить, что она – продукт производственных отношений и производительных сил, т. е. тоже техносферы. Это состояние крайне неустойчиво. Воин, попавший в плен, становился рабом, а сбежав, мог превратиться в феодала. Для иерархического принципа в судьбе такого человека нет ни места, ни надобности; здесь достаточно простой фиксации. Итак, смены социальных состояний подобны (хотя и не идентичны) сменам природных состояний: они обратимы и требуют для перехода из одного в другое вложения дополнительной энергии. Но таков ли этнос? Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность? Видимо, нет! Но уже одно это показывает, что этнос не «состояние» (тем более гражданское), а процесс.

Аберрация, питающая концепцию «состояния», связана с отсутствием у наблюдателя исторической перспективы. Полное затухание процесса этногенеза без посторонних нарушений укладывается в 1200–1500 лет, тогда как научный сотрудник посвящает плановой теме года два, от силы – три. Поэтому минувшее представляется ему калейдоскопом, без системы и закономерности, и он, зафиксировав несколько изменений в ограниченном регионе и одной эпохе, видит только скопище «состояний», не связанных друг с другом, а лишь совпадающих по месту и времени. Так, до появления геоморфологии люди не связывали наличие террас с эрозионной деятельностью текущих где-то внизу рек, а горы считали вечными, чуть ли не изначальными формами рельефа. Увы, все доказательства в науке действительны лишь при определенной степени эрудированности оппонента. Даже гелиоцентрическая система Коперника – Кеплера убедила лишь тех, кто в XVII в. достаточно знал астрономию, а открытие Г. Менделя было повторено Де Фризом.

Вторым аргументом против концепции «состояния» является размытость границ между этносами в зонах этнических контактов. Если гражданское (т. е. социальное) состояние может быть изменено сразу, например, пожалованием дворянства, разжалованием в солдаты, продажей в рабство, освобождением из неволи и т. п., то этнические контакты в долине Хуанхэ, Константинополе или Северной Америке – всегда процесс мучительный, долгий и весьма вариабельный в том смысле, что результаты метисации часто оказываются неожиданными и уж всегда неуправляемыми. Последнее объясняется главным образом отсутствием разработанной этнологической теории, которая позволила бы действовать не вслепую, а с учетом последствий этнических процессов.

Часть вторая

Свойства этноса, содержащая перечень особенностей этнического феномена как такового, составленный ради того, чтобы иметь возможность дать общее объяснение этногенезу, процессу, в коем возникают и исчезают этносы.

4. Этнос и этноним

Имена обманчивы

При изучении общих закономерностей этнологии прежде всего надлежит усвоить, что реальный этнос, с одной стороны, и этническое наименование (этноним), принятое его членами, – с другой, не адекватны друг другу⁸. Часто мы встречаем несколько разных этносов, носящих одно и то же имя, или, наоборот, один этнос может называться по-разному. Так, слово «римляне» (*romani*) первоначально означало граждан полиса Рима, но отнюдь не их соседей – италиков, и даже не латинов, обитавших в других городах Лациума. В эпоху Римской империи I–II вв. количество римлян возросло за счет включения в их число всех италиков: этрусков, самнитов, лигуров, цизальпинских галлов и многих жителей провинций, отнюдь не латинского происхождения. После эдикта Каракаллы 212 г. «римлянами» были названы все свободные жители муниципий на территории Римской империи, в том числе греки, каппадокийцы, евреи, берберы, галлы, иллирийцы, германцы и др. Понятие «римлянин» как бы потеряло этническое значение, но этого на самом деле не было: оно просто его изменило. Общим моментом вместо единства происхождения и языка стало единство даже не культуры, а исторической судьбы. В таком виде этнос просуществовал три века – срок изрядный – и не распался. Напротив, он трансформировался в IV–V вв. вследствие принятия христианства как государственной религии, которая стала после первых трех Соборов определяющим признаком. Те, кто признавал оные Соборы, санкционированные государственной властью, был своим, римлянином, а кто не признавал – становился врагом. На этом принципе сформировался новый этнос, который мы условно называем «византийским». Однако надо помнить, что те, кого мы называем византийцами, сами себя называли «ромеями», т. е. «римлянами», хотя говорили по-гречески. Постепенно в число ромеев вошло множество славян, армян, сирийцев, но название «римлян» они удержали до 1453 г., т. е. до падения Константинополя. Ромеи считали «римлянами» именно себя, а не население Италии, где феодалами стали лангобарды, горожанами – сирийские семиты, заселявшие в I–III вв. пустешую Италию, а крестьянами – бывшие колоны из военнопленных всех народов, когда-либо побежденных римлянами Империи. Зато флорентийцы, генуэзцы, венецианцы и другие жители Италии считали «римлянами» себя, а не греков и на этом основании утверждали приоритет Рима, в котором от античного города оставались только руины.

Третья ветвь этнонима «римляне» возникла на Дунае, где после римского завоевания Дакии было место ссылки. Здесь отбывали наказание за восстания против римского господства фригийцы, каппадокийцы, фракийцы, галаты, сирийцы, греки, иллирийцы, короче говоря, все восточные подданные Римской империи. Чтобы понимать друг друга, они объяснялись на общеизвестном латинском языке. Когда римские легионы ушли из Дакии,

⁸ Необходимость разбора этого тезиса обусловлена тем, что широко бытует мнение, будто этническое самосознание как один из социальных факторов определяет не только существование этноса, но и возникновение его. Самосознание проявляется в самоназвании [37, с. 121–123]. Следовательно, если будет доказано несовпадение того и другого, то вопрос об их функциональной связи отпадает.

потомки ссыльнопоселенцев остались и образовали этнос, который в XIX в. принял название «румыны», т. е. «римляне».

Если между «римлянами» эпохи Республики и «римскими гражданами» эпохи поздней Империи еще можно усматривать преемственность, хотя бы как постепенное расширение понятия, функционально связанного с распространением культуры, то у византийцев и римлян нет даже такой связи. Отсюда вытекает, что слово меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса. Очевидно, надо учитывать еще и контекст, в котором это слово несет смысловую нагрузку, а тем самым эпоху, потому что с течением времени значение слов меняется. Это еще более показательно при разборе этнонимов «тюрк», «татар» и «монгол» – пример, мимо которого нельзя пройти.

Примеры камуфляжа

В VI в. тюрками называли небольшой народ, обитавший на восточных склонах Алтая и Хангая. Путем нескольких удачных войн тюркам удалось подчинить себе все степи от Хингана до Азовского моря. Подданные Великого каганата, сохранив для внутреннего употребления собственные этнонимы, стали называться также тюрками, поскольку они подчинялись тюркскому хану. Когда арабы покорили Согдиану и столкнулись с кочевниками, то они их всех стали называть тюрками, в том числе угров-мадьяр. Европейские ученые в XVIII в. называли всех кочевников «les Tartars», а в XIX в., когда вошли в моду лингвистические классификации, присвоили название «тюрк» определенной группе языков. Таким образом, в разряд «тюрк» попали многие народы, которые в древности в их состав не входили, например якуты, чуваш и турки-османы.

Последние образовались на глазах историков путем смешения орды туркмен, пришедших в Малую Азию с Эртогрулом, газиев – добровольных борцов за ислам, в числе которых были курды, сельджуки, татары и черкесы; славянских юношей, забираемых в янычары, греков, итальянцев, арабов, киприотов и т. п., поступавших на флот, ренегатов-французов и немцев, искавших карьеру и fortuna, и огромного количества грузинок, украинок и поляков, продаваемых татарами на невольничьих базарах. Тюркским был только язык, потому что он был принят в армии. И эта мешанина в течение XV–XVI вв. слилась в монолитный народ, присвоивший себе название «турк» в память тех степных богатырей, которые 1000 лет назад стяжали себе славу на равнинах Центральной Азии и погибли, не оставив потомства [73]. Опять этноним отражает не истинное положение дел, а традиции и претензии.

Модификация же этнонима «татар» является примером прямого камуфляжа. До XII в. это было этническое название группы из 30 крупных родов, обитавших на берегах Керулэна. В XII в. эта народность усилилась, и китайские географы стали употреблять это название применительно ко всем центральноазиатским кочевникам: тюркоязычным, тунгусоязычным и монголоязычным, в том числе монголам. Когда же Чингис в 1206 г. принял название «монгол» как официальное для своих подданных, то соседи по привычке некоторое время продолжали называть монголов татарами. В таком виде слово «татар», как синоним слова «монгол», попало в Восточную Европу и привилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности к хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато первоначальные носители этого имени – кераиты, найманы, ойраты и татары стали именовать себя монголами [58]. Таким образом, названия поменялись местами. В это время и возникла научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть «монголоидным», а язык поволжских тюрк-кыпчаков – татарским языком. Иными словами, мы даже в науке употребляем заведомо закамуфлированную терминологию [158, с. 10–11].

Но дальше идет не просто путаница, но этнонимическая фантазмагория. Не все кочевые подданные Золотой Орды были лояльны по отношению к ее правительству. Мятежники,

обитавшие в степях западнее Урала, стали именоваться ногаями [212, с. 47–52], а те, кто жил на восточной окраине улуса Джучиева, в Тарбагатае и на берегах Иртыша и благодаря отдаленности от столицы были практически независимы, стали предками казахов. Все эти три этноса возникли в XIV–XV вв. вследствие бурного смешивания разных этнических компонентов. Предками ногаев были уцелевшие от Батыева разгрома половцы, степные аланы, среднеазиатские тюрки, пришедшие в составе монгольской армии, и жители южной окраины Руси, перешедшие в ислам, ставший в то время символом этнической консолидации. В состав татар вошли камские булгары, хазары и бургасы, а также часть половцев и угры – мишари. Такой же смесью было население Белой Орды, из которого в XV в. сложились три казахских джуса. Но это еще не все.

В конце XV в. русские отряды с верховьев Волги начали нападать на средневожские татарские города, чем вынудили часть населения покинуть родину и уйти под предводительством Шейбанихана (1500–1510) в Среднюю Азию. Там их встретили как злейших врагов, ибо местные тюрки, носившие в то время название «чагатаи» (от имени второго сына Чингиса – Чагатая, главы среднеазиатского улуса), управлялись потомками Тимура, врага степных и поволжских татар, разорившего Поволжье в 1395–1396 гг.

Ордынцы, покинувшие родину, приняли для себя новое имя – «узбеки» в честь хана Узбека (1312–1341), установившего в Золотой Орде ислам как государственную религию. В XVI в. «узбеки» разгромили последнего Тимурида – Бабура, который увел остатки своих сторонников в Индию и завоевал там себе новое царство. Так вот, оставшиеся в Самарканде и в Фергане тюрки носят имя своих завоевателей – узбеков. Те же тюрки, но ушедшие в Индию, стали называться «монголами», в память того, что 300 лет назад они подчинились монгольскому царевичу. А подлинные монголы, осевшие в XIII в. в Восточном Иране, даже сохранившие свой язык, называются хэзареями, от персидского слова «хэзар» – тысяча (подразумевается боевая единица, дивизия).

А где же монголы, по имени которых названо «иго», тяготевшее над Русью 240 лет? Как этноса их не было, ибо всем детям Джучи на три орды по завещанию Чингиса досталось 4 тыс. воинов, из коих только часть пришла с Дальнего Востока. Этих последних называли не «татары», а «хины», от китайского названия чжурчжэньской империи Кин (совр. Цзинь) [80, с. 311–313]. Это редкое название последний раз упомянуто в «Задонщине», где «хиновином» назван Мамай [ср. 178; 179, с. 28; 86]. Следовательно, «иго» было отнюдь не монгольским, а осуществлялось предками кочевых узбеков, коих не нужно путать с оседлыми узбеками, хотя в XIX в. они смешались, а ныне составляют единый этнос, равно чтущий Тимуридов и Шейбанидов, бывших в XVI в. злейшими врагами, потому что эта вражда потеряла смысл и значение уже в XVII в.

Бессилие филологии в истории

Название или даже самоназвание и феномен этноса как устойчивого коллектива особой вида *Homo sapiens* отнюдь не перекрывают друг друга. Поэтому филологическая методика, исследующая слова, в этнологии неприменима, а нам надлежит обратиться к истории, дабы проверить, насколько эта дисциплина может помочь при постановке нашей проблемы. Но и тут мы наталкиваемся на неожиданные трудности. Единицей исследования, которой пользуется историческая наука, является общественный институт, коим может быть государство, племенной союз, религиозная секта, торговая компания (например, Ост-Индская), политическая партия и т. д., словом, любое учреждение в любых веках и у любых народов. Иногда институт государства и этнос совпадают, и тогда мы наблюдаем в ряде случаев нации современного типа. Но это случай, характерный для XIX–XX вв., а в древности такие совпадения были редки. Случается, что религиозная секта объединяет единомышленников, которые,

как, например, сикхи в Индии, сливаются в этнос, и тогда происхождение особей, инкорпорированных общиной, не принимается во внимание. Но часто такие общины неустойчивы и распадаются на этносы, как это было с мусульманской общиной, основанной Мухаммедом в VII в. Если при первых четырех халифах в странах ислама шел процесс слияния арабских племен, сирийцев и частично персов в единый этнос, то уже при Омейядах (661–750) этот процесс остановился, а при Аббасидах потомки завоевателей и покоренных стали слагаться в новые этносы с единой межэтнической культурой, условно именуемой «мусульманской», с арабским языком, осознанием своего единства при сопоставлении с христианами и язычниками, но с различными историческими судьбами и разными стереотипами поведения, что выразилось в создании разнообразных сект и идеологических концепций.

Казалось бы, эмираты и султанаты, возникавшие вследствие обособления этносов, должны были бы соответствовать этническим границам, но этого не было. Удачливые полководцы подчиняли себе на короткое время территории с разноязычным населением, а затем становились жертвой соседей, т. е. политические образования имели иные судьбы, нежели этнические целостности. Конечно, общность исторической судьбы способствует образованию и сохранению этноса, но и историческая судьба⁹ может быть одной у двух-трех народностей и разной – в пределах одной народности. Например, англосаксы и уэльские кельты государственно объединены в XIII в., однако они не слились в единый этнос, что, впрочем, не мешает им жить в мире, а у армян восточных, подчиненных еще в III в. Ирану, и западных, связанных с этого же времени с Византией, судьбы были различны, но этническое единство не нарушалось. В XVI–XVII вв. французские гугеноты и католики весьма различались по своим историческим судьбам, да и по характеру культуры, как до издания Нантского эдикта, так и после отмены его. Однако этническая целостность Франции оставалась неизменной, несмотря на кровопролитные войны и драгонады. Следовательно, становление этносов – этногенез лежит глубже, чем видимые исторические процессы, фиксируемые источниками. История может помочь этнологии, но не заменяет ее.

5. Мозаичность как свойство этноса

Обойтись без родового строя можно

Многие этносы делятся на племена и роды. Можно ли считать это деление обязательной принадлежностью этноса или хотя бы первичной стадией его образования или, наконец, формой коллектива, предшествовавшей появлению самого этноса? [115, с. 50.] Имеющийся в нашем распоряжении достоверный материал позволяет ответить – нет!

Прежде всего, далеко не все современные народы имеют или имели когда-либо за время своего существования родовое или племенное деление. Такового не было и нет у испанцев, французов, итальянцев, румын, англичан, турок-османов, великорусов, украинцев, сикхов, греков (не эллинов) и многих других. Зато клановая, или родовая, система существует у кельтов, казахов, монголов, тунгусов, арабов, курдов и ряда других народов.

Считать клановую систему более ранней стадией трудно, так как византийцы или сасанидские персы – народы, образовавшиеся на 1000 лет раньше, чем монголы, и на 1200 лет раньше, чем казахи, великолепно обходились без родов и фратрий. Конечно, можно предположить, что в древности система родов была повсеместной, но даже если это так, то к историческому периоду, когда народы (этносы) возникали на глазах историка, такое допущение неприменимо. Правильнее всего признать, что схема «род – племя – народ – нация» отно-

⁹ Исторической судьбой мы называем цепочки событий, каузально связанные их внутренней логикой.

сится к общественному развитию, т. е. лежит в другой плоскости. То, что господствующими во всем человечестве формами общежития за время существования Homo sapiens были разные формы семьи, не имеет непосредственного отношения к проблеме, так как этническая целостность не совпадает ни с семейной ячейкой, ни с уровнем производства и культуры. Поэтому в нашем исследовании мы должны искать другие критерии и другие опознавательные признаки.

Вместе с тем необходимо отметить, что у народов с родо-племенным устройством деление на кланы (у кельтов), фратрии, кости («сеок» у алтайцев) и племенные объединения («джус» у казахов) и т. п. конструктивно. Эти внутриэтнические единицы необходимы для поддержания самого этнического единства. Путем разделения на группы регулируются отношения как отдельных особей к этносу в целом, так и родовых или семейных коллективов между собою. Только благодаря такому разделению сохраняется экзогамия, предотвращающая кровосмесительные браки. Представители родов выражают волю своих соплеменников на народных собраниях и создают устойчивые союзы для ведения внешних войн, как оборонительных, так и наступательных. В Шотландии, например, клановая система выдержала набеги викингов X в., нападения феодалов в XII–XV вв., войну с английской буржуазией в XVII–XVIII вв., и только капиталистические отношения смогли ее разрушить. А там, где клановая система была менее выражена, например у полабских славян, немецкие и датские рыцари расправились с нею за два века (XI–XII вв.), несмотря на бесспорную воинственность и завидное мужество бодричей, лютичей и жителей острова Руги. Деление этноса на племена несет функцию скелета, на который можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу для борьбы с окружающей средой.

Попробуем предложить иную систему отсчета, годную не для части, а для всей совокупности наблюдаемых коллизий.

Чем заменяют родовой строй

Чем компенсируется отсутствие родо-племенных групп у народов вполне развитых, находящихся на стадии классового общества? Наличие классовой структуры и классовая борьба в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе – факты, установленные и не подлежащие пересмотру. Следовательно, деление на классы функционально не может быть аналогичным делению на племена. И действительно, параллельно делению общества на классы мы обнаруживаем деление этносов на группы, отнюдь не совпадающие с классовыми. Условно их можно назвать «корпорациями», но это слово соответствует понятию лишь в первом приближении и будет впоследствии заменено.

Например, в феодальной Европе внутри одного этноса, скажем французского, господствующий класс состоял из разных корпораций: 1) феодалов в прямом смысле слова, т. е. держателей ленов, связанных с короной вассальной присягой; 2) рыцарей, объединенных в ордена; 3) нотаблей, составляющих аппарат королевской власти (Nobles des robes); 4) высшего духовенства; 5) ученых, например профессоров Сорбонны; 6) городского патрициата, который сам делится по территориальному признаку, и т. д. Можно, в зависимости от принятой степени приближения, выделить больше или меньше групп, но при этом надо обязательно учитывать еще принадлежность к партиям, например арманьякской и бургундской в начале XV в.

Иногда у читателей возникает соблазн отождествить указанные группы с сословиями, понимая под последними социальные группы. Но надо быть точным: социальные подразделения – это классы, а сословия – подразделения административные, так как они в Средние века «не приобретали... особого значения в политическом мире, а обозначали самих себя» [143, т. 1, с. 313].

Те же группы, которые описаны здесь, даже не сословия в полном смысле слова, а общины, являющиеся «предпосылками производства» [143, т. 13, с. 20]. Как варианты профессиональных общин могут фигурировать и родовые общины – разросшиеся семьи [там же, с. 37]. Поэтому К. Маркс называл историю Средневековья зоологической, отмечая, что «корпорации» этого типа пополнялись бастардами, не имевшими никаких прав по закону, но добивавшимися их энергией и семейными связями [18, т. IV, с. 356 и след.]. Особенно крупную роль играли бастарды после Столетней войны. Так, бастард Дюнуа считался первым рыцарем Франции и был графом.

По отношению же к народным массам такое разделение применимо в еще большей степени, так как каждая феодальная провинция носила тогда ярко выраженный индивидуальный характер. Например, руанцы в XII в. проявили вражду к Филиппу II Августу, освободившему их от англичан, а марсельцы, узнав о пленении Людовика IX в Египте, пели «Te Deum», надеясь избавиться от «сиров» [201, с. 214]. В буржуазном обществе мы наблюдаем уже не те корпорации, но принцип остается неизменным. Внутри этносов и помимо классов есть для каждой особи люди «своего» и «не своего» круга. Но по отношению к иноземным экспансиям все эти группы выступали как единое целое – французы.

То, что «корпорации», как мы их называли условно, неизмеримо менее стойки и длительны, чем родо-племенные группировки, бесспорно, но ведь и последние не вечны. Значит, разница между теми и другими не принципиальна. Сходство же в том, что они несут одинаковую нагрузку, поддерживая единство этноса путем внутреннего разделения функций (см.: с. 76).

И самое важное и любопытное – это то, что при своем возникновении «корпорации» отличаются друг от друга лишь нюансами психологии, но со временем различия углубляются и кристаллизуются, переходя в обычаи и обряды, т. е. в явления, изучаемые этнографами. Например, старославянский поцелуйный обряд трансформировался в России и Польше в целование руки замужним дамам и сохранился у помещного дворянства, но исчез из быта других сословий.

А. М. Горький, наблюдавший в крупных городах Поволжья быт мещан и интеллигентов-разночинцев, констатирует такие глубокие различия, что предлагает рассматривать эти недавно сложившиеся группы населения, как «разные племена» [54]. В том смысле, в котором он употребляет это понятие (имея в виду различия в быте, нравах, представлениях), он прав, и наблюдение его плодотворно. В наше время эти различия почти стерлись. Они были характерны для короткого периода – около 80 лет, но мы уже говорили, что продолжительность явления не влияет на принципиальную сторону дела.

Образование субэтнических групп

Понятие «корпорация» в предложенном понимании наглядно, но для нашего анализа недостаточно, так как предполагает, что данная единица не только складывается из этнографических особенностей, но и отграничена социальными перегородками от других «корпораций». Часто субэтнические подразделения не совпадают с общественными. Это показывает, что приведенный пример – частный случай искомого общего правила.

Продолжим наш пример этногенеза французов. В XVI в. Реформация коснулась этого народа и перетасовала все бывшие там «корпорации» до неузнаваемости. Феодальная аристократия, мелкое дворянство, буржуазия и крестьянство оказались расколоты на «папистов» и «гугенотов». Социальные основы обеих групп не различались, но этнотерриториальные подразделения просматриваются отчетливо. Кальвинизм имел успех среди кельтов низовой Луары, и торговая Ла-Рошель стала опорой реформатов. Гасконские сеньоры и короли Наварры приняли кальвинизм. Потомки бургундов, крестьяне Севенн и наследники

альбигойцев – буржуа Лангедока примкнули к движению. Но Париж, Лотарингия и Центральная Франция остались верны Римской церкви. Все бывшие «корпорации» исчезли, так как принадлежность к «общине» или «церкви» на два века стала индикатором принадлежности к той или иной субэтнической целостности.

И нельзя сказать, что решающую роль играла здесь теология. Большая часть французов были «политиками», т. е. отказывались интересоваться спорами Сорбонны и Женевы. Безграмотные гасконские бароны, полудикие севеннские горцы, удалые корсары Ла-Рошели или ремесленники предместий Парижа и Анжера отнюдь не разбирались в тонкостях трактовки Предопределения или Пресуществления. Если же они отдавали жизнь за мессу или Библию, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения и противопоставления друг другу, а тем самым – индикатором глубинных противоречий. Эти противоречия не были классовыми, так как на обеих сторонах сражались дворяне, крестьяне и буржуазия. Но католики и гугеноты действительно разнились по стереотипу поведения, а это, как мы условились вначале, – основной принцип этнической обособленности, для которой было достаточно оснований.

Ну а если бы гугеноты отстояли для себя кусок территории и создали там самостоятельное государство, как, скажем, швейцарцы или североамериканцы? Вероятно, их следовало бы рассматривать как особый этнос, возникший вследствие зигзага исторической судьбы, потому что у них были бы особый быт, культура, психический склад и, может быть, язык, ибо вряд ли они стали бы объясняться на парижском диалекте, а скорее выбрали бы один из местных диалектов. Это был бы процесс, аналогичный отделению американцев от англичан.

Шотландцы – безусловно, этнос, однако они состоят из гайлендеров (горцев) – кельтов, и лоулендеров (жителей долины реки Твид). Происхождение у них разное. Древнее население – каледоняне, украшавшееся татуировкой (пикты), – отразило натиск римлян в I–II вв. В III в. к ним присоединились переселившиеся из Ирландии скотты. Оба племени совершали губительные набеги на романизованную Британию, а потом на северные окраины Англии и сражались с норвежскими викингами, закрепившимися на востоке острова. В 954 г. шотландцам повезло: они завоевали Лотиан – равнину на берегах реки Твид, населенную потомками саксов и норвежских викингов. Шотландские короли получили много богатых подданных, привязали их к себе и с их помощью сократили самостоятельность вождей кельтских кланов. Но им пришлось перенять многие обычаи своих подданных, в частности феодальные институты и нравы. Богатые и энергичные жители Лотиана заставили своих кельтских владык превратить Шотландию в маленькое королевство, потому что они приняли на себя охрану границы с Англией [231, р. 120–121]. В XIV в. в Шотландию хлынули французские авантюристы, сподвижники королей Жана Балиоля и Робера Брюса, для войны с Англией. Французы умножили число пограничных феодалов. Реформация больше охватила кельтов, а в долинах наряду с кальвинистами удержались католики. Короче говоря, при генезисе этого народа смешались расы и культуры, родовой строй и феодализм, но сложность состава не нарушала этнической монолитности, что проявилось в столкновениях с англичанами, а позднее с ирландцами.

Еще характернее пример иного порядка – старообрядцы. Как известно, это небольшая часть великороссов, не принявших в XVII в. некоторых реформ церковного обряда. В те времена церковная служба несла функцию не только религии, но и синтетического искусства, т. е. заполняла эстетический вакуум. Поэтому требования к выполнению обряда были крайне высоки; ведь как в наше время никто не получает удовольствия от чтения плохих стихов или созерцания безобразных картин, так в XVII в. замена сугубой аллилуйи трегубой и потемневших образов новенькими розово-голубыми иконами шокировала определенную

часть молящихся. Они просто не могли сосредоточиться в обстановке, которая их раздражала.

По сути дела, это был такой же раскол этноса, как в Западной Европе во время Реформации, но меньший по масштабам. При этом не все православные христиане высказались за старый обряд. Те же, кто на это решился, держались твердо, не страшась казней и мучений. При удобном случае они переходили в контрнаступление и расправлялись с никонианами так же круто, как те с ними. Это проявилось во время стрелецких восстаний при регентстве царевны Софьи. Накал страстей был одинаков у тех и других. В XVII в. спор шел только о церковном обряде, а в прочем – в быту, системе образования, в привычках – старообрядцы не выделялись из общей массы русских. Во втором поколении, при Петре I, они составляли определенную изолированную группу населения. К концу XVIII в. у них появились, а отчасти сохранились обычаи, обряды, одежды, резко отличные от тех, которые стали общепринятыми. Екатерина II прекратила гонения на старообрядцев, но это не привело к их слиянию с основной массой этноса. В новообразовавшуюся внутриэтническую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и полунищие крестьяне из Заволжья. Эта единица, сначала объединенная общностью судьбы, т. е. привязанностью к принципам, для них столь дорогим, что они ради этих принципов шли на смерть, стала группой, объединенной общностью быта, возглавленной духовными руководителями (наставниками) разных толков и направлений. В XX в. она постепенно начала рассасываться, так как повод для ее возникновения давно перестал существовать, оставалась только инерция.

Примеры, приведенные нами, ярки, но редки. Чаше функции внутриэтнических группировок принимают на себя естественно образующиеся территориальные объединения – землячества. Наличие таких делений, так же как и фратрий при родовом строе, не подрывает этнического единства.

Теперь мы можем сделать вывод: социальные формы, в которые облекаются внутриэтнические целостности, причудливы и не всегда совпадают с подразделениями этноса; внутриэтническое же дробление есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость: оно характерно для любых эпох и стадий развития общества.

Варианты этнических контактов

До сих пор мы рассматривали дробные группы внутри больших этносов, но этим проблема отнюдь не исчерпана. В реальном историческом процессе не наблюдается строго изолированного существования этносов, а имеют место разные варианты этнических контактов, возникающих на территориях, заселенных разными этносами, политически объединенными в полиэтнические государства. При изучении их взаимоотношений можно различить четыре варианта:

а) сосуществование, при котором этносы не смешиваются и не подражают друг другу, заимствуя только технические нововведения;

б) ассимиляция, т. е. поглощение одного этноса другим с полным забвением происхождения и былых традиций; в) метисация, при которой сохраняются и сочетаются традиции предшествующих этносов и память о предках; эти вариации обычно бывают нестойкими и существуют за счет пополнения новыми метисами; г) слияние, при котором забываются традиции обоих первичных компонентов и рядом с двумя предшествовавшими (или вместо них) возникает новый, третий этнос. Это по существу главный вариант этногенеза. Почему-то он наблюдается реже всех прочих.

Проиллюстрируем эту четырехчленную систему наглядными примерами. Вариант а наиболее распространен. Представим себе, что в трамвай входят русский, немец, татарин и грузин, все принадлежащие к европеоидной расе, одинаково одетые, пообедавшие в одной

столовой и с одной и той же газетой под мышкой. Для всех очевидно, что они не идентичны, даже за вычетом индивидуальных особенностей [82, с. 46–47]. «Ну и что же? – возразил мне однажды один из моих оппонентов. – Если в этом трамвае не произойдет острого национального инцидента, все четверо спокойно поедут дальше, являя собой пример людей, оторвавшихся от своих этносов». Нет, по нашему мнению, любое изменение ситуации вызовет у этих людей разную реакцию, даже если они будут действовать заодно. Допустим, в трамвае появляется молодой человек, который начинает некорректно вести себя по отношению к даме. Как будут действовать наши персонажи? Грузин, скорее всего, схватит обидчика за грудки и попытается выбросить его из трамвая. Немец брезгливо сморщится и начнет звать милицию. Русский скажет несколько сакраментальных слов, а татарин предпочтет уклониться от участия в конфликте. Изменение ситуации, которое требует и изменения поведения, делает разницу стереотипов поведения у представителей разных этносов (суперэтносов) особенно заметной.

И это вполне объяснимо. Все вещи и явления познаются в сочетаниях. Насыпанные рядом сода и лимонная кислота дадут реакцию нейтрализации с бурным шипением только в том случае, если полить их водой. В истории, как в водном растворе, все время идут реакции, и нет надежды на то, что это кончится. Даже простое сосуществование разных этносов при сближении их не является нейтральным. Иногда оно просто необходимо. Так, в верховьях Конго банту и пигмеи живут в симбиозе. Без помощи пигмеев негры не могут ходить по лесу, кроме как по тропкам, а последние без прочистки быстро зарастают. Негр банту может заблудиться в лесу, как европеец, и погибнуть в 20 метрах от собственного дома. А пигмеям нужны ножи, посуда и прочие предметы обихода. Для этих двух этносов несхожесть – залог благополучия, на чем и зиждется их дружба.

Вариант длительного сосуществования при постоянной вражде прекрасно описан Л. Н. Толстым, наблюдавшим стычки гребенских казаков с чеченцами. Но он верно отметил взаимное уважение двух соседних этносов и настороженность казаков к солдатам, которые на Тереке были пионерами ассимиляции казаков великороссами. Последняя завершилась в начале XX в.

Вариант b (ассимиляция) чаще всего осуществляется методами не столь кровавыми, сколь обидными. Объекту ассимиляции предоставлена альтернатива: потерять либо совесть, либо жизнь. Спаситься от гибели путем отказа от всего дорогого и привычного ради того, чтобы превратиться в человека второго сорта среди победителей. Последние тоже мало выигрывают, ибо приобретают соплеменников лицемерных и, как правило, неполноценных, так как контролировать можно только внешние проявления поведения покоренного этноса, а не его настроения. Англичан в этом убедили в XIX в. ирландцы, испанцев – партизаны Симона Боливара, китайцев – дунгане. Примеров слишком много, но дело ясно.

Вариант c (метисация) наблюдается очень часто, но потомство от экзогамных браков либо гибнет в третьем-четвертом поколении, либо распадается на отцовскую и материнскую линии. Например, турки в XVI в. считали, что достаточно произнести формулу исповедания ислама и подчиниться султану, чтобы стать истинным турком. Иными словами, они рассматривали этническую принадлежность как «состояние», которое можно менять произвольно. Поэтому турки принимали на службу любых авантюристов, если те были специалистами в каком-либо ремесле или в военном искусстве. Последствия дали о себе знать через сто лет.

Упадок Высокой Порты в XVII в. привлек внимание турецких писателей-современников. По их мнению, причиной упадка были «аджемогланы», т. е. дети ренегатов¹⁰, при-

¹⁰ Название «ренегат» в те времена не имело оскорбительного оттенка, и переход на службу к врагу был явлением обыденным. Но если переход в рамках одного суперэтноса даже не считался изменой, то уход к мусульманам лишал ренегата бывшей этнической принадлежности, как поет в известной оперетте «Запорожец за Дунаем» герой, убежавший к туркам: «Теперь я турок, не казак».

чем искренность неофитов не подвергалась сомнению. Некоторые ренегаты были энергичными и полезными людьми, например француз Кеприлю и грек Хайрадин Барбаросса, но большинство из них искали теплого местечка и добывали синекуры через гаремы визирей, наполненные польками, хорватками, итальянками, гречанками и т. п. Эти проходимцы, не имея *ni foi ni loi*, разрушали османский этнос, и настоящие османы уже в XVIII в. были сведены на положение этноса, угнетенного в своей собственной стране. Прилив инородцев калечил стереотип поведения, что сказалось на продажности визирей, подкупности судей, падении боеспособности войска и развале экономики. К началу XIX в. Турция стала «больным человеком». Анализируя причины столь странного превращения сильного народа в слабый и говоря о роли ренегатов, известный русский востоковед В. Д. Смирнов в своей диссертации писал: «Неужели же кто-нибудь хоть в шутку станет утверждать, что гг. Чайковский, Лангевич и т. п. личности из славян, греков, мадьяр, итальянцев и др. приняли ислам по убеждению? Без сомнения, никто. А между тем на долю подобных-то перевертней и выпал жребий воспользоваться плодами доблестных подвигов османского племени. Не имея никакой религии, они чужды были всяких нравственных убеждений; не чувствуя никаких симпатий к народу, над которым они властвовали, они жили одной животной жизнью. Гаремные интриги заменяли им настоящую, интересующую всякого истинного гражданина, политику. Семейные связи не вызывались у них изуродованным состоянием организма или восполнялись гнусным пороком... Понятие о благе не шло у них дальше благополучия собственного кармана. Чувство долга ограничивалось приисканием законных предлогов, которыми бы можно было прикрыть свои беззакония, не рискуя сделаться жертвою происков других подобных им общественных деятелей. Словом, будучи османами по имени, они не были ими в действительности» [192, с. 266–267]. Где же решающий фактор: в природе или в гражданском состоянии?

Роль экзогамии

Итак, внедрение в Турцию иноплеменников обострило и без того нараставший кризис классовых противоречий, для которых превращение этнической целостности в химерную играло роль катализатора, ибо каждому понятно, что искренние лояльные чиновники ценнее, нежели лицемерные и беспринципные. И наоборот, развитие классовых противоречий для этногенеза османов играло роль вектора. Сочетание же этнических и социальных процессов в одном регионе оказалось фактором антропогенной ломки ландшафтов некогда богатейших стран мира, в древности именовавшихся странами «благодатного Полумесяца». Завоевания Селима I в XVI в. отдали в руки османских султанов Сирию, Палестину, Египет и Месопотамию, где интенсивное земледелие еще в III тыс. до н. э. преобразило первозданный ландшафт.

Шумеры в низовьях Тигра и Евфрата «отделили воду от суши», а созданную ими страну современники называли «Эдем». Аккадийцы построили Вавилон – «Врата Бога», первый в мире город с миллионным населением, для которого хватало пищи без привоза из дальних стран. Антиохия, а потом Дамаск были большими, веселыми и культурными городами, процветавшими за счет местных ресурсов. Малая Азия кормила огромный Константинополь.

Однако культурный ландшафт нуждался в том, чтобы его постоянно поддерживать. Это понимали арабские халифы, покупавшие в Занзибаре рабов для сохранения ирригации в Месопотамии, византийские автократы, специальными эдиктами укреплявшие мелкое крестьянское хозяйство как наиболее интенсивное в тех природных условиях, и даже монгольский ильхан Газан, организовавший строительство канала в засушливой части Северного Двуречья. Развал культурных ландшафтов Передней Азии наступил поздно: в XVII–

XIX вв., во время глубокого мира и упадка Османской империи, так как замученные поборами сирийские, иракские и киликийские крестьяне бросали свои участки и искали лучшей доли в прибрежных пиратских городах, где можно было либо легко разбогатеть, либо сложить голову. А те, кто оставался дома из-за лени или трусости, запускали ирригацию и превращали страну, некогда богатую и обильную, в пустошь.

Начало этого страшного и губительного процесса отмечали уже современники. Французский авантюрист и врач в гвардии Ауренгзеба, Франсуа Бернье, наблюдавший аналогичные порядки в Индии, подвластной Великим Моголам, в письме Кольберу предрек неминуемое ослабление трех больших мусульманских царств: Индии, Турции и Персии, причем относительно последней он считал, что упадок будет медленным, так как персидская аристократия – местного происхождения [25].

И ведь он не сговаривался с Кучибеем Гомюрджинским. Совпадение произошло потому, что два умных человека наблюдали один и тот же процесс, умея делать выводы и прогнозы. И нам приходится согласиться с тем, что при стабильном социальном устройстве, в условиях одной и той же формации, но при меняющемся соотношении этнических компонентов в политической системе – государстве состояние ландшафта, как чуткий барометр, показывает возникновение или наличие подъемов и упадков, а также периодов стабилизации.

Но если так, то у нас нет оснований отрицать причину, указанную упомянутыми авторами: появление в системе новых этнических групп, не связанных с ландшафтами региона и свободных от ограничений экзогамных браков, ибо эти ограничения, поддерживая этническую пестроту региона, ведут к сохранению ландшафтов, вмещающих мелкие этнические группы. Но коль скоро так, то природу и культуру губят свободное общение и свободная любовь!

Вывод неожиданный и пугающий, но это – перефразированный второй закон Ньютона: что выигрывается в общественной свободе, то теряется при контакте с природой, точнее – с географической средой и собственной физиологией, ибо природа находится и внутри наших тел.

Поскольку же аналогичные явления имели место и в Риме, и в Древнем Иране, и во многих других странах, то легко заметить общую закономерность: при наличии эндогамии как этнического барьера процессы шли медленнее и менее мучительно, а ведь для этноса не все равно: просуществует он 300 лет или 1000. И поэтому замечание Ю. В. Бромлея о стабилизирующей роли эндогамии – барьера против инкорпорации – является бесспорным [36].

Опыт интерпретации

Попробуем интерпретировать описанное явление. Если этносы – процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, нарушающая каждую из исходных частот. Складывающиеся объединения химерны, а значит, нестойки перед посторонними воздействиями и недолговечны. Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание людей, в эту систему вовлеченных. Таков общий механизм нарушения заданной закономерности, но он имеет исключения. Именно неустойчивость исходных ритмов является условием возникновения нового ритма, т. е. нового этногенетического инерционного процесса. С чем это связано, мы пока говорить не будем, потому что это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его между делом. Но ясно, что для сохранения этнических традиций необходима эндогамия, потому что эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения, а экзогамная семья передает ему два стереотипа, взаимно погашающих друг друга. Итак, экзогамия, отнюдь не относящаяся к «социальным состоя-

ниям» и лежащая в иной плоскости, оказывается в числе факторов этногенеза, т. е. реальным деструктивным фактором при контакте на суперэтническом уровне. И даже в тех редких случаях, когда в зоне конфликта появляется новый этнос, он поглощает, т. е. уничтожает, оба прежних. В заключение скажем, что в указанном примере, а также в подавляющем большинстве случаев расовый принцип не играет никакой роли. Речь идет не о соматических различиях, а о поведенческих, ибо степняки, тибетские горцы и китайцы принадлежали к единой монголоидной расе I порядка, а при уточнении до II порядка видно, что северные китайцы по расовым признакам ближе к сяньбийцам и тибетцам, нежели к южным китайцам. Однако внешнее сходство черепных показателей, цвета глаз и волос, эпикантуса и прочего для этногенетических процессов значения не имело.

Из приведенного примера очевидна и связь этноса с ландшафтом, иногда подвергаемая сомнению. Хунны, заняв долину Хуанхэ, пасли там скот, китайцы засевали пашни и строили каналы, а их помеси, не имея навыков ни к скотоводству, ни к земледелию, хищнически обирали соседей и подданных, что повело к образованию залежных земель и восстановлению естественного биоценоза, хотя и обедненного за счет вырубки лесов и истребления копытных во время царских охот. Все сходится.

Таким образом, не только теоретические соображения, но и необходимость интерпретации фактических данных заставляет отвергнуть концепцию этноса как состояния. Но если этнос – долгоидущий процесс, то он является частью биосферы Земли, а поскольку с этносом связано изменение ландшафтов путем использования техники, то этнологию следует причислить к географическим наукам, хотя первичный материал она черпает из истории в узком смысле слова, т. е. изучения событий в их связи и последовательности.

6. Этнический стереотип поведения

Несхожесть как принцип

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затухает. Иногда структура этноса стабильна, потому что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего. Такие этносы можно назвать персистентами, т. е. пережившими себя, но об этой стороне дела речь пойдет ниже, а пока уточним смысл понятия «структура» применительно к стереотипу поведения вне зависимости от степени ее устойчивости и характера изменчивости.

Структура этнического стереотипа поведения – это строго определенная норма отношений: а) между коллективом и индивидом; б) индивидов между собой; в) внутриэтнических групп между собой; г) между этносом и внутриэтническими группами. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Соприкасаясь же с другой нормой поведения в другом этносе, каждый член данного этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачестве другого народа. Собственно говоря, такие рассказы и составляют этнографию, науку столь же древнюю, как и межэтнические связи. Разница между ее первичным состоянием и научным обобщением лишь в широте охвата и систематизации сведений, да еще в том, что этнографы не шокируют обычаи и обряды иного этноса.

Поясним на примерах. Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали такое омерзение, что, однажды увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом в руках в составе процессии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противоестественным обычай обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам, и т. д. Примерам несть числа.

Этнографическая наука подобную непосредственность преодолела и внесла в наблюдения принцип системы – как действующей нормы взаимоотношений индивидов. Эта норма определяет взаимоотношения как индивидов между собой, так и их с коллективом в целом. Для примера возьмем простейший случай брачно-сексуальных отношений. Грубо говоря, формы таких отношений очень разнообразны: от моногамной семьи до полной свободы половых отношений. Например, у одних народов для девушки при бракосочетании обязательна наивность, а у других – предварительное обучение приемам любви. Иногда развод легок, иногда затруднен, иногда – невозможен вообще. У одних народов сожительство жен с посторонними мужчинами карается как супружеская неверность, у других – поощряется (например, уйгуры в оазисе Хами, как мы уже упоминали, так привыкли уступать своих жен проезжим купцам, что, даже разбогатев под покровительством Чингисидов, не хотели отказаться от обычая, казавшегося их соседям постыдным).

Точно так же мы можем проанализировать вариации восприятия чувства долга. В феодальной Англии или Франции вассал был обязан служить сюзерену только в случае получения бенефиция («зарплаты»): лишаясь такового, он имел право перейти к другому сюзерену (например, к испанскому королю). Изменой считался только переход к иноверцам, например мусульманам, но это практиковалось настолько часто, что возник специальный термин – ренегат. Наоборот, в Риме или Греции несение общественных обязанностей не сопровождалось оплатой, а было долгом гражданина полиса. Впрочем, эти граждане так наживались на общественной работе, что вознаграждали себя сверх меры.

Сила этнического стереотипа поведения огромна потому, что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочие – как «дикость». Именно поэтому европейские колонизаторы называли индейцев, африканцев, монголов и даже русских дикарями, хотя те с таким же правом могли сказать это об англичанах. Китайское же высокомерие было еще более безапелляционным. Вот, например, что указывалось в географической справке Минской эпохи во Франции: «Лежит в юго-западном море... В 1518 г. король отправил посланника с земскими произведениями и просил признать его королем» [29, с. 638].

Изменчивость стереотипов поведения

Стереотип поведения этноса столь же динамичен, как и сам этнос. Обряды, обычаи и нормы взаимоотношений меняются то медленно и постепенно, то очень быстро. Взглянем, например, на Англию. Разве можно узнать потомка свирепого сакса, убивавшего кельтских ребятишек, в веселом браконьере Робин Гуде или стрелке из «Белого отряда», а его прямого потомка – в матросе-корсаре Фрэнсиса Дрейка или в «железнобоком» солдате Кромвеля? А их наследник – клерк лондонского Сити, то аккуратный и чопорный в Викторианскую эпоху, то длинноволосый декадент и наркоман XX века? А ведь Англия всегда была страной консервативной. Что же говорить о других этносах, на облик которых влияет не только внутреннее развитие, но и посторонние воздействия – культурные заимствования, завоевания, вле-

кущие за собой принудительные изменения обычаев, и, наконец, экономические нажимы, меняющие род занятий и насильственно регулирующие потребности этноса¹¹?

Говоря о стереотипе поведения этноса, мы обязаны всегда указать эпоху, о которой идет речь. И не следует думать, что так называемые «дикие» или «примитивные» племена более «консервативны», нежели цивилизованные нации. Это мнение возникло исключительно вследствие малой изученности индейцев, африканцев и сибирских народов. Достаточно было организовать в Канаде продажу водки, а на Таити – консервов, и сразу же менялся стереотип поведения дакотов и полинезийцев, причем редко к лучшему. Однако во всех случаях изменения шли своим путем, на базе уже сложившихся навыков и представлений. В этом – неповторимость любого этногенетического процесса, а также причина того, что процессы этногенеза никогда не копируют друг друга. Правда, закономерность есть и тут, надо только уметь ее найти.

Примеров можно привести любое количество, в том числе и в отношении стандартов поведения, касающихся юридических, экономических, социальных, бытовых, религиозных и прочих взаимоотношений, сколь бы сложны они ни были, что и является основным принципом поддержания внутриэтнической структуры. В аспекте гуманитарных наук описанное явление известно как традиция и модификация социальных взаимоотношений, а в плане наук естественных оно, столь же закономерно, трактуется как стереотип поведения, варьирующий в локальных зонах и видовых популяциях. Второй аспект хотя и непривычен, но, как мы увидим позже, плодотворен.

Итак, этнос – коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особи: «Мы такие-то, а все прочие другие». Поскольку это явление универсально, можно предположить, что оно отражает некую физическую или биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной. Интерпретировать эту «величину» можно только путем анализа возникновения и исчезновения этносов и установления принципиальных различий этносов между собою. Чтобы выявить их различия, необходимо последовательное описание стереотипа поведения тех или иных этносов. Однако надо помнить, что поведение этноса меняется в зависимости от его возраста, который удобно отсчитывать от момента выхода этноса на историческую арену. Поэтому необходимо ввести в анализ способ фиксации этнодинамики, дабы перейти к определению понятия «этнос» во втором приближении. Таковым будет психологический момент, с одной стороны, свойственный всем людям без исключения, а с другой – достаточно вариабельный, чтобы служить индикатором этнической динамики: отношение этноса как целостности к категории времени.

Этнос и четыре ощущения времени

Что такое «время» – не знает никто. Однако измерять его люди научились. Даже самые примитивные народы, не имеющие потребности в линейном отсчете времени от какой-либо условной даты («Основания Рима», «Сотворения мира», «Рождества Христова», «Хиджры» – бегства Мухаммеда из Мекки в Медину и т. п.), различают день и ночь, времена года, «живую хронологию» по датам собственной жизни и, наконец, цикличности – неделю, месяц, двенадцать лет, где каждый год носит имя зверя (тюркско-монгольский календарь). По данным сравнительной этнографии, линейный отсчет времени появляется тогда, когда

¹¹ Таков был, например, ввоз опиума в Китай в XIX в. Причем сначала путем распространения наркотика по низким ценам был создан спрос на него. Аналогична продажа спиртных напитков индейцами Канады за меха.

этнос начинает ощущать свою историю не как исключительное явление, а в связи с историей сопредельных стран. А по мере накопления знаний возникает квантование времени в сознании людей, т. е. деление его на эпохи, весьма неравные по продолжительности, но эквивалентные по наполнению событиями. Здесь категория «времени» соприкасается с категорией «силы» – причины, вызывающей ускорение, в частном случае – исторического процесса [83, с. 143–157].

Такое разнообразие систем отсчета показывает, что оно отвечает серьезным переменам этнопсихологии, что, в свою очередь, определяется сменой возрастов этноса. Для наших целей важна не та или иная система отсчета, а различие в понятиях прошедшего, настоящего и будущего.

Когда этническая общность вступает в первый творческий период своего становления, ведущая часть ее населения, толкающая всю систему по пути этнического развития, накапливает материальные и идейные ценности. Это накопление в области этики становится «императивом» и в отношении времени трансформируется в ощущение, которое можно назвать «пассеизм». Смысл его в том, что каждый активный строитель этнической целостности чувствует себя продолжателем линии предков, к которой он что-то прибавляет: еще одна победа, еще одно здание, еще одна рукопись, еще один выкованный меч. Это «еще» говорит о том, что прошлое не ушло, оно в человеке, и поэтому к нему стоит прибавлять нечто новое, ибо тем самым прошлое, накапливаясь, продвигается вперед. Каждая прожитая минута воспринимается как приращение к существующему прошлому (*Passé existence*).

Результатом такого восприятия времени являются подвиги героев, добровольно отдававших жизнь за отечество: спартанского василевса Леонида в Фермопилах, консула Аттилия Регула в Карфагене, Роланда в Ронсевальском ущелье, причем это равно касается исторического бретонского маркиза и литературного героя «Песни о Роланде». Такими же были богатыри-монахи Пересвет и Ослябя, послушники Сергия Радонежского, погибшие на Куликовом поле, и кераитский богатырь Хадах-Баатур, отвлекший на себя воинов Чингиса, чтобы дать скрыться «своему природному хану» [123, с. 140]. Европейцы этого склада воздвигли готические соборы, не увековечив своих имен, индусы вырезали дивные статуи в пещерных храмах, египтяне построили усыпальницы, полинезийцы открыли для своих соотечественников Америку и привезли на острова кумару (сладкий картофель). Для них характерно отсутствие личной заинтересованности. Они как будто любили свое дело больше себя. Но это не альтруизм: предмет их любви был в них самих, хотя и не только в них. Они чувствовали себя наследниками не только великих традиций, а частицами оных и, отдавая ради этих традиций милую жизнь, быстро, как воины, или медленно, как зодчие, они поступали согласно своему нервно-психофизическому складу, определявшему вектор и характер их деятельности. Люди этого склада встречаются во все эпохи, но в начальных стадиях этногенеза их несколько больше. Как только процентное содержание их уменьшается, наступает время, которое мы привыкли называть «расцветом», но правильное было бы сказать «разбазаривание».

На место пассеизма приходит актуализм. Люди этого склада забывают прошлое и не хотят знать будущего. Они хотят жить сейчас и для себя. Они мужественны, энергичны, талантливы, но то, что они делают, они делают ради себя. Они тоже совершают подвиги, но ради собственной алчности, ищут высокого положения, чтобы насладиться своей властью, ибо для них реально только настоящее, под которым неизбежно понимается свое, личное. Таковы в Риме – Гай Марий и Люций Корнелий Сулла, в Афинах – Алкивиад, во Франции – принц «Великий Конде», Людовик XIV и Наполеон, в России – Иван Грозный, в Китае – суйский император Ян Ди (605–618). А писателей, художников, профессоров и т. п., совершавших подчас нечто грандиозное только для того, чтобы прославить свое имя, невозможно даже перечислить! Таковы и веселые кутилы, бонвиваны, прожигатели жизни, они тоже

живут сегодняшним днем, хотя бы продолжительностью в целую, но свою жизнь. Когда процент людей этого склада в составе этноса увеличивается, то наследство, скопленное их жертвенными предками, быстро растрачивается, и это производит обманчивое впечатление изобилия, почему и считается «расцветом».

У читателей может сложиться мнение, что автор осуждает людей этого склада. Нет! Их восприятие времени – такое же явление, как и то, которое было описано выше, и зависит не от их желания, а от особенностей высшей нервной деятельности. Они не могли бы быть иными, если бы даже этого хотели. Знаменитые сентенции «Хоть день, да мой» и «После нас – хоть потоп» – не цинизм, а искренность, и наличие в этносе людей этого склада ведет не к его исчезновению, а только к остановке роста, что иногда бывает даже целесообразно, так как, не принося в жертву себя, эти люди не ставят целью принесение в жертву своих соседей, а стремление к беспредельному расширению этнического ареала заменяется установлением естественных границ.

Третий возможный и реально существующий вариант относится ко времени и миру – это игнорирование не только прошлого, но и настоящего ради будущего. Прошрое отвергается как исчезнувшее, настоящее – как неприемлемое, реальной признается только мечта. Наиболее яркими примерами этого мировосприятия являются идеализм Платона в Элладe, иудейский хилиазм в Римской империи, сектантские движения манихейского (альбигойство) и маркионитского (богумильство) толка. Не избежал футуристического (так его правильное всего назвать) воздействия и Арабский халифат, где начиная с IX в. бедуины Бахрейна приняли идеологическую систему карматства и распространились по Сирии, Египту и Ирану. В Египте карматы установили свою династию – Фатимидов, в Иране овладели горными крепостями: Аламут, Гирдекухом и Люмбасаром, откуда диктовали мусульманским султанам и эмирам свою волю. Персы называли их измаилитами, крестоносцы – ассасинами.

Идеология карматов была откровенно идеалистической, но не религиозной. По их учению, мир состоял из двух половин, зеркально отражающих друг друга. В посястороннем мире им, карматам, было плохо: их угнетали, обижали, грабили. В антимире все должно быть наоборот: они, карматы, будут угнетать, обижать, грабить мусульман и христиан. Перебраться же в антимир можно только с помощью «живого бога» и назначенных им старцев-учителей, которым надо безусловно подчиняться и платить деньги. Ничего религиозного в этой системе нет. Представление о деятельности карматов как о борьбе угнетенных с феодалами отражает только одну, и не самую важную, сторону дела. Фатимиды в Каире и Хасан Саббах в Аламуте были точно такими же угнетателями крестьян, как и их противники, хотя иногда использовали социальные противоречия в интересах своей политики. Да и может ли банда или секта выражать интересы широких масс?

Однако в Древнем Китае футуристическое восприятие времени, проявившееся в III в., привело народ к крестьянскому восстанию «желтых повязок». Наряду с действительными классовыми противоречиями во время правления династии Младшей Хань (25–220) даосские ученые оказались вытесненными со всех постов государственной службы конфуцианцами и принуждены были добывать себе пропитание лечением болезней и предсказанием погоды. Это нищенское существование их не устраивало, и в их среде создалась теория, согласно которой «синее небо насилия» будет заменено «желтым небом справедливости». На самом деле небо стало багровым от отблесков пролитой крови: за период смут, последовавших за восстанием, население Китая сократилось с 50 млн до 7,5 млн. Было бы легкомысленно обвинять во всех бедах только даосскую пропаганду, так как подавляющее большинство участников событий были чужды любым философским концепциям. В нашем аспекте важно лишь отметить наличие футуристического мировосприятия и активизацию его при одновременном упадке пассаистического, как бы вытесненного из жизни народа. И не случайно III век считается эпохой, разделяющей древний и средневековый Китай. Новое накоп-

ление ценностей, как идеологических, так и материальных, началось в VI в. при династии Суй и оформилось в пассаистическое течение в VII в. при династии Тан. Н. И. Конрад назвал это явление китайским ренессансом, когда под лозунгом «возвращения к древнему» творилась новая оригинальная культура, противостоящая моральному распаду и грубости солдатских и кочевнических царств эпохи, называемой «Пять варваров» [132, с. 119–149, 152–281].

Можно было бы сделать заключение, что футуристическое восприятие времени встречается столь редко, что оно является аномалией. Это неверно, оно закономерно, как и два остальных, но действует на этническое сообщество столь губительно, что любой этнос гибнет целиком, либо гибнут «мечтатели», либо «мечтатели» объявляют свою мечту осуществленной и становятся актуалистами, т. е. начинают жить как все. Футуристическое мировосприятие опасно для окружающих только в чистых формах и высоких «концентрациях». Когда оно смешано с другими мировосприятиями, оно способно даже вызывать симпатию. Например, Иоанн Лейденский сумел добиться в Мюнстере высокого накала страстей и неизбежно связанного с ним кровопролития, но современные баптисты – обыватели, и как таковые они в принятой нами классификации стоят ближе к обывателям – католикам, протестантам, атеистам, нежели к своим идейным и духовным предкам. Иными словами, исповедание идеи не отражает отношения ко времени и не связано с ним. Инвариантность футуристического восприятия времени заключается в том, что его торжество вызывает процесс этнической дезинтеграции. Поскольку такие процессы наблюдаются во все исследуемые нами периоды, то, очевидно, исчезновение этносов – не случайность, как, впрочем, и появление новых. И то и другое – составляющие одного и того же диалектического процесса – этногенеза, и если, будучи людьми, мы можем симпатизировать любому умонастроению или складу, то как ученые мы должны просто определить соотношение и векторы составляющих величин в общем направлении изучаемого движения.

Пассаизм, актуализм и футуризм отражают три стадии этнической динамики, но, кроме того, должна быть, и действительно существует, система оценки категории времени, соответствующая статическому состоянию этноса. Она заключается в игнорировании времени как такового. Время не интересует людей этого склада, потому что они не извлекают из отсчета времени никакой пользы для той деятельности, которая их кормит. Эти люди (выше мы называли их обывателями) живут во всех стадиях, но при наличии иных категорий они мало заметны. Когда же с торжеством «футуризма» все их соперники исчезают, из щелей вылезают неистребимые посредственности, и историческое время останавливается, а земля лежит под паром.

Итак, мы сомкнули все линии нашего анализа и получили подтверждение гипотезы о четырехчленной конструкции этнического становления. Это не случайное совпадение и не произвольное построение, а отражение сути процесса этнического распада. Но если бы наш анализ исчерпывал тему, то не только этнологии, но и самих этносов давно бы уже не было, потому что все они за истекшее историческое время распались бы. Очевидно, наряду с разрушительными процессами внутриэтнической эволюции существуют созидательные, благодаря которым возникают новые этнические сообщества. Поэтому этническая история человечества не прекращается и, пока на Земле есть люди, не прекратится. Ибо этнос не арифметическая сумма человекоединиц, а «система» – понятие, которое следует раскрыть подробно.

7. Этнос как система

«Система» в популярном объяснении

Общеизвестный пример социальной системы – это семья, живущая в одном доме. Элементы системы: члены семьи и предметы их обихода, в том числе муж, жена, теща, сын, дочь, дом, колодец, кошка. Они составляют семью до тех пор, пока супруги не разведутся, дети не отколются, начав зарабатывать сами, теща не разругается с зятем, колодец не зацветет и кошка не заведет котят на чердаке. Если после этого они останутся в доме, хотя бы туда даже провели водопровод, это будет не семья, а заселенный участок, т. е. все элементы живой и косной природы останутся на месте, но система семьи исчезнет. И наоборот, если умрет теща, будет перестроен дом, сбежит кошка, уедет любящий сын, семья сохранится, несмотря на перемены в числе элементов. Это значит, что реально существующим и действующим фактором системы являются не предметы, а связи, хотя они не имеют ни массы, ни заряда, ни температуры.

Эта внутренняя связь между отдельными людьми при взаимной несхожести и является реальным проявлением системной связи, и не может быть определена ни через какие другие показатели.

Связи в системе могут быть как положительными, так и отрицательными, причем некоторые связи подсистемы на протяжении жизни особи могут сменить знак. Продолжим наш пример. Связь новорожденного со старшими имеет определенную направленность и «вес»¹². О нем заботятся, его воспитывают и учат. Когда он становится взрослым и отцом семейства, знак связи меняется на противоположный: он заботится о родителях и учит детей. И, наконец, став стариком, он опять требует заботы и ухода. Эта закономерность показывает, что любая система не статична, а находится либо в динамическом равновесии (гомеостаз), либо в движении от какого-то толчка, импульс которого находится вне данной системы. Конечно, не исключено, что этот импульс ограничен для системы высшего ранга, но механизм воздействия от этого не меняется.

Семья – это наглядный пример системы. Однако более сложные системы, как, например, этнос, социальный организм, вид, биогеоценоз, подчиняются той же закономерности, даже с учетом того, что они построены по принципу иерархии: подсистемы образуют системную целостность – суперсистему; суперсистемы – гиперсистему и т. д. Таким образом, наличие всеобщих связей, создающих динамические стереотипы, более или менее устойчиво, но никогда не вечно.

Итак, мера устойчивости этноса как системы определяется не его массой, т. е. численностью населения и точностью копирования предков, а среднестатистическим набором связей. Резкий выход за определенные пределы влечет либо гибель, либо бурное развитие. Этим и создается эластичность этноса, позволяющая ему амортизировать внешние воздействия и даже иногда регенерировать, ибо «многосвязная» система восполняет ущерб перестройки связей.

После этого популярного пояснения перейдем к научным определениям, т. е. к кибернетике и системологии в том объеме, в котором они будут нам нужны.

¹² Или коэффициент при факте связи (в кибернетическом смысле), например мера заботы отца о сыне.

«Система» в этнологии

Н. Винер определил кибернетику как науку об управлении и связи в животном и машине [175, с. 13]. «Достоинство кибернетики состоит в методе исследования сложных систем, ибо при изучении простых систем кибернетика не имеет преимуществ» [там же, с. 18]. Предмет изучения кибернетики – способы поведения объекта: «она спрашивает не „что это такое?“, а „что оно делает?“» [там же, с. 13]. «Поэтому свойства объекта являются названиями его поведения» [там же, с. 21]. «Кибернетика занимается всеми формами поведения, поскольку они являются регулярными, или детерминированными, или воспроизводимыми. Материальность не имеет для нее значения, равно как соблюдение или несоблюдение обычных законов физики» [там же, с. 14].

Приведенные тезисы показывают, что этнологу, интересующемуся сущностью феномена этноса и вынужденному согласовывать собственные наблюдения с известными ему законами природы, абсолютное доверие к методам кибернетики Винера противопоказано. Применение кибернетических методов исследования может служить коррективом для экстраполяции эмпирических обобщений, но не больше. Поэтому в основу методики системного изучения этноса целесообразно положить не мысли Н. Винера, а идеи Л. Берталанфи, совместившего с кибернетикой физическую химию и термодинамику.

Согласно системному подходу Л. Берталанфи [26, с. 28], «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [182, с. 12], т. е. привычными элементами информации являются не отдельные факты, а связи между фактами. По А. А. Малиновскому, «система строится из единиц, группировки которых имеют самостоятельное значение, звенья, подсистемы, каждая из которых является единицей низшего порядка, что обеспечивает иерархический принцип, позволяющий вести исследование на заданном уровне» [141, с. 145–150].

Исходя из этого принципа, мы имеем право рассматривать этнос как систему социальных и природных единиц с присущими им элементами. Этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы. Последнее, являющееся направлением развития, особенно важно, ибо «общим для всех случаев множеств является свойство элементов обладать всеми видами активности, приводящими к образованию статических или динамических структур» [172, с. 445]. Применение этого подхода к процессам этногенеза связано и с решением проблемы историзма, так как все наблюдаемые факты укладываются в динамическую систему исторического развития, и нам только остается анализировать ту часть всемирной истории, которая непосредственно связана с нашей темой.

Таким образом, реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями¹³. В такой системе первоначальный заряд энергии постепенно расходуется, а энтропия непрерывно увеличивается. Поэтому система должна постоянно удалять накапливающуюся энтропию, обмениваясь с окружающей средой энергией и энтропией. Этот обмен регулируется управляющими системами, использующими запасы информации, которые передаются по наследству [184, с. 112]. В нашем случае роль управляющих систем играет традиция, которая равно взаимодействует с общественной и природной формой движения материи. Передача опыта потомству наблюдается у большин-

¹³ Это не биологическая и не только социальная система, так как «аналогии биологических и социальных уровней не обоснованы» [141, с. 182].

ства теплокровных животных. Однако наличие орудий, речи и письменности выделяет человека из числа прочих млекопитающих, а этнос – форма коллективного бытия, присущая лишь человеку.

Уровни и типы этнических систем

Принятый нами подход позволяет заменить этническую классификацию этнической систематикой. Классификация может быть проведена по любому произвольно взятому признаку: по языку, расе, религии, роду занятий, принадлежности к тому или иному государству. В любом случае это будет весьма условное деление. Систематика же отражает именно то, что заложено в природе вещей, позволяет исследовать человечество с техникой и доместикатами (ручными животными и культурными растениями). Крупнейшей единицей после человечества в целом (как аморфной антропосферы – одной из оболочек Земли) является суперэтнос, т. е. группа этносов, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность, состоящая из этносов. Именно они являются этническими таксонами, наблюдаемыми непосредственно. Этноты, в свою очередь, делятся на субэтносы, т. е. подразделения, существующие лишь благодаря тому, что они входят в единство этноса. Без этноса они рассыпаются и гибнут.

Принадлежность к тому или иному разделу таксономии определяется не абсолютной идентичностью особей, чего в природе никогда не бывает, а степенью сходства в определенном аспекте на заданном уровне. На уровне суперэтноса (для примера возьмем Средневековье) мусульмане – араб, перс, туркмен, бербер – были ближе друг к другу, чем к членам западнохристианского этноса – «франкам», как называли всех католиков Западной Европы. А француз, кастилец, шотландец, входившие в общий суперэтнос, были ближе между собой, чем к членам других суперэтносов – мусульманского, православного и т. д. На уровне этноса французы были между собой ближе, чем по отношению к англичанам. Это не мешало бургундцам поддерживать Генриха V и брать в плен Жанну д'Арк, хотя они понимали, что идут против своих. Но ни в коем случае не следует сводить все многообразие видимой истории к осознанию этнического единства, которое лишь *иногда* является главным фактором, определяющим поведение человека. Зато ощущение этнической близости присутствует *всегда* и может быть отнесено к природе человека как инвариант. Иными словами, как бы ни был этнос мозаичен и как бы разнообразна ни была его структура, на заданном уровне он – целостность.

И самое интересное, что историки практически уже нащупали возможность такого подхода. Невольно они группируют этноты в конструкции, которые называют либо «культурами», либо «цивилизациями», либо «мирами». Например, для XII–XIII вв. мы находим смысл в таких понятиях, которые в то время обозначали реально существующие целостности. Так, Западная Европа, находившаяся под идеологическим главенством римского папы и формальным, никогда не осуществлявшимся на деле, суверенитетом германского императора, называла себя «Христианский мир». При этом западноевропейцы противопоставляли себя не только мусульманам, с которыми они воевали в Испании и Палестине, но и православным грекам и русским, а также, что удивительно, ирландским и уэльским кельтам. Совершенно очевидно, что они подразумевали не религиозную общность, а системную целостность, которая получила название по произвольно взятому индикатору.

Равным образом «Мир ислама» противопоставлял себя и грекам, и французам, и языческим тюркам, но с точки зрения религии не был единым. Учения шиитов (теистов), карматов (атеистов) и суфиев (пантеистов) весьма мало походили друг на друга и на ортодоксальную доктрину ислама – суннизм. Но ведь и христиане-европейцы отнюдь не дружили между собою. Однако, сталкиваясь с мусульманами или язычниками, они сразу находили

общий язык и пути для компромисса. Это означало, что, например, венецианец мог драться с генуэзцем, но лишь до тех пор, пока не появлялись арабы или берберы-мусульмане. Тогда бывшие враги бросались на общего противника.

Из истории известно, что часто жестокие войны ведутся между близкими родственниками. Вместе с тем они имеют коренное различие с войнами на уровне больших систем. В последнем случае противник рассматривается как нечто инородное, мешающее и подлежащее устранению. Но личные эмоции – гнев, ненависть, зависть и т. п. не становятся мотивом проявляемой жесткости. Чем дальше отстоят системы друг от друга, тем хладнокровнее ведется взаимоистребление, превращаясь в подобие опасной охоты. А разве можно гневаться на тигра или крокодила? И наоборот, борьба внутри системы имеет целью не истребление противника, а победу над ним. Поскольку противник также составляет часть системы, то без него система не может существовать. Так, вождь флорентийских гибеллинов Фарината дельи Уберти помог врагам своей родины одержать победу, но не допустил уничтожения Флоренции. Он заявил: «Я сражался с этим городом для того, чтобы жить в нем». И он жил там до смерти, после того как Арбия побагровела от крови его противников – флорентийских гвельфов.

Но это было бы еще ничего! Куда круче обошлись венецианцы с братом знаменитого гибеллина Эццелино да Романа, Альберриго. Когда в 1260 г. он сдал им свой замок около Тревизо, шесть его сыновей были умерщвлены на его глазах, затем он сам был обезглавлен, а его жена и две дочери сожжены заживо на площади Тревизо. Ради чего творили такие бессмысленные жестокости?

Для понимания этой ситуации следует усвоить, что «гвельфы и гибеллины – алгебраические знаки, за которыми может скрываться любой смысл» [113, т. 1, с. 233]. Считается, что гибеллины были феодалами, а гвельфы – бюргерами, но пополаны ряда городов бывали на стороне гибеллинов, некоторые гвельфы становились гибеллинами, и наоборот, а бывало, что обе партии действовали совместно против арабов или греков. Такие крупные городские республики, как Генуя или Венеция, неоднократно переходили из одного лагеря в другой, руководствуясь только политическими расчетами [193]. Так из-за чего же лилась кровь?

Способ поддержания целостности системы зависит от эпохи, точнее – от фазы этногенеза. В молодых системах элементы контактируют, весьма напряженно, можно сказать страстно, что и вызывает столкновения. Часто кровавые распри не несут ни идейного, ни классового смысла, происходя в пределах одного социального слоя, например Война Алой и Белой розы в Англии, арманьяков и бургундцев во Франции. Но эти усобицы поддерживают целостность этнической системы и государства лучше, нежели при апатии населения – хотя тогда жить легко, этносы распадаются и исчезают как целостности.

Часто этнические системы, как мы уже упоминали, не эквивалентны государственным образованиям: один этнос может жить в разных государствах или несколько – в одном. Так в каком же смысле мы можем трактовать их как системы?

Принято деление на два идеальных типа систем: жесткие и корпускулярные, или дискретные. В жестких системах все части (элементы) подогнаны друг к другу так, что для нормального функционирования необходимо их одновременное существование. В корпускулярных системах элементы взаимодействуют свободно, легко заменяются на аналогичные, причем система не перестает действовать, и возможна даже утрата части элементов с последующим восстановлением. Если же таковое не воспоследует, то идет упрощение системы, имеющее в лимите ее уничтожение.

Возможно и другое деление систем: на открытые, получающие энергию постоянно и обменивающиеся со средой положительной и отрицательной энтропией, и замкнутые, только тратящие первоначальный заряд до уравнивания своего потенциала с потенциалом среды. При сопоставлении обеих характеристик возможны четыре варианта систем: 1) жест-

кая открытая; 2) жесткая замкнутая; 3) корпускулярная открытая; 4) корпускулярная замкнутая. Деление это условно, так как любая действующая система совмещает черты обоих типов, но, поскольку она находится ближе к тому или другому полюсу, такое деление практически оправданно, ибо позволяет классифицировать системы по степени соподчиненности элементов.

При изучении истории, как государственной, так и этнической, мы встречаем любые градации систем описанных типов, за исключением крайних, т. е. только жестких или только дискретных, ибо те и другие нежизнеспособны. Жесткие системы не могут при поломках самовосстанавливаться, а дискретные лишены способности к сопротивлению ударам извне. Поэтому на практике мы встречаем системы с разной степенью жесткости, причем она тем больше, чем больше в нее привнесено трудом человека, и тем меньше, чем создание системы инициировано процессами природы, постоянно преобразующей составляющие ее элементы. В пределе это – противопоставление техносферы и биосферы.

Но где граница биосферы и техносферы, если сам человеческий организм – часть природы? Очевидно, рубеж социо(техно) сферы и биосферы проходит не только за пределами человеческих тел, но и внутри их. Однако от этого различие не пропадает. Наоборот, мы здесь нащупали реальный момент взаимодействия социального с биологическим. Это самостоятельное явление природы, всем хорошо известное, – этнос.

В идеале этнос – система корпускулярная, но для того чтобы не быть уничтоженными соседями, люди, его составляющие, устанавливают выработанные или заимствованные институты, являющиеся по отношению к этносу вспомогательными жесткими системами. Таковы, например, власть старших в роде, предводительство на охоте или на войне, обязательства по отношению к семье и, наконец, образование государства. Таким образом, жесткие системы – это социально-политические образования: государства, племенные союзы, кланы, дружины и т. п. Совпадение систем обоих типов, т. е. этноса и государства или племенного союза, необязательно, хотя и кажется естественным. Вспомним великие империи древности, объединявшие разнообразные этносы или средневековую феодальную раздробленность этносов. Видимо, причудливость сочетания столь же естественна, как и совпадения. Системы обоих типов динамичны, т. е. возникают и пропадают в историческом времени. Кажущееся исключение представляют гомеостатические этнические системы, изменение которых связано только с внешними воздействиями. Но нельзя забывать, что гомеостаз возникает лишь после напряженного развития, когда силы, создавшие и двигавшие систему, иссякли. Поэтому статистику следует воспринимать как замедленное инерционное движение, имеющее в лимите, практически недостижимом, нуль.

8. Субэтноты

Структура этноса

Структура этноса всегда более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века смятений, смут и мирного увядания. Принцип этнической структуры можно назвать иерархической соподчиненностью субэтнических групп, понимая под последними таксономические единицы, находящиеся внутри этноса как зримого целого и не нарушающие его единства. На первый взгляд, сформулированный тезис противоречит нашему положению о существовании этноса как элементарной целостности, но вспомним, что даже молекула вещества состоит из атомов, а атом – из элементарных частиц, что не снимает утверждения о целостности на том

или ином уровне: молекулярном, или атомном, или даже субатомном. Все дело в характере структурных связей. Поясним это на примере.

Карел из Тверской губернии в своей деревне называл себя карелом, а приехав учиться в Москву – русским, потому что в деревне противопоставление карелов русским имело значение, а в городе не имело, так как различия в быту и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Но если это был не карел, а татарин, то он продолжал называть себя татарин, ибо религиозное значение усугубляло этнографическое несходство с русскими и было не столь мало, чтобы искренне объявить себя русским. Татарин, попавший в Западную Европу или Китай, считался бы там русским и сам был бы с этим согласен, а в Новой Гвинее он воспринимался бы как европеец, только не из «племени» англичан или голландцев. Этот пример очень важен для этнической диагностики и тем самым для демографической статистики и этнографических карт. Ведь при составлении последних обязательно нужно условиться о порядке и степени приближения, иначе будет невозможно отличить субэтноты, существующие как элементы структуры этноса, от действующих этносов.

Теперь остановимся на соподчиненности этносов. Например, французы – яркий пример монолитного этноса – включают в себя, как уже говорилось, бретонских кельтов, гасконцев баскского происхождения, лотарингцев – потомков алеманнов и провансальцев – самостоятельный народ романской группы. В середине IX в., когда впервые было документально зафиксировано этническое название «французы», все перечисленные народы, а также другие – бургунды, норманны, аквитанцы, савояры – еще не составляли единого этноса и только после тысячелетнего процесса этногенеза образовали этнос, который мы называем французами. Процесс слияния не вызвал, однако, нивелировки локальных обычаев, обрядов и т. п. Они сохранялись как местные провинциальные особенности, не нарушающие этнической целостности французов.

Во Франции мы особенно отчетливо наблюдаем результаты этнической интеграции, ибо ход событий эпохи Реформации привел к тому, что французы-гугеноты вынуждены были в XVII в. покинуть родину. Спасая жизнь, они потеряли прежнюю этническую принадлежность и стали немецкими дворянами, голландскими бюргерами и в большом числе бурами, колонизовавшими Южную Африку. Французский этнос избавился от них как от лишнего элемента структуры, и без того разнообразной. Однако как социально-политическая целостность Франция не ослабела, а, наоборот, усилилась. Покинутые ревностными гугенотами поля и сады перешли к индифферентным людям, восстановившим в XVIII в. хозяйство, более не страдавшее от внутренних войн. Возникшая этническая монолитность позволила Наполеону провести мобилизацию населения и создать самую многочисленную и послушную армию, после поражения которой Франция не распалась, несмотря на все пережитки провинциального сепаратизма.

Саморегуляция этноса

Может показаться странным то, что мы приписываем этносу способность к саморегуляции. Однако этнос в историческом развитии динамичен и, следовательно, как любой долгоидущий процесс, реализуется с наименьшими затратами энергии, чтобы поддержать свое существование. Прочие отсекаются отбором и затухают. Все живые системы сопротивляются уничтожению, т. е. они антиэнтропийны и приспособляются к внешним условиям, насколько это возможно. А коль скоро некоторая сложность структуры повышает сопротивляемость этноса внешним ударам, то неудивительно, что там, где этнос при рождении не был достаточно мозаичен, как, например, в Великороссии XIV–XV вв., он стал сам выде-

лять субэтнические образования, иногда оформлявшиеся в виде сословий¹⁴. На южной окраине выделились казаки, на северной – поморы. Впоследствии к ним прибавились землепроходцы (на первый взгляд просто представители определенного рода занятий) и следовавшие за ними крестьяне, которые перемешались с аборигенами Сибири и образовали субэтнос сибиряков, или «чалдонов». Раскол церкви повлек за собой появление еще одной субэтнической группы – старообрядцев, этнографически отличавшихся от основной массы русских. В ходе истории эти субэтнические группы растворились в основной массе этноса, но в то же время выделились новые.

Например, во второй половине XVIII в. часть богатого дворянства начала нанимать гувернеров-французов для своих детей. После 1789 г. приток французов в Россию увеличился, и вместе с языком, манерами, вкусами распространились французские воззрения, что создало новый стереотип поведения на субэтническом уровне. Эмигранты поддерживали русских во время войны с Наполеоном. А в дальнейшем традиция обучения европейской культуре создалась как инерция, ибо основная струя жизни, т. е. этногенеза, вернулась в прежнее русло. Потомки европеизированных «Онегиных» кончили дни в чеховских «вишневых садах», уступив место в жизни другим субэтносам.

Различать субэтносы очень легко, так как этнография конца XIX в. работала именно на этом уровне. Этнографы изучали бытовой обряд, т. е. фиксированный стереотип поведения у тех групп населения, которые резко отличались от столичных, например быт олонецких крестьян, но игнорировали жизнь профессоров Петербурга. А зря, потому что для нашего времени такое описание было бы очень полезно и интересно, а теперь приходится читать А. П. Чехова, да еще с поправкой на его субъективизм.

Короче говоря, субэтносы наблюдаемы непосредственно, ибо, с одной стороны, они находятся внутри этноса, а с другой – носители субэтнических стереотипов поведения отличаются от всех прочих манерами, обхождением, способом выражать чувства и т. п. Возникают субэтносы вследствие разных исторических обстоятельств, иногда совпадают с сословиями, но никогда с классами, и сравнительно безболезненно рассасываются, заменяясь другими, внешне непохожими, но с теми же функциями и судьбами. Назначение этих субэтнических образований – поддерживать этническое единство путем внутреннего неантагонистического соперничества. Очевидно, эта сложность – органическая деталь механизма этнической системы и как таковая возникает в самом процессе этногенеза. При упрощении этнической системы число субэтносов сокращается до одного, это знаменует персистентное (пережиточное) состояние этноса. Но каков механизм возникновения субэтносов? Чтобы ответить, необходимо опуститься на порядок ниже, где находятся таксономические единицы, разделенные на два разряда: консорции и конвиксии. В эти разряды помещаются мелкие племена, кланы, уже упоминавшиеся корпорации, локальные группы и прочие объединения людей всех эпох.

Консорции и конвиксии

Условимся о терминах. Консорциями мы называем группы людей, объединенных одной исторической судьбой. В этот разряд входят «кружки», артели, секты, банды и тому подобные нестойкие объединения. Чаще всего они распадаются, но иногда сохраняются на срок в несколько поколений. Тогда они становятся конвиксиями, т. е. группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями. Конвиксии малорезистентны. Их разъедает экзогамия и перетасовывает сукцессия, т. е. резкое изменение исторического окружения. Уцелевшие конвиксии вырастают в субэтносы. Таковы упомянутые выше землепроходцы

¹⁴ Говоря так про природный процесс, мы не допускаем антропоморфизма, а просто применяем привычный оборот по типу «ручей проложил себе русло и образовал излучину».

– консорции отчаянных путешественников, породивших поколение стойких сибиряков, и старообрядцы. Первые колонии в Америке создавали консорции англичан, превратившиеся в конвиксии. Новую Англию основали пуритане, Массачусетс – баптисты, Пенсильванию – квакеры, Мэриленд – католики, Виргинию – роялисты, Джорджию – сторонники Ганноверского дома. Из Англии уезжала консорция, не мирившаяся либо с Кромвелем, либо со Стюартами, а на новой почве, где бывшие споры были неактуальны, они стали конвиксиями, противопоставлявшими себя новым соседям – индейцам и французам.

Землепроходцы и старообрядцы остались в составе своего этноса, но потомки испанских конкистадоров и английских пуритан образовали в Америке особые этносы, так что именно этот уровень можно считать лимитом этнической дивергенции. И следует отметить, что самые древние племена некогда, очевидно, образовались тем же способом. Первоначальная консорция энергичных людей в условиях изоляции превращается в этнос, который для ранних эпох мы именуем «племя».

На таксономическом уровне консорции заканчивается этнология, но принцип иерархической соподчиненности в случае нужды может действовать и дальше. На порядок ниже мы обнаружим одного человека, связанного с окружением. Это может быть полезно для биографии великих людей. Спустившись еще на порядок, мы встретимся не с полной биографией человека, а с одним эпизодом его жизни, например с совершенным преступлением, которое должно быть раскрыто. А еще ниже – случайная эмоция, не влекущая за собой крупных последствий. Но мы должны помнить, что это бесконечное дробление, лежащее в природе вещей, не снимает необходимости находить целостности на заданном уровне, существенном для решения поставленной задачи.

9. Суперэтносы

Реальность суперэтноса – «франки»

Суперэтносом мы называем группу этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением, что отнюдь не исключает военных столкновений между ними. Однако в отличие от столкновений на суперэтническом уровне, когда войны приводят к истреблению или порабощению (например, контакт европейцев с аборигенами Америки в XVI–XIX вв.), войны внутри суперэтноса ведут лишь к достижению временного преобладания (например, гвельфы и гибеллины в средневековой Европе или усобицы древнерусских князей) при стремлении к компромиссу. Подобно этносу, суперэтнос в лице своих представителей противопоставляет себя всем прочим суперэтносам, но в отличие от этноса суперэтнос не способен к дивергенции. Суперэтнос определяется не размером, не мощностью, а *исключительно* степенью межэтнической близости. Я прошу временно принять этот тезис без доказательств, обещая такое в конце книги.

На первый взгляд это кажется странным, ибо непонятно, откуда же появляются суперэтносы? Очевидно, характер их возникновения иной, нежели у этносов и тем более субэтнических целостностей. Но если так, то необходимо предположить, что загадка происхождения этносов потому и не была решена, что ее решение лежит на порядок выше и, следовательно, зримый и ощущаемый нами феномен этноса, того или другого, – всего лишь вариант суперэтноса, в который он входит как элемент мозаичной системной целостности, подобно тому, как колонна или кариатида входит в целостность дворца, хотя кариатиду можно рассмотреть, стоя с нею рядом, а дворец целиком обозрим только с большого расстояния. Однако без одной кариатиды дворец продолжает функционировать, а статуя при этом превращается

в лучшем случае в музейный экспонат, а в худшем – в строительный мусор. Поясним это на примерах из истории.

Суперэтническое единство реально не менее субэтнического. Французский этнос уже в начале Средневековья входит в целостность, называвшуюся *Chretiené* и включавшую в себя католические страны Европы, часть населения которых была арианской (бургунды) или языческой (фризы). Но такие детали в то время никого не волновали. Объединенную Каролингами территорию населяли две большие этнические группы: германоязычные тевтоны (*teutskes*) и латиноязычные волохи (*welskes*). При внуках Карла Великого эти этносы заставили своих государей разорвать железный обруч империи и в битве при Фонтене в 841 г. достигли своей цели: Карл Лысый и Людвиг Немецкий в 842 г. в Страсбурге поклялись отстаивать разделение империи по нациям.

Но это было дробление в первом приближении. От королевства западных франков отделились Бретань, Аквитания и Прованс, а крошечная Франция располагалась между Маасом и Луарой. Эта «территориальная революция» [201, с. 244–247] закончилась тем, что законная тевтонская династия Каролингов была свергнута в самом Париже, где в 895 г. воцарился граф Эд, сын Роберта Анжуйского. Сто лет боролись Каролинги против распада своей страны, но этносы, возникшие на базе широкого спектра смещений, упорно отказывали им в покорности. Вследствие «феодальной революции», закончившейся в X в., Западная Европа распалась политически, но продолжала выступать как суперэтническая целостность, противопоставлявшая себя мусульманам – арабам, православным – грекам и ирландцам, а также язычникам – славянам и норманнам. Впоследствии она расширилась, поглотив путем обращения в католичество англосаксов, потом западных славян, скандинавов и венгров. Этническая мозаичность не препятствовала развитию суперэтнуса.

Зарождение суперэтнуса – Византия

Второй пример. В Средиземноморье в древности существовала единая эллинистическая культура, в процессе развития включившая в себя Лациум и финикийские города. В этническом аспекте она напоминает западноевропейскую, потому что основное эллинское ядро не исчерпывает всех вариантов разносторонней эллинистической культуры. Конечно, Рим, Карфаген, Пелла имели свои локальные особенности и представляли собой самостоятельные этносы, но в суперэтническом смысле входили в широкий круг эллинистической культуры. Впрочем, это не ново, но для нас важно как отправная точка. Римское господство способствовало этнической нивелировке, а уравнивание в правах греческого языка с латинским привело к тому, что почти все население Средиземноморья слилось в один этнос.

Но в I в. н. э. в Римской империи появились новые, не похожие ни на кого из соседей люди, образовавшие в последующие два века новую целостность. Уже в начале своего появления они противопоставили себя «языцам», т. е. всем остальным, и действительно выделились из их числа, конечно, не по анатомическим или физиологическим признакам, но по характеру поведения. Они иначе относились друг к другу, иначе мыслили и ставили себе в жизни цели, казавшиеся их современникам бессмысленными: они стремились к загробному блаженству. Эллинистическому миру был чужд аскетизм, новые люди создали Фивиду; греки и сирийцы проводили вечера в театрах и любовались «пляской осы» (древний стриптиз), а эти собирались для бесед и тихо расходились по домам; своих богов эллины и римляне уже несколько веков считали литературными образами, сохранив их культ как государственную традицию, а в быту руководствовались многочисленными приметами; новые проповедники и неопиты с полной уверенностью считали реальностью инобытие и готовились к потусторонней жизни. Относясь лояльно к римскому правительству, они отказывались признавать его божественную природу и не поклонялись статуям императоров, хотя это

часто стоило им жизни. Нюансы их поведения не ломали структуру общества, но из этнической целостности новые люди вызывали жгучую ненависть городских низов, требовавших их уничтожения, исходя из принципа отрицания права на несходство.

Считать, что причиной возникшей неприязни была разница в убеждениях – неправильно, ибо у необразованных язычников в это время никаких стойких и четких убеждений не было, а у людей нового склада они были многообразны. Но почему-то с Митрой, Исидой, Кибелой, Гелиосом эллины и римляне не ссорились, делая исключение только для Христа. Очевидно, вынести за скобки следует не идеологический или политический признак, а этнологический, т. е. поведенческий, который для эллинистической культуры был действительно новым и непривычным.

Как известно, новая целостность победила, несмотря на огромные потери. Исчезли гностики, рассеялись по миру манихеи, замкнулись в узкую общину маркиониты (впоследствии – павликиане). Только христианская церковь оказалась жизнеспособной и породила целостность, не имевшую самоназвания. Условно мы будем называть ее византийской или ортодоксально христианской. На базе раннехристианской общины, разросшейся в V в. до пределов всей Римской империи и ряда соседних стран, возник этнос, называвший себя старым словом «ромеи». С V по X в. в православие были обращены болгары, сербы, венгры, чехи, русские и аланы, и тогда создалась суперэтническая культурная целостность православного мира, сломленная в XIII в. «франками»¹⁵, «турками» и монголами. В XIV в. православная традиция воскресла в связи с возникновением великорусского народа.

Но считать Московскую Русь культурной периферией Византии нельзя, ибо местные традиции сделали из Руси самостоятельную целостность. И ведь вот что важно: течения, отколовшиеся от Вселенской церкви в V в., – несториане и монофизиты, несмотря на то что их проклинали на Вселенских соборах, продолжали ощущать свою обобщенность с православными, а простой церковный раскол 1054 г., когда спорящие стороны объявили противников еретиками, оформил уже происшедший разлом единой суперэтнической целостности: католичество стало новой структурой системы «христианского мира». Ареал «католической» Европы отличался от «византийского» характером поведения населявших его людей. В Западной Европе возникли средневековые *Nationes*, из коих выросли современные нации, рыцарство, городские коммуны и все то, что отличает европейский от прочих суперэтносов мира.

Но и после раскола 1054 г. догмат христианства остался прежним, значит, дело не в нем, и история религии лишь отражает, как чуткий индикатор, глубинные процессы как социальной, так и этнической истории.

Надлом суперэтнуса – арабы VII–X вв.

Арабы – народ настолько древний, что к началу нашей эры былое ощущение этнического единства утратилось. Наиболее образованные арабы жили либо в византийской Сирии, либо в иранском Ираке, участвуя в политической и культурной жизни этих империй.

О происхождении древних арабов свидетельствуют только легенды в Книге Бытия, а исторически зафиксировано, что в течение почти тысячелетия в Аравии жили разрозненные племена бедуинов и садоводов, попутно занимавшиеся торговлей и не имевшие даже общего самоназвания. Их быт и родоплеменной строй преимущественно определялись натуральным хозяйством и, следовательно, ландшафтом населяемой ими страны. Никаких тенденций к объединению не возникало, боеспособность арабов была на самом низком уровне, и поэтому до VII в. Аравия была полем соперничества трех соседних стран: Римской империи,

¹⁵ «Франками» в XIII в. на Ближнем Востоке называли всех западноевропейцев.

парфяно-сасанидского Ирана и Абиссинии (Аскум). В самой Аравии наиболее активными были иудейские общины Хиджаса и Йемена.

В VI в. н. э. во всей Аравии наблюдается внезапный подъем поэзии, что следует рассматривать как модус активизации. Надо ли доказывать, что без порыва страсти сочинить хорошие стихи невозможно? В VII в. выступил Мухаммед с проповедью строгого единобожия и, образовав вокруг себя небольшую группу фанатичных, волевых, безумно храбрых последователей, первым делом уничтожил поэтов как своих конкурентов. Члены мусульманской общины порывали былые родовые связи, образуя новый, особый коллектив, который, так же как и византийский, имел конфессиональную доминанту и этногенетическую природу, ибо Мухаммед объявил, что мусульманин не может быть рабом, и принял в свою общину тех рабов, которые произнесли формулу ислама. Пропаганде новой веры также предшествовал инкубационный период накопления этнической энергии.

Создавшаяся консорция превратилась в субэтнос еще при жизни Мухаммеда и Абу-Бекра. Разросшись от нескольких десятков человек до нескольких десятков тысяч, мусульманский субэтнос завоевал всю Аравию и навязал арабам догму единобожия. Индифферентные мекканские купцы и бедуины пустынь предпочли смерти или рабству лицемерное обращение в ислам. Так создавался новый этнос с измененным стереотипом поведения, но с самоназванием – «арабы».

Используя силы покоренных и внешне обращенных в ислам, второй халиф, Омар, покорил Сирию, Египет и Персию, но уже при третьем халифе, Османе, псевдообращенные проникли на высшие должности в новом государстве и использовали религиозный порыв первоначального коллектива в целях личного обогащения. Ревнители веры убили Османа, но это вызвало взрыв негодования среди тех, кто не был фанатиком, и возникла междоусобная борьба между другом пророка – Али и сыном его врага – Моавией, в которой «псевдомусульмане» одержали победу. Однако они не изменили политики и официальной идеологии и продолжили завоевания под лозунгами ислама. Держава потомков Моавии, Омейядов, вобрала в себя не только арабские, но и сирийские, иранские, согдийские, испанские, африканские, кавказские и многие другие элементы, распространившись от Атлантического океана до Инда.

Арабы навязали разноэтничному населению Халифата свой язык и свою духовную культуру (ислам). Большинство покоренных народов стало арабоязычным, а там, где удержался свой язык, например в Персии, больше половины слов литературного языка – арабские.

Но уже в X в. халифат распался на отдельные области, совпадавшие с племенными ареалами. Идрисидов (789–926), Рустамидов (777–909) и Зиридов (972–1152) поддерживали берберы. Бундов (932–1062) – гилянские и дейлемские горцы, Саманидов (819–999) – таджики и т. д. Даже сами арабы разделились. Испанские арабы подняли зеленое знамя Аббасидов, египетские – белое знамя Фатимидов, а бахрейнские племена бедуинов создали сначала общину, а потом государство карматов, и все они фактически обособились в отдельные этносы, враждебные друг к другу.

Короче, с Халифатом в IX–X вв. произошло то же, что случилось с империей Карла Великого: живые силы этносов разорвали железный обруч империи как христианской, так и мусульманской, подобно тому, как трава взламывает асфальт. Но политическое разделение ни там, ни тут не нарушило суперэтнического единства, отразившегося в известном сходстве некоторых элементов культуры и литературного языка – арабского и латинского. Мусульманский суперэтнос оказался гораздо жизнеспособнее, нежели породивший его арабский этнос. Уже в XI–XII вв. идею Халифата отстаивали туркмены-сельджуки, а в XIII в. – купленные на невольничьих базарах и зачисленные в армию куманы (половцы) и суданские негры. Инерция системы, созданной сподвижниками Мухаммеда, оказалась грандиозной.

Теперь поставим вопрос: можно ли считать религиозную концепцию доминантой описанного процесса? Как внешнее проявление – несомненно. Но внутренне, по содержанию, дело обстоит сложнее. Карматство по своим философским концепциям отличается от ислама гораздо больше, чем христианство или даже иудаизм [27, с. 202–247], и тем не менее оно лежит в рамках не только суперэтнической конструкции – мусульманской культуры, но даже внутри собственно арабского этноса. Турецкие наемники и марокканские головорезы меньше всего думали о религии, и все же только они в XI в. своими саблями поддерживали суннитское правоверие. Вспомним, что Мухаммеду предшествовала плеяда арабских поэтов – язычников, христиан, иудеев, так что расцвет поэзии явился начальным звеном описанного процесса, равно как и развитие посреднической торговли, охота за неграми для продажи их в рабство и кондотьерство племенных вождей.

Однако доминантой всего процесса образования арабского этноса (а в суперэтническом смысле – всей мусульманской культуры) явился все-таки зачатый Мухаммедом ислам, для которого предшествовавшая эпоха расцвета арабской поэзии оказалась подходящей почвой. Ислам как символ стал объектом фанатического самоутверждения и способом введения единообразия. Обычное при бурном наступлении новой религиозной системы появление (в качестве своего рода неизбежных антитез) различных ересей и модификаций религиозно-идеологического содержания лишь стимулировало бурность протекания основного процесса. Далее, как в пределах собственно арабского этноса, так и суперэтнической культуры развилась многообразная интеллектуальная жизнь, приведшая к расцвету науки, искусства, своеобразных форм быта. Описанный процесс служит примером формирования суперэтноса, внешне характеризующегося религиозно-идеологической доминантой. Такие целостности давно известны науке: иногда их называют «культурными типами», иногда «цивилизациями».

К X в. энергия арабо-мусульманского этноса иссякла, несмотря на то что экономика расцвела, социальные отношения нормализовались, а философия, литература, география, медицина именно в эту эпоху дали максимальное количество шедевров. Арабы из воинов превратились в поэтов, ученых и дипломатов. Они создали блестящий стиль в архитектуре, построили города с базарами и школами, наладили ирригацию и вырастили прекрасные сады, обеспечивавшие пищей растущее население. Но защищать себя от врагов арабы разучились. Вместо эпохи завоеваний настала пора потерь.

Французские нормандцы отняли у мусульман Сицилию. Астурийские горцы захватили Центральную Испанию и превратили ее в «страну замков» – Кастилию. Византийцы вернули Сирию (кроме Дамаска). Грузины освободили Тифлис от арабского гарнизона. За спасением пришлось обращаться к туркменам, берберам и туарегам. Эти выручили. В XI в. Альморравиды отогнали испанцев на север, а сельджуки подчинили Армению и Малую Азию. Однако пришельцы защищали не этнос арабов¹⁶, которых они в грош не ставили, а суперэтнос – «мир Ислама», ибо сей последний стал для них этнокультурной доминантой. Среднеазиатские турки, суданские негры и дикие курды, входя в структуру распадающегося Халифата, усваивали принятые там нравы, обычаи, воззрения и т. п., становясь продолжателями дела общины, созданной Мухаммедом. Именно эти народы остановили натиск крестоносцев. При всем этом оставалась культура – произведения рук человеческих, не имеющие саморазвития и способные разрушаться. Но разрушение шло медленно, а очарование этой культуры охватывало все новые области в Африке, Индии, на Малайском архипелаге и в Китае. Там эта культура, на тысячу лет пережившая подъем этноса, ее породившего, существует и поныне.

¹⁶ Ныне арабами называют население Ближнего Востока, говорящее на арабском языке. Это неправильно. Большая часть населения Сирии, Ирана и Северной Африки – смесь древних этносов в зоне контакта. Потомки истинных арабов – бедуины Саудовской Аравии.

Эта культура, восприняв в X–XII вв. столь большое количество чуждых ей элементов, привнесенных и инкорпорированными этносами, изменила свой облик и породила новые формы, причудливые до чудовищности. Мусульмане, этнически чуждые арабам, становились шиитами, исмаилитами, суфиями или исповедниками учений, внешне правоверных, а по сути оригинальных и далеких от первоначального мироощущения сподвижников Мухаммеда и первых халифов. А так как в эту эпоху этнические разногласия облекались в конфессиональные формы, то, идя обратным ходом – от культуры к этногенезу, можно вскрыть и охарактеризовать этнические контакты любого суперэтноса, например Срединной Азии и Дальнего Востока. Этой сложной проблеме будет посвящен особый экскурс, когда автор с читателем овладеют еще несколькими приемами этнологической методики.

10. Алгоритм этногенеза

Этнические реликты

Этническая история может насчитать свыше 20 суперэтносов, исчезнувших в историческое время и заменившихся ныне существующими. Пока задача состоит в том, чтобы описать механизм исчезновения суперэтносов, а об их возникновении и распространении мы поговорим особо. Отметим как важную деталь, что часто на месте грандиозного суперэтноса, размытого историческими процессами, остаются островки, пережившие эпоху своего расцвета и упадка. Примерами подобных малых этносов могут служить баски, албанцы, ряд кавказских этносов и любопытный, очень устойчивый этнос ирокезов в Северной Америке. В отличие от большинства вымерших или ассимилировавшихся племен Северной и Центральной Америки ирокезы сохранили свою численность (20 тыс. человек), свой язык и свое противопоставление всем неирокезам. Правда, они изменили бытовой уклад и из воинов превратились в «музейные экспонаты».

Реликтовых этносов довольно много, причем часть из них вымирает, часть ассимилируется другими этносами, а часть, подобно ирокезам, сохраняет свое самосознание, более или менее стабильную численность и занимаемую ими территорию. Эти этносы мы называем персистентными, т. е. пережившими самих себя и находящимися в фазе гомеостаза. Этнография знает очень много этносов-изолятов, благодаря географическому положению не втянутых в общение с другими этносами или вовлеченных в него только за последние 100 лет. Таковыми были многие племена Канады до появления там меховых компаний; индейцы внутренней Бразилии до начала каучуковой лихорадки; австралийцы, пока там не появились европейцы; некоторые горцы Кавказа (даже после захвата Гуниба русскими войсками). Есть много других народов и племен с большей или меньшей степенью изолированности в Индии, Африке и даже в Европе. Но, что самое важное, изоляты возникают на глазах историка. Таковы исландцы, потомки викингов, заселявшие остров в IX в. и за 300 лет утеревшие воинский дух своих предков. Потомки норвежских, датских и шведских викингов и рабынь, захваченных в Ирландии, уже в IX в. составили небольшой, но самостоятельный этнос, хранящий некоторые традиции старины и брачующийся в пределах своего острова [195].

Отсутствие частого общения с иноплеменниками неизбежно ведет к стабилизации отношений внутри этноса. Возникает структура, которую мы называем «застойной», а в этносе происходит «упрощение системы». Поясню на наглядном примере. В Древнем Египте объединенные хамитские племена сложились в могучий этнос и создали разветвленную социальную систему. Там были фараон и советники, князья номов и воины, жрецы и писцы, торговцы, земледельцы и нищие батраки. Система усложнялась по мере возникновения столкновений с иноземцами. Завоевания в Нубии и Сирии производили профессио-

нальные воины, договоры с Вавилоном заключали опытные дипломаты, а каналы и дворцы строили специалисты – инженеры, обучавшиеся с детства. Разветвленная система пережила вторжение гиксосов и возродилась, как бы налитая обновленной мощью. Но с XI в. до н. э. пошел процесс упрощения, и сопротивляемость системы упала. С 950 г. до н. э. власть над Египтом попала в руки ливийцев. В 715 г. до н. э. господство перешло к эфиопам, которые проиграли войну с Ассирией, и азиаты оккупировали Египет, который сам уже перестал защищаться. Саисская династия освободила страну, но держалась на копьях ливийцев и эллинов. В 550 г. до н. э. пала и она, после чего в Египте последовательно господствовали персы, македоняне, римляне, арабы, берберы, мамлюки и турки. Из всех социальных групп уцелели к I в. н. э. только земледельцы-феллахи и небольшая кучка эллинизированных горожан-коптов, феллахи стали изолятом. Хотя вокруг них кипела активная историческая жизнь, им до нее не было дела. Они жили в обществе, этнически им чуждом, но оставались две тысячи лет сами собою. Это мы можем назвать этнической статикой или покоем. Это означает, что развитие замедлилось настолько, что оно может при описании не приниматься во внимание.

Статика и динамика

Условимся о терминах. «Статическими» или «персистентными» мы условно называем те народы, у которых жизненный цикл повторяется в каждом поколении без изменений. Это, конечно, не значит, что такие народы не испытывают внешних воздействий. Часто они даже гибнут при изменении окружающей среды, как, например, были уничтожены тасманийцы или выбиты арауканы в Патагонии. Иногда стабильные этнические группы, племена или народы уклоняются от заимствований у своих цивилизованных соседей, но чаще они легко перенимают то, что им подходит, не меняя при этом привычного ритма жизни. Например, алгонкинские племена еще в XVII в. приняли на вооружение мушкеты и научились стрелять не хуже французских и английских колонистов; патагонцы за одно поколение в XIX в. превратились из пеших охотников в конных; тунгусы освоили спички и железные печки, весьма удобные в чумах. Но этнический облик этих народов до XX в. оставался прежним. Французами и испанцами не стали ни алгонкины, ни арауканы.

У «динамических» народов всегда возникает проблема «отцов и детей». Молодое поколение не похоже на прежнее. Меняются идеалы, вкусы, обычаи, появляется категория «моды». Наряду с появлением нового идет забвение старого, и эти-то перемены именуются развитием культуры.

Динамические народы тоже не вечны. Они либо исчезают без следа, либо, по прошествии определенного цикла развития, превращаются в статические, которые, в свою очередь, после различных трансформаций становятся динамическими, но уже другими. Исчезновение бывает иногда связано с гибелью людей, составляющих этнос, а чаще – с раздроблением этнической общности, причем уцелевшие ассимилируются соседними этническими общностями, люди остаются, но этнос как системная целостность исчезает. Если же часть этноса сохраняется как реликт, то это и будет изолят.

Это примеры яркие, но ведь есть сколько угодно градаций традиционности, и если расположить все известные нам этносы по степени убывающей консервативности, то окажется, что «нулевого уровня», т. е. отсутствия традиции, не достиг ни один этнос, ибо тогда бы он просто перестал существовать, растворившись среди соседей. Это последнее хотя и наблюдается время от времени, никогда не бывает плодом целенаправленных усилий самого этнического коллектива. И тем не менее этносы гибнут, значит, существуют деструктивные факторы, благодаря которым это происходит. И поскольку нет этносов полностью изолированных от внешних воздействий, то следует полагать, что все этносы смертны. И самое

любопытное – этносы иногда предпочитают гибель неприемлемому для них существованию. Почему?

Пожалуй, именно это право на смерть отличает этнос, находящийся в фазе гомеостатического равновесия со средой, от популяции того или иного вида животных. Смерть этноса – это распад системной целостности, а не поголовное истребление всех особей, в нее входящих. Хотя история сохранила позорные страницы истребления отдельных индейских племен американцами и небольших этносов хуннов – китайцами, но гораздо чаще члены погибшего этноса входят в состав новых, соседних этносов. Поэтому этническая экстерминация – явление скорее социальное, чем биологическое.

Согласно диалектическому материализму смерть – необходимый момент и закономерный результат жизнедеятельности организма. «... *Отрицание* жизни, – писал Ф. Энгельс, – по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, – смертью» [143, т. 20, с. 610]. Этот универсальный закон диалектики действует и в процессах этногенеза.

Как человек может быть убит в любом возрасте, так и этногенетический процесс может быть оборван в любой фазе. Однако легче оборвать начинающийся этногенез, пока этнос не набрал силу, и завершающийся, когда эта сила уже растрочена. При этом уровень техники и культуры большого значения не имеет, равно как и численность населения. Ирокезы в XV в. создали оригинальную, развивающуюся форму общежития – союз пяти племен, своего рода республику. Нахуа дали начало ацтекам, а государство Монтесумы вряд ли можно считать не развивавшимся с XIV по XVI в. (точнее – с 1325 г., когда был основан Теночтитлан, по 1521 г., когда он был взят Кортесом). Приведенные примеры – примеры процессов этногенеза, оборванных ударами извне в начале своего развития.

Еще нагляднее пример древних евреев. В XV в. до н. э. бродячие племена хабиру вторглись в Палестину и захватили участок территории у Иордана. По уровню техники, методам ведения хозяйства, военным приемам они не отличались от прочих семитских племен Сирии и Аравии и уступали народам Египта и Вавилонии. Но это был народ, интенсивно развивавшийся в этническом плане, и он пережил всех соседей, пока не погиб как этническая общность¹⁷ под короткими мечами римской пехоты. Однако эта гибель совпала, и очевидно не случайно, с этнической дивергенцией самого еврейского народа, когда фарисеи, саддукеи и ессеи перестали ощущать свою общность и начали видеть друг в друге либо отступников и изменников (отношение фарисеев и ессеев к саддукеям), либо дикарей (отношение саддукеев к ессеям, народным массам), либо оторвавшуюся от народа жреческую касту (отношение саддукеев и ессеев к фарисеям). А ведь в отношении уровня культуры евреи в I в. не уступали ни римлянам, ни грекам.

На основании приведенных примеров можно было бы подумать, что именно варварство таит в себе силы, которые при развитии культуры иссякают. Но и эта точка зрения не находит подтверждений в истории. Европейские народы завоевали Африку и Юго-Восточную Азию в XIX в. и создали систему колониальных империй, охватившую в начале XX в. почти всю поверхность суши. В некоторых случаях это можно объяснить превосходством в военной технике, но не всегда. Например, в Индии сипаи были вооружены английским оружием и тем не менее были разбиты англичанами, уступавшими им в численности. Турецкая армия в XVII–XVIII вв. не уступала по качеству оружия русской и австрийской, однако Евгений Савойский и Суворов оказались победителями, несмотря на малочисленность армий и удаленность от баз снабжения. Французы покорили Алжир и Аннам не столько за счет лучших пушек, сколько за счет прославленной храбрости зуавов, применившихся к малой

¹⁷ Спасались дезертиры, нашедшие убежище в Парфии и на Рейнской границе Римской империи.

(антипартизанской) войне. И наоборот, итальянцы, располагавшие самым совершенным оружием, проиграли в 1896 г. войну с негусом Менеликом, воины которого были вооружены копьями и кремневыми ружьями, а по древности своей культуры не уступали уроженцам Италии. Вот оно как!

Все перечисленные завоевания были неотделимы от этногенетического процесса Западной Европы, вследствие которого оказалось возможным создание наций и колониальных империй, начавшееся еще при феодализме. Но расширение ареалов европейских этносов закончилось в XX в., и стало ясно, что в истории не только всего мира, но даже самой Западной Европы оно было эпизодом важным, кровавым, героическим и противоречивым, но только эпизодом, а не вершиной эволюции. Крушение колониальных империй, свидетелями которого мы являемся, показывает, что процесс этногенеза прошел фазу расцвета и история приняла прежнее направление – Европа опять вошла в свои географические границы. Следовательно, дело не в уровне техники или культуры, и модель этнического развития следует строить на иных принципах. «Ни один народ, ни одна раса не остаются неизменными. Они непрерывно смешиваются с другими народами и расами и постоянно изменяются. Они могут казаться почти умирающими, а затем вновь воскреснуть как новый народ или как разновидность старого» [155, с. 53].

Однако остается неясным, почему этносы-изоляты теряют способность к сопротивлению враждебному окружению. Согласно концепции А. Тойнби об «ответе» на «вызов», они должны были бы на вызов врага давать мощный ответ, а они либо сдаются, либо разбегаются. Видимо, переход к гомеостазу, позволяющему этносу существовать в изоляции, связан с утратой некоего признака, стимулировавшего резистентность этноса на ранних фазах. Тверды они только в одном – чужих в свою среду не допускают.

Инкорпорация

Замеченная и описанная особенность этнического феномена объясняет затруднения, постоянно возникающие при инкорпорации иноплеменников. Для того чтобы войти в чужой этнос, недостаточно собственного желания и даже простого согласия принимающего коллектива. Можно прекрасно устроиться в чужой среде и все-таки не стать своим. Если, допустим, шотландец получит гражданство Перу, то перуанцем он не станет, хотя перуанцы – сложносоставной этнос, появившийся относительно недавно – в начале XIX в. Но зато студенты-маори легко натурализуются в английских университетах. Объяснение – в отмеченном нами стереотипе поведения.

Шотландец не проходил обряда инициации, как потомки инков, не ходил еженедельно к обедне, как потомки конкистадоров; его понятия о хорошем и плохом, благородном и низком, красивом и безобразном не те, что у перуанцев, и если доброй воли пришельца достаточно, чтобы стать гражданином другой страны, то этой воли мало для того, чтобы сменить этнос. А маори уже 100 лет живут рядом с англичанами и с детства знают, как надо поступать по-английски. Школа, совместные игры, деловые отношения влияют даже больше, чем смешанные браки. В Новой Зеландии еще имеет смысл противопоставление маори англичанам, но в Кембридже существенное значение приобретает противопоставление жителей Новой Зеландии обитателям «доброй старой Англии».

Куда более затруднено вхождение в этносы малые и живущие натуральным хозяйством, хотя и тут бывают исключения: например, этнограф Морган был признан своим ирокезами, французский путешественник и скупщик мехов Этьен Брюле – гурунами. Примеров много, но справедливость требует отметить, что Морган оставался еще и американским ученым, а Брюле, деятельность которого протекала в 1609–1633 гг., был убит вождями племени за то, что настраивал молодежь против старых обычаев. Больше того, В. Г. Богораз описы-

вает «русского чукчу» – мальчика-сиротку, воспитанного чукчами и не знавшего русского языка. Чукчи упорно считали его русским, и того же мнения держался он сам.

Итак, инкорпорация, в практических целях применявшаяся с времен незапамятных, всегда наталкивалась на сопротивление фактора, лежащего за пределами сознания и самосознания, в области ощущений, которые, как известно, отражают явления природы, не всегда правильно интерпретируемые аппаратом сознания. Как бы ни сложна была проблема, теперь можно сделать заключение: этнический феномен материален, он существует вне и помимо нашего сознания, хотя и локализуется в деятельности нашей сомы и высшей нервной деятельности. Он проявляется в оттенках характера, деятельности людей и относится к этнопсихологии. Последнюю не следует смешивать с социальной психологией, стремящейся «объяснить то, что делают люди, путем исследования... пяти функциональных единиц: действие, значение, роль личности и группа» [213, с. 28]. Социальная группа – это группа, которая «состоит из людей, действующих совместно как единое целое», т. е. люди «рассматриваются как участники какого-то рода действия» [там же, с. 32]. Таковы, например... участники футбольного матча или «суда Линча». Пусть так, но ведь это не этнос! И там же отмечено, что «европейские интеллигенты, переселившиеся в Америку... часто лучше, чем американцы, знали ее историю, законы и обычаи. Однако эти люди обладали „знаниями“ американской жизни, но не „знакомством“ с ней. Они были не способны понять много такого, что любой ребенок, выросший в США, чувствует интуитивно» [213, с. 42]. Вместе с тем (и это характерно) одни люди могли прижиться в Америке, а другие рвались назад, несмотря на то что хорошо зарабатывали. Это прекрасно описал В. Г. Короленко в повести «Без языка».

Видимо, существуют разные степени этнической совместимости. При одних инкорпорация легка, при других – трудна, при третьих – невозможна. В чем причина столь странного феномена?

Этносы существовали всегда, после того как на Земле появился неолит. И способ их существования, как показывает история человечества, один и тот же: зарождение, расширение, сокращение степени активности и либо распад, либо переход к равновесию со средой. Это типичный инерционный процесс системы, обменивающейся со средой информацией и энтропией всегда особым, неповторимым образом, можно сказать – в оригинальном ритме. Именно это обстоятельство ограничивает инкорпорацию. Чтобы стать подлинно «своим», надо включиться в процесс, т. е. унаследовать традицию и идеалы этноса, а это возможно только в младенчестве и при условии, что инкорпорируемый не воспитывался своими истинными родителями. Во всех иных случаях инкорпорация превращается в этнический контакт.

Разница между равновесием и развитием

Теперь поставим вопрос: в чем разница между этносами-изолятами и этносами, развивающимися бурно? В системах реликтовых этносов нет борьбы между членами этноса, а если и случается соперничество, то оно не влечет гибель проигравшего. Преследуются только нововведения, которых, как правило, не хочет никто. Но если так, то естественный отбор, один из факторов эволюции, затухает. Остается этноландшафтное равновесие, на фоне которого возможен только социальный прогресс или регресс. Но в сложных и трудных условиях реадaptации и смены стереотипа поведения естественный отбор возникает снова, и сформированная им популяция либо погибает, либо становится новым этносом.

Таким образом, первичной классификацией этносов (в плане их становления) является деление на два разряда, резко отличающихся друг от друга по ряду признаков (см. табл. 1 на с. 137).

Предлагаемое деление основано на принципе, отличном от применявшихся до сих пор: антропологического, лингвистического, социального и историко-культурного. Отме-

ченные в таблице 12 признаков различия¹⁸ инвариантны для всех эпох и территорий. Как в классовом обществе могут существовать персистентные этносы, так и при родовом строе происходят перегруппировки особей, благодаря чему возникают новые племенные союзы или военно-демократические объединения. Примерами первого варианта могут служить застарелые рабовладельческие отношения в Аравии среди бедуинских племен, в Западной Африке: в Бенине, Дагомее и т. п., у тлинкитов Северо-Западной Америки и у горцев Кавказа, до XIX в. имевших грузинских рабынь и рабов. Застывшие феодальные отношения наблюдались в XIX в. в Тибете, Западном и Северо-Восточном; горном Дагестане, у якутов и у малайцев. И наоборот, ирокезский союз, возникший в XV в., – яркий пример создания нового этноса в условиях доклассового общества. Тот же процесс имел место в родовой державе Хунну – III в. до н. э., и военно-демократическом тюркском «Вечном Эле» – VI–VIII вв. н. э. Кельты I тыс. до н. э. бесспорно составляли этническую целостность, имея клановую систему общественных взаимоотношений.

Количество примеров можно увеличить, но достаточно и приведенных. Всякое деление материала при классификации условно, но именно поэтому оно конструктивно, поскольку определяется задачей, поставленной исследователем. Наша цель – установить место этнического становления в многообразии наблюдаемых явлений. И что же? Оказывается, возникновение этноса – редкий случай на фоне общего этноландшафтного равновесия, которое не может рассматриваться как «отсталость» или «застой», проистекающие якобы из неполноценности тех или иных народов. Все современные «застойные» этносы некогда развивались, а те, которые развиваются теперь, если не исчезнут, то станут «стабильными» когда-нибудь потом.

Таблица 1

Признаки различия персистентного и динамического состояния этноса

¹⁸ Наиболее сложному и важному из них посвящен особый экскурс [см.: 83].

Признаки	Состояния	
	персистентное	динамическое
Отношения между поколениями	Новое поколение стремится повторить стереотипы предшествовавшего	Новое поколение стремится быть непохожим на предшествовавшее (проблема отцов и детей)
Отношение к времени	Циклическое исчисление времени	Линейное исчисление времени
Отношение к природе	Хозяйство приспособлено к ландшафту	Приспособление ландшафта к требованиям хозяйства
Отношение к соседям	Оборона границ, гостеприимство	Стремление к расширению территории, завоевательные войны
Отношение к потомкам	Стремление ограничить прирост, детоубийство	Стремление к неограниченному размножению
Отношение к религии	Генотеизм, недопущение иноземцев к своим культам	Прозелитизм и религиозная нетерпимость
Отношение к общественным институтам	Авторитет старших	Институт власти
Отношение к общественной жизни	Консервация уже сложившихся социальных групп населения	Образование новых социальных групп
Отношение к чужим культурам	Игнорирование чужих идей и заимствование техники	Активное усвоение чужих идей; их использование или отторжение
Продолжительность жизненного цикла	Ограничена только внешним воздействием стихийного или антропогенного происхождения	Не более 1200 (1500) лет, считая от момента толчка до выхода из динамического состояния (до полного исчезновения или превращения в реликт)
Источник появления состояния	Завершившийся процесс этногенеза	Мутации и появление в популяции этногенетического признака
Взаимоотношения между этносами	Пребывание в динамическом состоянии рассматривается как бессмысленная противоестественная трата сил	Нахождение в персистентном состоянии расценивается как «дикость», «неполноценность»

Этногенез и естественный отбор

Из приведенных выше описаний феномена этноса как следствие вытекает, что социальные процессы различны по своей природе. Совпадения между общественными и этническими ритмами случайны, хотя именно они бросаются в глаза при поверхностном наблюдении, так как интерференция при совпадении по фазе усиливает эффект. Возникшую проблему следует сформулировать так: откуда берутся силы, создающие этносы? Такие силы должны быть, ибо если их не было, то энтропия, определяемая естественным отбором, давным-давно, еще в эпоху палеолита, сгладила бы все этнические различия и превратила многообразие человечества в единую безликую антропосферу.

Принято считать, что естественный отбор всегда должен вести к выживанию особей, более приспособленных к борьбе за существование. Однако Дж. Б. С. Холден отмечает, что это правильно для редкого и разбросанного вида, вынужденного защищать себя от других видов и неорганической природы. Но как только население становится плотным, отдельные представители вида вступают в соперничество друг с другом. Если даже отдельные особи оказываются победителями, сама борьба биологически вредна для вида. Например, развитие громадных рогов и игл у самцов помогает им одерживать личные победы, но часто бывает началом исчезновения вида [206, с. 71 и след.].

Это соображение относится и к человеку, который является господствующим видом, верхним, завершающим звеном биоценоза. Отмеченная Дж. Холденом борьба особей внутри вида не имеет ничего общего с внутривидовой борьбой за пищу, и ее закономерности неправомерно переносить на человеческое общество. Здесь констатируется совсем другое: обострение борьбы за преобладание в стае или в стаде, причем, как это ни неожиданно, именно победители не оставляют потомства. Следовательно, мы встречаем не дарвиновский закон выживания наиболее приспособленных особей, а своего рода эксцессы, не отражающиеся на эволюции коллектива в целом. Отбор, происходящий при столкновении взрослых самцов или изгнании из стада подрастающих детенышей, не ведет к образованию новых популяций. Наоборот, он является мощным фактором, консервирующим признаки большинства особей, включая стереотип поведения. И это вполне понятно: каждый вид, населяющий определенный регион, входит в его биоценоз и приспособлен к нему наилучшим образом. Положение это нарушается лишь при изменении либо физико-географических условий, например при устойчивой засухе или мощном наводнении, когда почвенный слой перекрывается отложениями, либо при миграциях в регион других животных, что изменяет равновесие в биоценозе.

Но влияние любых экзогенных факторов не объясняет, почему даже при отсутствии катастроф одни этносы сменяются другими, оставляя в наследство потомкам только руины архитектурных сооружений, обломки скульптуры, отрывки литературы, битую посуду да сбивчивые воспоминания о славе предков. Очевидно, для человека отбор имеет иное значение, чему Дж. Холден уделяет большое внимание. «Биологический отбор направлен на такие признаки, от которых зависит, чтобы каждый член этноса имел больше детей, чем другой. Таковы: сопротивляемость болезням и физическая сила, но не те качества, которые служат умножению этноса (или вида) как целого и потому особо ценятся людьми». По Холдену, гены мучеников идеи и науки, храбрых воинов, поэтов и артистов в последующих поколениях встречаются все реже и реже. Для нашего же анализа важно иное – что является итогом этого процесса в дальнейшей судьбе этноса, разумеется, не в плане общественном, а в интересующем нас в данный момент – популяционно-генетическом? Дж. Холден формулирует это положение так: «Естественный, отбор действует на изменения, имеющие приспособи-

тельный характер, а эти изменения не идут в любом направлении. Большая часть их ведет к потере сложности строения или к редукции органов – к дегенерации»¹⁹ [206, с. 82].

Этот тезис, доказанный Холденом, на первый взгляд противоречит школьным представлениям об эволюции как прогрессивном развитии. Но только мы применим диалектический метод – противоречие исчезнет, как дым. Виды либо вырождаются, либо стабилизируются и превращаются в персистенты (реликты, пережившие собственное развитие), но возникают новые виды, более совершенные, нежели предшествовавшие. Однако и они уступят место под солнцем тем, кто придет вслед за ними, а пока вызревают для грядущего. Рептилии заменили гигантских амфибий, млекопитающие – динозавров, а современный человек – неандертальца. И каждому взлету предшествовало глубокое падение.

Переведем это на язык этнологии и применим к нашему материалу в качестве модели простейший образец – локализованный (территориально), замкнутый (генетически), самооформившийся (социально) этнический коллектив.

Альтруизм, точнее – антиэгоизм

Новорожденный этнос, как только заявляет о своем существовании, автоматически включается в мировой исторический процесс. Это значит, что он начинает взаимодействовать с соседями, которые ему всегда враждебны. Да иначе и быть не может, ведь появление нового, активного, непривычного ломает уже установившийся и полюбившийся уклад жизни. Богатства региона, в котором произошло рождение этноса, всегда ограничены. Прежде всего это относится к запасам пищи. Вполне понятно, что те, кто спокойно существовал при устоявшемся порядке, отнюдь не хотят стеснять себя или уступить свое место другим, чужим, непонятым и неприятным для них людям. Сопротивление новому возникает как естественная реакция самозащиты и всегда принимает острые формы, чаще всего истребительной войны. Для того чтобы победить или, как минимум, отстоять себя, необходимо, чтобы внутри этноса возникла альтруистическая²⁰ этика, при которой интересы коллектива становятся выше личных. Такая этика наблюдается и среди стадных животных, но только у человека принимает значение единственного видоохранительного фактора. Она всегда соседствует с эгоистической этикой, при которой личное плюс семейное становится выше общественного, но, поскольку интересы личности и коллектива часто совпадают, острые коллизии возникают редко. С точки зрения сохранения человеческого аналога видового таксона, т. е. этноса, сочетание обеих этических концепций создает оптимальную ситуацию. Функции разделены. «Альтруисты» обороняют этнос как целое, «эгоисты» воспроизводят его в потомстве. Но естественный отбор ведет к сокращению числа «альтруистов», что делает этнический коллектив беззащитным, и по прошествии времени этнос, лишившись своих защитников, поглощается соседями. А потомство «эгоистов» продолжает жить, но уже в составе других этносов, вспоминая «альтруистов» не как своих защитников-героев, а как людей строптивых и неуживчивых, с дурным характером.

Проверить эту формулу на историческом материале можно только одним способом, о котором следует сказать подробно. Этика рассматривает отношение сущего к должному, а должное, как и сущее, в каждую эпоху меняется. Эти изменения весьма чутко фиксируются авторами источников, которые в других отношениях, не стесняясь, искажают факты. Здесь

¹⁹ Аналогичный вывод можно сделать, используя методику кибернетики: «В множестве, подвергнутом однозначному преобразованию, разнообразие не может увеличиться, но обычно будет уменьшаться» [175, с. 193].

²⁰ Вводя понятия «альтруизм» и «эгоизм», мы отнюдь не придаем им качественной оценки. «Хорошо» и «плохо» не имеют к ним никакого касательства, что явствует из дальнейшего. Употребление привычных слов в качестве научных терминов оправдывается лишь необходимостью облегчить читателю понимание концепции как таковой. «Альтруизм» точнее назвать антиэгоизмом.

же они искренни, потому что описывают не действительность, а идеал, который им самим каждый раз представляется несомненным. Поэтому для фиксации смены поведенческого императива мы можем использовать историографию и даже художественную литературу прошлых эпох, приняв их не за источник информации, а за факт, подлежащий критическому исследованию, и при его помощи установить, как протекает этот процесс в натуре. Возьмем для примера какой-нибудь законченный отрезок истории народности (не государства, не политических институтов, не социально-экономических отношений, а именно этноса), достаточно хорошо известный читателю, и бегло просмотрим его фазы. Подходящий пример – город-государство Древний Рим. Если отбросить его легендарный период царей, от первой сецессии (ухода плебеев на Священную гору, вслед за чем последовал их компромисс с патрициями), определивший характер общественной системы, до эдикта Каракаллы (признания провинциалов, подданных Рима – римлянами), т. е. с 949 г. до н. э. по 212 г. н. э., можно легко проследить эволюцию соотношения «альтруистов» и «эгоистов». Впрочем, это сделали уже в древности римские историки, именуя этот процесс «падением нравов».

В первый период, до конца Пунических войн, как сообщают авторы источников, не было недостатка в героях, желавших погибнуть за отечество. Муций Сцевола, Аттилий Регул, Цинциннат, Эмилий Павел и множество им подобных, вероятно, в значительной мере были созданы патриотической легендой, но важно, что именно подобные личности служили идеалом поведения. В эпоху гражданских войн положение резко изменилось. Героями стали вожди партий: Марий или Сулла, Помпеи, Красс или Цезарь и Серторий, Юний Брут или Октавиан. Они уже не отдавали жизнь за отечество, а рисковали ею в интересах своей партии и с неременной выгодой для себя. В эпоху Принципата тоже было немало храбрых и энергичных деятелей, но все они действовали неприкрыто в личных интересах, и это воспринималось общественным мнением как должное и даже как единственно возможное поведение. Императоров и полководцев теперь хвалят за добросовестное исполнение своих обязанностей, т. е. за отсутствие нечестности и бессмысленной жестокости, но ведь это значит, что их воспринимают как «разумных эгоистов», ибо это и им самим выгодно. Уходят в прошлое партии оптиматов и популяров, и выступают группы тех или иных легионов, например сирийская, галльская, паннонская и т. п., которые сражаются между собой исключительно ради власти и денег. При династии Северов торжествует идеал силы и выгоды, и не случайно, что в это же время римский этнос, называвшийся *Populus Romanus*, растворяется среди народов, им же завоеванных.

Аналогичную картину мы видим в Средние века в Западной Европе, когда самым актуальным занятием была война с мусульманами. Образы первых эпических поэм: Роланд и Сид – паладины христианства. На самом деле, первый был маркграфом Бретонской марки и был убит не маврами, а басками; второй же – просто беспринципный авантюрист. Нужды нет: идеалы альтруистичны и героичны. Позже, во второй период, герой не забывает себя. Таковы Кортес и Писарро, Васко да Гама и Албукерки, Фрэнсис Дрейк и Хуан Австрийский, победитель при Лепанто. То, что они, будучи храбрецами, откровенно корыстны, никто не ставит им в вину; даже наоборот, это вызывает восхищение и одобрение. Проходит время, и героем становится наемный солдат, которому важна только собственная шкура, хотя ему нельзя отказать в уме, выдержке и самообладании.

Как мы видим, варьирующий в определенном направлении идеал является индикатором настроений коллектива, ибо отношение автора к герою эмоционально, и, следовательно, сознательная ложь исключена. А эти настроения отражают более глубокую сущность – изменение стереотипа поведения, который и является реальной основой этнической природы человеческого коллективного бытия.

Но при этом нельзя отказываться от учета сферы сознания, так как только оно дает возможность находить оптимальные решения в положении, которое не может не быть ост-

рым. До тех пор пока новая этническая система не сложилась и не набрала инерцию, процесс может быть оборван посторонним вмешательством, и следовательно, для жесткой детерминированности (фатализма) нет места.

Истребление реликтовых этносов

При такой постановке вопроса можно ответить, почему этносы вымирают, и настолько часто, что из тех, которые были зафиксированы при начале письменной истории в III тыс. до н. э., не осталось ни одного, а из тех, которые жили и действовали в начале н. э., – редкие единицы. Это тем более необходимо, что не прямые потомки древних римлян, эллинов, ассирийцев, видоизменившись до неузнаваемости, живут по сей час, но уже не являются ни римлянами, ни эллинами, ни ассирийцами, ибо заимствовали от предков только генофонд. Обратимся за аналогами к палеонтологии, которая наряду с другими проблемами занимается также проблемой вымирания популяций. Здесь несущественно, какова величина изучаемого объекта, поскольку можно предположить, что процессы вымирания должны иметь одну закономерность.

Уцелевшими оказались, как ни странно, виды, наименее развитые и, следовательно, наименее приспособленные к природной обстановке минувших эр. Зато бывшие цари жизни – динозавры, мастодонты, махайроды, пещерные медведи и пещерные львы исчезли начисто, хотя не имели достойных соперников. Вымирание видов сопровождается постепенным сокращением ареала и конкуренцией соседних видов, вытесняющих из биохора обреченный вид. Но остается неясным, в чем заключается эта «обреченность»? Не стремясь к решению палеобиологических задач, мы можем указать, что в этнологии она кроется в структуре этноса. При прочих равных условиях (численности, технике и т. п.) усложнение структуры повышает сопротивляемость враждебному окружению, упрощение – снижает ее. Вот почему полноценные в физическом и интеллектуальном аспектах народы, например индейцы или полинезийцы, оказались бессильными по сравнению с колонизаторами, отнюдь не лучшими представителями своих народов. Таким образом, наибольшую опасность как для этносов, так и для природы представляют соседи, не потерявшие в процессе развития способности к адаптации и потому расширяющие свой ареал. Без появления такого врага реликтовый этнос может существовать неограниченно долго [180]. Но не исключена гибель, вплоть до поголовного уничтожения, этносов развивающихся, если они наталкиваются на необратимое сопротивление более хищных соседей. Ограничимся одним наглядным примером – тюрками VI–VIII вв. (тюркютами).

С 550 по 581 г. небольшой алтайский этнос – тюркюты – установили господство во всей Великой степи от Китая до Дона и от Сибири до Ирана. Система, которая называлась «Вечный Эль», была гибкой и разветвленной. В ней находили свое место племена степные и горные, жители оазисов Согдианы и обширных в то время низовий Волги, купцы и пастухи, буддисты и огнепоклонники наряду с самими тюрками-воинами, почитавшими «синее небо и черную землю». Но Китай, объединенный династией Суй (589–618) и победоносной табгачской империей Тан (619–907), был сильнее и агрессивнее. Сломить сопротивление тюрков военной силой китайцы не смогли, но путем дипломатии они добились разделения единого каганата на Западный и Восточный, затем изолировали степняков от оазисов бассейна Тарима, которые они оккупировали, и Согдианы, таким образом принесенной в жертву арабам. Потом китайцы восстановили против тюрков уйгуров, карлуков и басмалов и добились разгрома тюркской орды в 747 г., причем победители пленных не брали. Однако сами китайцы приняли тюркских беглецов и зачислили их в пограничные войска. Эти «счастливые» погибли в 756–763 гг., приняв участие в восстании Ань Лушаня против произвола китайской бюрократии. Против повстанцев выступили, кроме китайцев, степняки-уйгуры

и горцы-тибетцы, так что бежать было некуда. Изолированная, а тем самым упрощенная система погибла. И везде, где наблюдается аналогичная коллизия, механизм процесса остается неизменным.

11. Этнические контакты

Иерархия этнической таксономии

Этническая систематика отличается от социальной классификации. Лишь изредка они совпадают. Употребление той или другой зависит от аспекта исследования, т. е. от угла зрения, под которым рассматриваются цепи исторических событий. Последний же определяется задачей, поставленной перед исследователем, выбирающим также степень приближения, отвечающую его целям. То обстоятельство, что эта задача до сих пор неоднократно ставилась и не получила удовлетворительного решения (Д. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби) [26, с. 65–68], не должно отвращать исследователя от продолжения попыток эмпирического обобщения, сколь бы трудны они ни были. В отличие от ряда авторов, выясняющих, как идет процесс, мы имеем возможность ответить на вопрос, что именно подвергается изменению, хотя и получим при этом принципиально одностороннюю модель, характеризующую определенные аспекты явлений. Но ведь создание концепций лежит в основе любой исторической интерпретации, что и отличает историю («поиск истины») от хроник или простого перечисления событий. Мы исходим из накопленного исторической наукой разнообразного материала, поэтому объектом исследования становится не шпенглеровская «душа культуры» и не «умопостигаемое поле исследования» Арнольда Тойнби, а система фаз этногенеза на том или ином уровне и в ту или иную определенную эпоху. Для следующей эпохи, протекающей в историческом времени, расстановка составляющих будет уже другой.

Теперь мы можем построить этническую иерархию в общем виде, а заодно уточнить значения терминов.

Антропосфера – биомасса всех человеческих организмов²¹.

Этносфера – мозаичная антропосфера²², т. е. сочетание системных этноландшафтных целостностей, всегда динамических.

Суперэтнос – группа этносов, возникающих одновременно в одном регионе и проявляющих себя в истории как мозаичная целостность.

Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени.

Субэтнос – элемент структуры этноса, взаимодействующий с прочими. При упрощении этносистемы в финальной фазе число субэтносов сокращается до одного, который становится реликтом.

Таксономические единицы одного порядка

Консорция – группа людей, объединенных одной исторической судьбой; либо распадается, либо переходит в конвиксию.

Конвиксия – группа людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями. Иногда переходит в субэтнос. Фиксируется не историей, а этнографией.

²¹ Термин установившийся, но слишком общий, не дающий перспектив решения и понимания проблемы.

²² «Мозаичность» предполагает наличие в антропосфере структурного членения по этническому принципу.

Условившись понимать под этногенезом не только его пусковой момент – появление этноса на арене истории, но весь процесс развития до превращения этноса в реликт и исчезновения, о котором будет рассказано ниже, можно дать следующую дефиницию: любой, непосредственно наблюдаемый этнос – та или иная фаза этногенеза, а этногенез – глубокий процесс в биосфере, обнаруживаемый лишь при его взаимодействии с общественной формой движения материи. Значит, внешние проявления этногенеза, доступные изучению, носят социальный облик.

И тут встает основной вопрос: почему возникают процессы этногенеза, порождающие изучаемые этнографами этносы? Согласно распространенной точке зрения новые этносы возникают при тесном сожителстве вследствие взаимной ассимиляции первичных этнических субстратов [115, с. 43–46]. Взаимная ассимиляция при образовании этноса нужна, но этого недостаточно. На берегах Рейна французы и немцы живут в соседстве свыше тысячи лет, исповедуют одну религию, используют одинаковые предметы быта, выучивают языки друг друга, но не сливаются, так же как австрийцы – с венграми и чехами, испанцы – с каталонцами и басками, русские – с удмуртами, вепсами и чувашами.

Иногда, очень редко, происходит слияние этносов в одном регионе, но тогда слившиеся этносы исчезают, а взамен появляется новый, не похожий ни на один из прежних. Первое время члены нового этноса еще не могут свыкнуться со своей самобытностью, но во втором или третьем поколении констатируют свое отличие от предков. Считать эти явления результатом взаимной ассимиляции нельзя, так как они возникают не всегда и протекают очень быстро; имеет место как бы взрыв. Следовательно, для их возникновения требуется какой-то дополнительный фактор, который предстоит открыть.

Кроме описанного есть еще один способ возникновения этносов, не похожий на первый. Часто вследствие исторических перипетий от этноса отпочковывается группа людей и меняет место жительства. С течением времени эти люди вырабатывают новый стереотип поведения и теряют связь с метрополией. Иногда эти группы гибнут, но нередко, смешиваясь с аборигенами или другими переселенцами, они образуют самостоятельные этносы.

Примерами второго варианта могут служить американцы англосаксонского происхождения, порвавшие связи с англичанами в конце XVIII в.; потомки испанских конкистадоров – креолы; внуки и правнуки голландских, французских и северонемецких крестьян – буры; сикхи, выделившиеся из прочих индусов в XVI в. и упразднившие систему каст; буряты – те монголы, которые на курултае 1688 г. предпочли союз с русскими подчинению маньчжурам, и им подобные, отколотые от основного этноса превратностью исторической судьбы.

Легко и весьма необходимо заметить, что генезис обоих вариантов различен и характер изменчивости в обоих вариантах не имеет ничего общего. Во втором варианте вновь появившиеся этносы остаются в орбите своей культуры, приобретая лишь локальные особенности. В первом же случае имеет место совершенно новое явление, сохраняющее институты народов, его породивших, лишь как пережитки или заимствования. Очевидно, первый вариант и есть подлинный этногенез – рождение новых суперэтносов, тогда как второй вариант – только увеличение суперэтнического многообразия. Так, США отнюдь не суперэтнос, а просто заокеанское продолжение романо-германской Европы и отчасти Африки – за счет работорговли. Осколками американских суперэтносов являются атабаски, сиу, алгонкины и другие племена. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить только о первом варианте, и поскольку история – наука о событиях, а события происходят при столкновениях во время контактов, то именно контактам следует уделить преимущественное внимание. Эта тема была затронута, но недостаточно.

Контакты на разных уровнях

Возвращаясь к проблеме этнических контактов, необходимо прежде всего ставить вопрос об уровне, на котором контакт осуществляется (см. табл. 2). Сочетание двух и более консорций и конвиксий нестойко. Оно ведет или к распаду, или к образованию стойкой формы субэтнуса. На субэтническом уровне смешение трактуется как «неравный брак» с особой «не нашего круга», причем ступень социальной лестницы часто не имеет значения. Так, еще в XIX в. казаки рассматривали брак с крестьянами и даже дворянами как «неравный», хотя последние были куда богаче и знатнее казаков. Мне удалось услышать сентенцию, ведущую начало, видимо, со Смутного времени: «В Писании сказано: не водитесь жида с самарянами, а казаки с дворянами». Конечно, этого ни в каком «писании» нет, но как на это похоже отношение курдов к персам и армянам! Нищий пастух-курд не решается представить родным жену-персиянку, если не будет известно, что у нее пышная генеалогия. Так же сохраняли себя албанцы в Османской империи, баски – в Испании, шотландцы-гайлендеры – в Великобритании, патаны – в Гиндукуше. Они образовали с другими субэтнотами стойкие этнические целостности на основе симбиоза, укрепленного эндогамией. В центральной части евразийского континента формы симбиоза этносов проявлялись очень ярко еще в глубокой древности.

Таблица 2

Этническая иерархия

Таксономическая единица	Гибрид	Направление развития	Предел формообразования
Консорция	Нестойкие сочетания	Субэтническое самоутверждение	Субэтнос
Конвиксия	Деформированные сочетания	Создание территориальной общины	Субэтнос
Субэтнос	Симбиозы ²³	Этническое самоутверждение	Этнос
Этнос	Ксении ²⁴	Создание социального института	Ведущая роль в суперэтнотом и консервация структуры
Суперэтнос	Химеры ²⁵	Аннигиляция ²⁶	Реликт
Человечество	Гипотетическое смешение с палеоантропом в мезолите на горе Кармел	Этногенез	?
Гоминиды	?	Эволюция как филогенез	Исчезновение вида

²³ Симбиоз – форма взаимополезного сосуществования этносов, при котором симбионты сохраняют свое своеобразие.

²⁴ *Ксения* (от греч. – гостя, гостеприимство) – форма нейтрального сосуществования этносов при сохранении ими своеобразия.

²⁵ *Химера* (мифическое животное с головой льва, телом козы и хвостом дракона); здесь – форма контакта несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при которой исчезает их своеобразие.

²⁶ *Аннигиляция* (физ. – превращение в ничто) – явление взаимоуничтожения элементарных частиц разных знаков с излучением света (фотонов) и потерей массы.

Этносы занимали разные ландшафтные регионы, соответствовавшие их культурно-хозяйственным навыкам, и не мешали, а помогали друг другу. Так, якуты поселились в широкой пойме Лены, а эвенки – в водораздельных массивах тайги. Великороссы селились по долинам рек, оставляя степные просторы казахам и калмыкам, а лесные чащи – угорским народам. Чем сложнее и разветвленное была такая этническая целостность, тем она была крепче и резистентнее.

Иное дело – сочетание двух и более этносов в едином социальном организме. Характер того или иного социального организма накладывает свой отпечаток на взаимодействие смежных этносов, которые в ряде случаев вынуждены жить в одном регионе, мириться с фактом сосуществования, но не могут не тяготиться друг другом. Их можно назвать «ксений». Такова Бельгия, куда валлоны и фламандцы оказались «задвинуты», как жильцы в коммунальную квартиру. Такова Канада, где англичане, французы, франко-индийские метисы, а теперь еще и славяне сосуществуют, но не сливаются и не делят функций, что свойственно симбиозам.

Но еще болезненнее контакт двух и более суперэтносов. Тогда часто происходит не только этническая аннигиляция, но и демографический спад, попросту сказать – вымирание от невыносимых условий или физическое истребление слабой стороны. Такие ситуации возникали в XVIII–XIX вв. в США – отстрел индейцев с платой за скальп, в Бразилии – во время каучуковой лихорадки, в Австралии – при захвате ее англичанами, и в долине Желтой реки, где цивилизация Древнего Китая сталкивалась с культурой древних племен жунов (тангуров). Последних не осталось.

Но вместе с тем в истории наблюдаются целые эпохи сосуществования суперэтносов, не всегда мирного, но и не взаимоистребительного. А иногда субэтносы в одной целостности ведут губительные войны друг с другом, находя, а иногда и не находя повода для ненависти. Выберем наиболее яркие примеры и посмотрим, как это происходит. И может ли история государств дать исчерпывающее объяснение ходу событий?

Соотношение этнических целостностей разных порядков

Предложенное деление этносов весьма полезно не только для современной, но и для исторической этнографии. Это мы постараемся показать, взяв для примера эпоху, хорошо изученную и давно законченную, – XII век на евразийском континенте²³, а как частный пример – Древнюю Русь, о которой шло столько споров, так как ее причисляли по банальному и потому весьма распространенному делению то к «Западу», то к «Востоку». Это вполне нерациональное деление родилось в суперэтнической целостности романо-германского мира, идеологически объединенного Римской церковью и противопоставившего себя всем прочем. Короче, это обывательский европоцентризм, имевший смысл в Средние века, но бытующий поныне в Западной Европе и ее заокеанском продолжении – Америке.

²³ Из рассмотрения опущены Америка, Океания и Африка южнее Сахары – как требующие специального описания.

Если принять западный «христианский мир» за суперэтнический эталон (1), то равноценными ему будут: 2) Левант, или «мир Ислама», целостность отнюдь не религиозная, а этнокультурная, распространившаяся от Испании до Кашгара; 3) Индия, за исключением той ее части, где господствовали мусульмане²⁴; 4) Китай, считавший себя «Срединной империей» с варварской периферией; 5) Византия, восточнохристианская целостность, политические границы которой всегда были уже суперэтнических; 6) Кельтский мир, отстаивавший свои оригинальные традиции от английских феодалов до XIV в.²⁵; 7) Балтийская славяно-литовская языческая целостность, в XII в. превратившаяся в реликт; 8) Восточно-европейская суперэтническая целостность – Русская земля. На ней мы и сосредоточим внимание, но будем рассматривать ее этническую судьбу на фоне переплетения конфликтов всех прочих вышеперечисленных суперэтносов, ибо изоляция на евразийском континенте была возможна лишь для десятого суперэтноса – циркумполярных народов Сибири, да и то она часто нарушалась то эвенками, то якутами.

Как известно, при своем появлении в Восточной Европе славяне делились на племена, которые уже в начале XII в. сохранились только в памяти авторов «Начальной летописи». Это естественно. Этническая интеграция шла интенсивно вокруг больших городов, где в новых условиях прежние племенные различия теряли значение. А. Н. Насонов описывает Русь XI–XII вв. как систему «полугосударств» [154], стоящих на порядок ниже, нежели «Русская земля»: 1) Новгородская республика с пригородами; 2) Полоцкое княжество; 3) Смоленское княжество; 4) Ростово-Суздальская земля; 5) Рязанское княжество; 6) Турово-Пинская земля; 7) Русская земля, включавшая три княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское; 8) Волынь; 9) Червонная Русь, или Галицкое княжество. К этому списку надо добавить завоеванную Владимиром Мономахом половецкую степь между Доном и Карпатами. При этом Великий Булгар, задонские кочевья половцев, аланские земли на Северном Кавказе и Волжская Хазария с городом Саксином лежали по ту сторону русской границы XII–XIII вв.

Булгары и хазары в это время относились к левантийскому, или мусульманскому, суперэтносу. По способу адаптации к ландшафту они не отличались от своих соседей. Однако торговые и культурные системные связи города Булгара с Ираном были действеннее, нежели влияние географической среды. Они-то и сделали Волжскую Болгарию форпостом «мусульманского» суперэтноса и противником владимирских князей. Следуя принятому принципу, можно отнести аланов и крымских готов к византийскому суперэтносу, а литовцев, латышей и ятвягов – к балтийскому. Поляки и венгры еще в X в. вошли в западноевропейский суперэтнос, а победа немецких крестоносцев над полабскими славянами превратила католическую Западную Европу в монолитную культурно, хотя и мозаичную этнически целостность, которая в XII в. неустанно, пусть и не всегда удачно, расширяла свой ареал, что в XIII в. привело к кризису – поражению в Крестовых походах.

Спускаясь еще на порядок ниже, т. е. взяв один из русских субэтносов, допустим Киев, мы обнаружим там три активные консорции: западническую (сторонники князя Святополка II, в том числе Киево-Печерская лавра), грекофильскую (сторонники Владимира

²⁴ Индийский полуостров – это полуконтинент, на территории коего суперэтнические целостности возникали с глубокой древности. Современная целостность – это мемориальная фаза этногенеза суперэтноса, созданного в VIII в. раджапутами. Так называемая «раджапутская революция» произошла в VII в. одновременно с арабо-исламской, табгачской (династия Тан в Китае) и подъемом Древнего Тибета [см.: 77, с. 153–182]. Вторжения мусульман и англичан были посторонними воздействиями, унесшими много жизней, но не нарушившими процесса этногенеза Индии.

²⁵ Кельты уже в I тысячелетии были завоеваны римлянами – на Западе, маркоманнами – в Восточной Европе и сарматами в степях. Но начало «кельтского мира» лежит в X в. до н. э., когда кельты были распространены от Северного Кавказа (киммерийцы) до Исландии (кельтиберы). Для характеристики суперэтноса необходимо рассматривать не только пространственные, но и временные границы и, следовательно, учитывать возрасты этносов, составляющих суперэтносы. Для характеристики суперэтносов их расширение и сужение, как и военная мощь, значения ни имеют; важна исключительно степень межэтнической близости.

Мономаха и митрополии, помещавшейся в Св. Софии) и национальную, сильно пострадавшую за симпатии к Всеславу после его изгнания из Киева [87].

Легко заметить, что консорции не совпадают с классовыми, сословными, религиозными и племенными делениями, являясь феноменами самостоятельной системы отсчета. Эта система может считаться весьма полезной, потому что благодаря именно ей удалось, например, уловить мотивы сторонников перечисленных выше политических направлений. При анализе классовых противоречий этого сделать нельзя, ведь все участники событий принадлежали к одному классу, а силу черпали у своих единомышленников в гуще народа. Но борьба тем не менее была активной и жестокой. Из-за чего? И ради чего?

Контакт «пяти племен» и жителей «Срединной равнины»

С III в. до н. э. до конца III в. н. э. земледельческий Китай и Великая степь, населенная скотоводами – хуннами, существовали рядом. Каждый этнос жил в своем ландшафте, но в совокупности с соседями входил в суперэтнические конструкции кочевой культуры и дальневосточной цивилизации. И та и другая были полиэтничны. В кочевой мир входили, кроме хуннов, сяньбийцы (древние монголы), цяны (кочевые тибетцы), малые юечжи, усунь, кыпчаки и другие племена. В Китае, кроме китайцев, жили аборигены: жуны, ди, мань и юе, принадлежавшие по языку к тибето-бирманской, тайской и малайской группам.

Продолжительность существования этих суперэтносов, связанных общей культурой, давала повод современникам рассматривать историческую действительность как «состояние», но на самом деле это были медленно текущие процессы. Создание единого китайского государства и обострение классовых противоречий, ставших антагонистическими в III в. до н. э., унесло свыше 60 % жителей, а распадение этой империи в III в. н. э. – свыше 80 %. В конце III в. обезлюдившая и обнищавшая страна была объединена династией Цзинь. В III в. население Китая исчислялось в 7,5 млн человек вместо бывших 50 млн. Потом, к IV в., оно возросло до 16 млн.

И все-таки при самых жестоких социальных потрясениях для гибели китайского этноса не было достаточных внутренних оснований. Свободных земель было много, и, следовательно, численность населения могла увеличиться. Государственная система функционировала, гонения на культуру прекратились. Древнекитайский этнос мог бы продолжать существование, если бы не слишком тесный контакт с кочевниками и странная потеря сопротивляемости, что было неожиданностью для самого правительства династии Цзинь.

В степи господствовал родовой строй, и разложение его шло столь медленно, что не причиняло большого ущерба кочевникам. Зато их угнетало усыхание степи, начавшееся в I в. и к III в. достигшее максимума. Сокращение пастбищных угодий заставило хуннов и сяньбийцев жаться к рекам Хуанхэ и Ляохэ и входить в контакт с китайцами. Поскольку земли лежали в запустении, правительство Цзинь допустило поселение на границе 400 тыс. кочевников и около 500 тыс. тибетцев разных племен. Китайские политики III в. считали, что этническая принадлежность – социальное состояние и численно ничтожное вкрапление нетрудно ассимилировать: князей обучить культуре, а родовичей превратить в податное сословие. Расчет был дерзкий и плохой. Родовичи терпели произвол чиновников и эксплуатацию землевладельцев, но не превращались в китайцев; князья выучили иероглифику и классическую поэзию, но при удобном случае, наступившем в 304 г., вернулись к соплеменникам и возглавили восстание, ставившее целью «оружием возратить утраченные права». Ложная теория, примененная к действительности, вызвала катастрофу.

К 316 г. 40 тыс. хуннов захватили весь Северный Китай, в том числе две столицы, двух императоров и все накопленные богатства. Китайцы были загнаны на берега Янцзы, в то время окраину Китая, и были вынуждены в тропических джунглях смешиваться с пле-

менами мань, что весьма преобразило их облик и психический склад. Там начался особый процесс этногенеза, приведший впоследствии к созданию южнокитайского этноса. А оставшиеся на родине китайцы смешались с хуннами... и тем погубили их. Уже дети победителей-хуннов и китайцев забыли о нравах степного кочевья. Воспитанные в дворцовых павильонах, они сохранили энергию и мужество, но утратили ощущение «своего», чувство локтя и императив верности. Распри подорвали их силы, а ведь до этого их отцы умели жить в согласии. Внуки превратились в избалованных куртизанов, забавлявшихся людоедством и предательством близких. Не было и речи о наступательных войнах, даже при обороне хунны стали терпеть поражения. Наконец, в 350 г. приемный сын императора, китаец, убил своих братьев, наследников престола, и, взяв власть в свои руки, приказал перебить всех хуннов в государстве. Это было исполнено с таким рвением, что погибло много бородатых и горбоносых китайцев, похожих на хуннов.

Геноцид не спас узурпатора. Сяньбийцы-муюны разбили его китайское войско и казнили его самого. Китайцам не помогло численное превосходство, они также вместе с культурой потеряли традиции доблести. Муюнов постигла судьба хуннов. Они окитаились и были побеждены степными табгачами. Те сначала консолидировали вокруг себя кочевников (смешение на уровне этнической метисации), но потом на свою беду завоевали Хэнань, где жило монолитное китайское население. К концу V в. они смешались с китайцами так, что их хан, приняв титул императора, запретил родной язык, табгачскую одежду и прическу, а также имена. Масса подданных, лишённая свойственного ей стереотипа поведения, стала жертвой авантюристов-кондотьеров, низвергших династию и обескровивших несчастную страну [подробнее см.: 88], которую вдобавок опустошил голод, унесший около 80 % людей [232, р. 1428]. Так повлияло на народы смешение двух суперэтносов, но оставшиеся в живых в VI в. внезапно объединились в новый этнос, называвшийся тогда табгач (сяньбийское название), употреблявший китайский язык (отличавшийся от древнего) и принявший иноземную идеологию – буддизм. Это была великая эпоха Тан, положившая начало средневековому китайскому этносу, потерявшему самостоятельность только в XVII в., когда Китай завоевали маньчжуры. Но это новый цикл этногенеза, относящийся к Древнему Китаю, как Византия – к Древнему Риму [223, р. 96].

Из приведенного примера очевидна связь этноса с ландшафтом. Хунны, заняв долину Хуанхэ, пасли скот, китайцы засевали пашни и строили каналы, а хунно-китайские метисы, не имея навыков ни к скотоводству, ни к земледелию, хищнически обирали соседей и подданных, что привело к образованию залежных земель и восстановлению естественного биогенеза, хотя и обедненного за счет вырубки лесов и истребления копытных во время царских охот. Но уже в VII в. китайцы вернули себе утраченные земли и снова деформировали ландшафт путем интенсивного хищнического земледелия. Но об этом потом.

Контакты варваров и римлян

Сходную картину беспорядочного смешения этносов мы можем увидеть в ту же эпоху на западной окраине континента, где развалилась Римская империя. По этому поводу было высказано очень много суждений, но почти все они перекрываются знаменитым тезисом Э. Гиббона: «Эллинское общество, воплощенное в Римской империи, которая была в зените в эпоху Антонинов, низвергнуто одновременным падением двух врагов, напавших на нее на двух фронтах: североευропейскими варварами, вышедшими из пустынь за Дунаем и Рейном, и христианской церковью, возникшей в покоренных, но не ассимилированных восточных провинциях» [231, р. 260–261]. Посмотрим, прав ли он?

400-летняя война Римской империи с германцами, длившаяся с I по IV в., закончилась победой Рима. Ни рейнская, ни дунайская границы не были прорваны. Несколько пораже-

ний, нанесенных римлянам готами, и опустошение побережий Эгейского моря готским флотом были искуплены победами Феодосия. Рим потерял только зарейнские области Германии и добровольно очистил Дакию, но в этих странах италики селиться не хотели, а провинциалы попадали туда как ссыльные, интересы коих сенат и римский народ не волновали. Положение резко изменилось в V в., когда сопротивление иноземным вторжениям резко снизилось, но тогда Стилихон и Аэций одерживали победы над германцами и гуннами, пока их не убили сами римляне – интриганы и дегенераты в пурпуре и диадемах. Беда Рима была в нем самом, а не вне его. С этим согласен А. Тойнби [см.: Ibid, 231, р. 262].

Да и сами варвары не стремились к уничтожению культуры Рима. Король визиготов Атаульф, согласно его собственному признанию, «начал жизнь с жадной жаждой обращения всего римского домена в империю готов... со временем, однако, опыт убедил его, что... было бы преступлением изгонять управление закона из жизни государства, так как государство прекращает быть самим собой, если в нем прекращает править закон. Когда Атаульф осознал эту истину, он решил, что он добился бы славы... употребив жизненную силу готов для восстановления римского имени во всем, и, быть может, более чем во всем – его древнем величии» [цит. по: 231, с. 409–410]. Но если так, то почему же римская культура исчезла, а вместе с ней исчезли с этнической карты мира влюбленные в эту культуру мужественные и сильные готы?

То, что успехи германцев по времени совпали с торжеством христианства на всей территории Римской империи, как будто подтверждает пагубность этой доктрины для народа и государства. Эту концепцию выдвинули еще в 393 г. защитники язычества Евгений и Арбогаст, попытавшиеся восстановить в Капитолии алтарь Победы. Однако, как и в 312 г., христианские легионы оказались более стойкими. Вожди языческой армии героически погибли в бою, но тем самым показали, что перспектива развития не в том или ином исповедании веры, а в делах куда более земных. И самое интересное, что то же самое утверждают Отцы Церкви.

Блаженный Августин, или любой другой христианский мыслитель V в. мог бы сказать: «Не мы посоветовали императору Авреалину покинуть Дакию и пренебречь той политикой, которая возводила на границах сильные военные посты. Не мы посоветовали Каракалле возводить в звание римских граждан всякого рода людей или заставлять население переходить с места на место в усиленной погоне за военными и гражданскими должностями... Что же касается до чувства патриотизма, то разве оно не было разрушено вашими собственными императорами? Обращая в римских граждан галлов и египтян, африканцев и гуннов, испанцев и сирийцев, как могли они ожидать, что такая разноплеменная толпа будет верна интересам Рима, который завоевал их? Патриотизм зависит от сосредоточения, но не выносит разъединения». Блаженный Августин был бы прав, но немедленно возникает вопрос: а почему в христианских общинах, столь же разноплеменных, возникли жертвенность, чувство локтя, спайка и возможности развития?

Ответ прост: различия расовые не имеют решающего, да и вообще, как правило, большого значения, а различия этнические лежат в сфере поведения. Поведенческий стереотип христианских общин был строго регламентирован. Неофит был обязан его соблюдать или покинуть общину. Следовательно, уже во втором поколении на базе христианских консорций выковался субэтнос, гетерозиготный, но монолитный, тогда как в языческой, вернее – безрелигиозной, империи психологическая переплавка подданных не осуществлялась. Члены разных этносов сосуществовали в рамках единого общества, которое развалилось от собственной тяжести, ибо даже римское право было бессильно перед законами природы.

И не менее губительны были упомянутые Августином миграции населения внутри империи. Соотношение человека с природным окружением – ландшафтом – есть в каждом случае величина постоянная, определяемая адаптацией. Ландшафты Сирии и Британии, Гал-

лии и Фракии весьма различны. Следовательно, мигранты предпочитали жизнь в городах, где стены отделяли их от чуждой, непривычной и нелюбимой природы. Значит, отношение к природе у них было чисто потребительским, а проще сказать – хищническим. В результате были сведены $\frac{2}{3}$ лесов Галлии, буковые рощи Апеннин, выпажаны и обеспложены долины в горах Атласа, отданы в жертву козам холмы Эллады и Фригии. И самые губительные опустошения производили не сами военные трибуны, а их колонны, т. е. военнопленные, поселенные вдали от родины, чтобы затруднить им побег из неволи.

Иными словами, при неприкосновенности жестких социальных связей политической системы Римской империи этнические связи были разрушены полностью уже в IV в., а вторжение германцев в V в. усугубило этот процесс, ибо активная метисация, разъедающая этносы готов, бургундов и вандалов, вовлекла их в общий процесс распада. Там же, где в те же века сложился новый этнос, а это произошло на восточной окраине империи, видимо, действовал дополнительный «фактор икс», значение коего нам надлежит раскрыть.

Этносы всегда возникают из контактов

Чем же различаются суперэтносы и что мешает им сливаться друг с другом или наследовать богатства предшественников? Ведь этносы, находящиеся внутри суперэтноса, сливаются часто и беспрепятственно. Эту повышенную стойкость суперэтноса можно объяснить наличием этнических доминант, словесных выражений тех или иных идеалов, которые в каждом суперэтносе имеют единообразные значения и сходную смысловую динамику для всех этносов, входящих в данную систему. Сменить идеал можно только лицемерно, но тогда и слияние суперэтносов будет мнимым: каждый представитель разных суперэтносов в глубине души останется с тем, что представляется естественным и единственно правильным. Ведь идеал кажется его последователю не столько индикатором, сколько символом его жизнеутверждения. Итак, доминантой мы называем то явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой и т. п.), который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие.

Напомним, что феномен этноса – это и есть поведение особей, его составляющих. Иными словами, он не в телах людей, а в их поступках и взаимоотношениях. Следовательно, нет человека вне этноса, кроме новорожденного младенца. Каждый человек должен вести себя каким-то образом, и именно характер поведения определяет его этническую принадлежность. А раз так, то возникновение нового этноса есть создание нового стереотипа поведения, отличного от предшествовавшего. Вполне очевидно, что новый стереотип создают люди, но тут сразу возникают недоумения. Во-первых, сознательно или бессознательно действуют эти новаторы? Во-вторых, всегда ли новое бывает лучше старого? В-третьих, как им удалось сломить инерцию традиции, даже не в соплеменниках, а в самих себе, ибо они плоть от плоти прежнего этноса? Теоретически эти сомнения неразрешимы, но на выручку приходит материал из палеоэтнографических наблюдений, который позволяет сформулировать эмпирическое обобщение: каждый этнос появился из сочетания двух и более этнических субстратов, т. е. этносов, существовавших до него.

Так, современные испанцы сложились в этнос, носящий это название, относительно поздно – в Средние века, из сочетания древних иберов, кельтов, римских колонистов, германских племен: свевов и вестготов, к которым примешались баски – прямые потомки иберов, аланы – потомки сарматов и ближайшие родственники осетин, арабы-семиты, мавры и туареги-хамиты, норманны и каталонцы, частично сохранившие свое этническое своеобразие.

Англичане – сложный этнос из англов, саксов, кельтских женщин, мужья которых были убиты в боях, датчан, норвежцев и западных французов из Анжу и Пуату.

Великороссы включают в свой состав: восточных славян из Киевской Руси, западных славян – вятичей, финнов – меря, мурома, весь, заволоцкая чудь, угров, смешавшихся сперва с перечисленными финскими племенами, балтов – голядь, тюрок – крещеных половцев и татар и в небольшом числе монголов.

Древние китайцы – это смесь многих племен долины Хуанхэ, принадлежавших к различным антропологическим типам монголоидов и даже европеоидов – ди. Аналогичная картина – в Японии, где в глубокой древности спаялись в монолитный этнос высокорослые монголоиды, похожие на полинезийцев, приземистые монголоиды из Кореи, бородатые айны и выходцы из Китая.

Даже малочисленные и изолированные этносы, история коих тонет во мгле веков, сохраняют бывшие различия этнических субстратов в реликтовых антропологических и лингвистических чертах. Таковы эскимосы и жители острова Пасхи, мордва и марийцы, эвенки и патаны склонов Гиндукуша. Это показывает, что в древности они были сложносоставными этническими коллективами, а наблюдаемое ныне единообразие – плод длительных этногенетических процессов, сгладивших шероховатости разных традиций.

Но ведь это противоречит только что сделанным описаниям губительности смешений этносов, далеких друг от друга. А как первое наблюдение, так и второе – бесспорны! Может ли быть верным вывод, содержащий внутреннее противоречие? Только в одном случае: если мы недоучли какую-то очень важную деталь, какой-то «фактор икс», без раскрытия которого невозможно решить задачу. Поэтому двинемся дальше методом проб и ошибок, чтобы найти непротиворечивую версию, объясняющую все известные факты.

«Фактор икс»

Проверим еще одно предположение. Может быть, не длинный процесс, а мгновенный скачок является причиной образования нового этноса? Проверить это можно только на примерах новой истории, события которой описаны достаточно подробно. Обратимся к истории Латинской Америки. Испанские конкистадоры были жестоки в боях, но уже после буллы Павла III 1537 г. видели в индейцах не «низшую расу», а достойных противников. Уцелевших индейских вождей крестили и принимали в свою среду, а простых индейцев делали пеонами в асьендах. Так сложилось за 200 лет население Мексики и Перу, но в горах и тропических лесах сохранились чистые индейские племена. Работоторговля привела к появлению в Америке негров, а отсутствие предрассудков – к тому, что появились мулаты и самбо (потомство негров и индейцев). Когда же в начале XIX в. началась борьба за освобождение от метрополии – Испании, захваченной французами, то большинство руководителей повстанческого движения были не испанцы, а метисы и мулаты. Сам Боливар в 1819 г. высказался по этому поводу так: «Следует вспомнить, что наш народ не является ни европейским, ни североамериканским, он скорее являет собой смешение африканцев и американцев, нежели потомство европейцев, ибо даже сама Испания перестает относиться к Европе по своей африканской крови, по своим учреждениям и своему характеру. Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим. Большая часть индейского населения уничтожена, европейцы смешались с американцами, а последние – с индейцами и европейцами. Рожденные в лоне одной матери, но разные по крови и происхождению, наши отцы – иностранцы, люди с разным цветом кожи. Это различие чревато важными последствиями» [31, с. 83].

Этот народ, возникший на глазах историков, оказался весьма стойким и не похожим на другие, соседние народы. По всем внешним признакам – языку, культуре, религии и т. п. жители Венесуэлы и Колумбии были близки испанцам. В экономическом отношении они только проиграли, сменив в результате освободительной войны испанский протекционизм

на зависимость от английских и североамериканских торговых компаний. Война за независимость была такой ожесточенной, что унесла миллион жизней с малонаселенной территории – столько же, сколько все Наполеоновские войны в густонаселенной Европе. Но в глазах повстанцев все жертвы были оправданы тем, что они – не испанцы и, следовательно, должны жить отдельно. Любопытно, что в то же время индейцы поддерживали испанское правительство. Итак, смешанность происхождения не помеха для создания монолитных этносов.

Однако так ли это? Ведь известно, что у животных метисные формы часто нестойки и обычно лишены приобретенных способностей обоих родителей, восполняя это в первом поколении повышенным жизненным интересом, часто пропадающим в последующих поколениях. Потомки от смешанных браков либо возвращаются к одному из первоначальных типов (отцовскому или материнскому), либо вымирают, потому что адаптация к той или иной среде вырабатывается несколькими поколениями, она является традицией, смесь же двух традиций создает неустойчивость адаптации.

Да, так бывает в большинстве случаев, и, возможно, иногда – у человека, но если бы это было всегда, то ни одного нового этноса не возникло бы, и человечество, издавна практиковавшее смешанные браки, выродилось бы еще в период раннего неолита. На самом же деле вырождаются и исчезают с этнографической карты очень немногие этнические группы, а человечество как вид развивается столь интенсивно, что прирост населения сейчас называют демографическим взрывом. Очевидно, существует фактор, уравнивающий деструктивное влияние естественного отбора и стабилизирующую роль сигнальной наследственности или традиции. Это – «фактор икс», и он должен проявляться в изменениях поведения и восприниматься самими людьми как особенность психической структуры. Следовательно, это признак, возбуждающий и стимулирующий процессы этногенеза. Найдя «фактор икс» и раскрыв содержание искомого признака, мы уясним себе механизм развития процесса для каждого отдельного случая этногенеза и всех в совокупности.

Для достижения поставленной цели нам необходим обильный, проверенный и строго датированный материал всеобщей истории человечества. Если мы обработаем его при помощи приемов, принятых в естественных науках, то сможем получить данные для решения поставленной проблемы, а пока ограничимся ответами на недоумения, сформулированные выше:

1. Выдумать новый стереотип поведения нельзя, потому что если бы какой-нибудь чужак и поставил перед собой такую цель, то сам бы все-таки вел себя по-старому, по-привычному – как наиболее приспособленному к существующим условиям бытования этнического коллектива. Выйти из этноса – это то же, что вытащить себя из болота за собственные волосы; как известно, это проделал только барон Мюнхгаузен.

2. Поскольку новый стереотип поведения возникает в результате безотчетной деятельности людей, то бессмысленно ставить вопрос о том, лучше он или хуже. Шкалы для сравнения нет. Он просто иной.

3. Но если ломать бытующую традицию, выражающуюся в стереотипах поведения, невозможно, незачем, да и никто этого сознательно не хочет, то, видимо, это происходит в силу особого стечения обстоятельств. Каких? Вот на этот вопрос и надо найти ответ.

Часть третья

Этнос в истории, в которой изложены общепринятые способы изучения этнических явлений и показано, что искомый результат получен быть не может.

12. Мысли о всемирной истории

Два аспекта всемирной истории

История – наука о событиях в их связи и последовательности. Но событий очень много, и связи их у разных народов различны. Задача любой науки состоит в том, чтобы обозреть изучаемый предмет целиком, и история – не исключение. Следовательно, нужно найти удобную точку для обозрения, и тут возникает необходимость теории, предваряющей практику, т. е. выбор аспекта. Аспект изучения не вытекает из того или иного философского построения, он диктуется исключительно практическими соображениями, и мы относим его к области теории науки лишь потому, что выбор его определяется не накоплением материала, а целью, поставленной в начале исследования. Наша цель – понять всемирную историю как становление одной из оболочек Земли – этносферы.

В теории исторической мысли издавна сложились две концепции, бытующие и в наше время: всемирно-историческая и культурно-историческая. Первая трактует историю народов как единый процесс прогрессивного развития, более или менее захвативший все области, населенные людьми. Впервые она была сформулирована в Средние века как концепция «четырех империй» прошлого: Ассирийской, Персидской, Македонской, Римской и пятой – «Священной Римской империи германской нации», возглавившей вместе с папским престолом католическое единство, возникшее в Западной Европе на рубеже VIII–IX вв. (Chretiente).

«Прогрессом» при такой системе интерпретации событий считалось последовательное расширение территорий, подчинявшихся имперской власти. Когда же в XIV–XVI вв. Реформация разрушила идеологическое единство Западной Европы и подорвала политическую гегемонию императоров Габсбургской династии, всемирно-историческая концепция устояла и была просто несколько иначе сформулирована. Теперь прогрессивной была признана «цивилизация», под которой понималась культура опять-таки Западной, романо-германской Европы, причем бывшие «язычники» и «схизматики» были просто переименованы в «дикие» и «отсталые» народы. И тех и других даже пытались называть «неисторическими». Эта система, правильно именуемая «европоцентризмом», в XIX в. воспринималась, часто неосознанно, как сама собою подразумевающаяся и не требующая доказательств.

Культурно-историческая концепция была впервые декларирована Геродотом, который противопоставил Европу Азии. Под Европой он понимал систему эллинских полисов, а под Азией – персидскую монархию. Впоследствии сюда пришлось добавить Скифию и Эфиопию, которые равно не были похожи ни на Элладу, ни на Иран, и дальше список культурных регионов расширялся, пока вся ойкумена не оказалась расписанной на культурно-исторические области. Таковыми в Старом Свете в первом приближении считаются, кроме Западной Европы: Ближний Восток, или Левант, Индия, Китай, островная культурная область Тихого океана, Евразийская степная область, Африка южнее Сахары и циркумполярная область с рудиментарными этносами.

Основное отличие культурно-исторической школы от всемирно-исторической составляет постулат: каждая культурная область имеет свой путь развития, и следовательно, нельзя говорить об «отставании» или «застойности» неевропейских народов, а можно только отме-

тить их своеобразие. Крупнейшими представителями культурно-исторической школы в XIX в. были Ф. Ратцель, Н. Данилевский и К. Н. Леонтьев, а в XX в. – О. Шпенглер и А. Тойнби.

Почему я не согласен с А. Тойнби

Мы не будем углубляться в историю вопроса, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону. Но одного автора все-таки не следует исключать из рассмотрения. А. Тойнби предложил концепцию возникновения «цивилизаций», основанную на использовании географического источника. Вкратце она сводится к следующему.

Единицей истории считается «общество». «Общества» делятся на два разряда: «примитивные», не развивающиеся, и «цивилизации», которых 21 в 16 регионах. Следовательно, допускается, что на одной территории возникали последовательно две-три цивилизации, которые в таком случае именуются «дочерними». Таковы шумерская и вавилонская цивилизации в Месопотамии, минойская, эллинская и ортодоксальная христианская на Балканском полуострове, индийская (древняя) и индусская (средневековая) в Индостане. Кроме того, в особые разделы выделены «абортивные» цивилизации – ирландцы, скандинавы, центральноазиатские несториане, и «задержанные» – эскимосы, османы, кочевники Евразии, спартанцы и полинезийцы.

Согласно А. Тойнби, развитие обществ осуществляется через мимесис, т. е. подражание. В примитивных обществах подражают старикам и предкам, что делает эти общества статичными, а в «цивилизациях» – творческим личностям, что создает динамику развития. Поэтому главной проблемой истории является отыскание фактора динамизма, причем А. Тойнби отвергает расизм. Остается влияние географической среды, и тут Тойнби предлагает весьма оригинальное решение: «Человек достигает цивилизации не вследствие биологического дарования (наследственности) или легких условий географического окружения, а в ответ на вызов в ситуации особой трудности, воодушевляющей его на беспрецедентное до сих пор усилие» [231, р. 60].

Итак, талантливость и творческие способности рассматриваются как реактивное состояние организма на внешний возбудитель, в связи с чем одна из глав (VI) носит название «Достоинства несчастья». «Вызовы» делятся на три сорта.

1. Неблагоприятные природные условия, например болота в дельте Нила, – вызов для древних египтян; тропический лес Юкатана – вызов для майя; волны Эгейского моря – вызов для эллинов; леса и морозы – вызов для русских. По этой концепции английская культура должна быть порождением дождя и тумана, но этого Тойнби не утверждает.

2. Нападение иноземцев, что тоже можно рассматривать как момент географический (частичные миграции). Так, по А. Тойнби, Австрия потому перегнала в развитии Баварию и Баден, что на нее напали турки (р. 119). Однако турки напали сначала на Болгарию, Сербию и Венгрию, и те ответили на вызов капитуляцией, а Австрию отстояли гусары Яна Собесского. Пример говорит не в пользу концепции, а против нее.

3. Гниение предшествовавших цивилизаций – вызов, с которым надо бороться. Так, развал эллино-римской цивилизации будто бы «вызвал» византийскую и западноевропейскую цивилизации как реакцию на безобразия древних греков. Это тоже можно отнести к географическим условиям, взятым с учетом координаты времени (смены биоценоза), но, увы, разврат в Византии не уступал римскому, а между падением Западной Римской империи и созданием жизнеспособных феодальных королевств лежало свыше 300 лет. Реакция несколько запоздала.

Но самое важное – соотношение человека с ландшафтом – концепцией А. Тойнби не решено, а запутано. Тезис, согласно которому суровая природа стимулирует человека

к повышенной активности, с одной стороны, вариант географического детерминизма, а с другой – просто неверен. Климат около Киева, где сложилось древнерусское государство, отнюдь не тяжел. Заявление, что «господство над степью требует от кочевников так много энергии, что сверх этого ничего не остается» (р. 167–169), показывает неосведомленность автора. Алтай и Ононский бор, где сложились тюрки и монголы, – курортные места. Если море, омывающее Грецию и Скандинавию, – «вызов», то почему греки «давали на него ответ» только в VIII–VI вв. до н. э., а скандинавы – в IX–XII вв. н. э.? А в прочие эпохи не было ни победоносных эллинов, ни отчаянных хищных финикийцев, ни грозных викингов, а были ловцы губок или селедки? Шумеры сделали из Двуречья Эдем, «отделяя воду от суши», а турки все так запустили, что там опять образовалось болото, хотя, по А. Тойнби, они должны были ответить на «вызов» Тигра и Евфрата. Все неверно.

Не менее произвольной выглядит и географическая классификация цивилизации по регионам. У Тойнби в одну цивилизацию зачислены Византийская и Турецкая империи только потому, что они располагались на одной территории, причем не греки и албанцы, а османы почему-то объявлены «задержанными» (!). В «сирийскую цивилизацию» попали Иудейское царство, Ахеменидская империя и Арабский халифат, а Шумер и Вавилон разделены на материнскую и дочернюю. Очевидно, критерием классификации был произвол автора.

Я так подробно остановился на этом сюжете потому, что считал нужным показать, как легко скомпрометировать плодотворную научную идею слабой аргументацией и неудачным применением непродуманного принципа. Я сознательно не касаюсь социологических построений А. Тойнби, хотя они в меньшей мере противоречат хронологии и реальному ходу событий. Но это ясно большинству читателей, тогда как географическую концепцию «вызова и ответа» еще многие принимают всерьез. И самое досадное, что после таких опытов всегда появляется тенденция вообще отказаться от учета и рассмотрения данных географии, молчаливо считая природу стабильной величиной, не влияющей на исторические процессы. Развитие произвольно взятого постулата путем спекулятивных построений заводит науку в тупик.

Итак, оба подхода имеют некоторые достоинства и крупные недостатки. Последние особенно ощутимы при разработке нашей темы. Так, с точки зрения всемирно-исторической школы тюрко-монгольские народы и их специфическую кочевую культуру нельзя ни отнести к восточным цивилизациям, ни зачислить в разряд «дикарей». Следовательно, они выпадают из поля зрения историка-теоретика. Но так как тюрки и монголы весьма весомо заявили о своем значении в истории человечества, то неоднократно делались попытки рассматривать их как «варварскую периферию» Китая, Ирана и Византии, что давало уже при самой постановке проблемы картину столь искаженную, что для научного восприятия она просто не годится. Тупик!

Вместе с тем культурно-историческая школа, которая находит место для роли тюрков в истории человечества, не в состоянии дать объяснение внутренним закономерностям их исторического развития, потому что эти закономерности не только локальны, но и являются вариантом общечеловеческих. А без учета общего непонятны и частности, потому что при таком подходе они несопоставимы и несоизмеримы. В понимании истории человечества возникают неоправданные разрывы. Тоже тупик!

Почему я не согласен с И. И. Конрадом

Но, может быть, окажется правильным третий путь: взять из каждой концепции рациональное зерно и объединить их, чтобы получить максимальное приближение к цели. Например, предложено выделить переходные эпохи, выводящие из одной формации и подводящие

к другой: 1) время перехода от древнего общества к средневековому – эллинизм; 2) время перехода от Средневековья к Новому времени – Ренессанс; 3) время перехода от Нового времени к Новейшему – середина XIX в. В качестве индикатора привлекается история литературы: «...каждая (из трех эпох) открывается гениальным литературным произведением, возвестившим ее наступление. О первой возвестил трактат „О граде Божием” (Августин), о второй – „Божественная комедия”, о третьей – „Коммунистический манифест”» [132, с. 454].

Автор новой концепции весьма последователен. Он ищет аналогичные эпохи в развитии культуры внеевропейских стран, которые отнюдь не считает ни неполноценными, ни зависимыми в культурном отношении от Западной Европы. Он пишет: «Переход от древности к Средневековью у китайцев и иранцев также сопровождался революцией умов... тем, что в Китае суммарно называют даосизмом, в Иране – манихейством. Сюда присоединяется и внешний фактор: система идеологии, пришедшая извне. В Китае это был буддизм, в Иране – ислам» [там же, с. 455]. Так же прослеживается эпоха Возрождения или Обновления. В Китае это VIII в., в Средней Азии, Азии, Иране и Северо-Западной Индии – IX в., наконец, в Италии – XIII в. [там же, с. 457]. Третья переходная эпоха не освещена, что правильно, ибо она не закончена.

Мы выбрали это место из большой книги Н. И. Конрада лишь потому, что здесь идея автора выражена наиболее выпукло и четко. В других очерках Конрад прослеживает не только переходные периоды, но и устойчивые формы социального бытования, которые он называет устоявшимися терминами: Древность, Средневековье, Новое время [132, с. 33–53, с. 89–118]. Основное направление исторического процесса он видит в укрупнении народов и расширении ареала культуры, одновременно признавая полицентричность генезиса мировой цивилизации и наличие локальных черт в развитии народов [132, с. 454]. Казалось бы, выход из тупика найден, но присмотримся к принципиальной стороне тезиса, изложенного выше.

В концепции Н. И. Конрада бросается в глаза хронологическая несоразмерность переходных эпох. Эпоха эллинизма началась в IV в. до н. э. и действительно совпала с кризисом античного мировоззрения. Н. И. Конрад доводит этот «переходный период» до Августина, т. е. до V в. н. э. Итого – около 900 лет.

Эпоха Возрождения в Италии укладывается в 150–200 лет, третья переходная эпоха – в полвека. Невольно напрашивается мысль, что автору довлекла аберрация близости, т. е. явления близкие казались ему более значительными, чем явления далекие. Достаточно сравнить эллинизм с Возрождением, чтобы показать, что эти явления несоизмеримы, и даже больше – что это величины разного порядка. Попробуем пересмотреть проблему заново, не привлекая новых сведений (что будет сделано на своем месте), а ограничиваясь сопоставлением старых, бесспорных данных с новой, оригинальной идеей. Если последняя верна – совпадение неизбежно.

Об эллинизме

С 336 г. до н. э., т. е. с момента, когда Александр Македонский сокрушил гегемонию Фив, свободу Афин, величие Персии, независимость Индии и древнюю культуру Египта (воздвигнув Александрию), до сочинения «Божественной комедии» произошло следующее.

В Иран после недолгой македонской оккупации из приаральских степей пришли парфяне, сначала очарованные блеском эллинской культуры, а потом увлеченные глубинами зороастризма (250 г. до н. э. – 224 г. н. э.). Затем наступила иранская реакция, которую в наше время назвали бы национальной. Арташир Папаган сломил гегемонию аристократии и оперся на союз мелкого дворянства (дехкан) и духовенства (мобедов), используя пощаженных парфянских аристократов как конное войско.

В начале VI в. вельможа Маздак захватил власть, и началось истребление знати и духовенства, причем и те и другие представляли наиболее интеллектуальную часть населения. Переворот Хосрова Ануширвана в 530 г. положил конец реформе и связанным с ней экзекуциям, но привел к власти солдатчину, да-да, в полном смысле этого слова, ибо воины-профессионалы получали поденную плату. Солдатский вождь Бахрам Чубин в 590 г. овладел престолом, но против него поднялась вся земщина, и он был разбит.

Последний период (591–651) – неуклонное разложение культуры и государственной системы вплоть до арабского завоевания, повлекшего за собой эмиграцию и гибель всех грамотных и образованных персов, после чего начал складываться новый народ, с новой культурой и даже новым языком.

За описанный период в сфере культуры произошло пять изменений, каждое из которых по значительности внутри данной системы (в нашем случае иранской культуры) равно итальянскому Возрождению, хотя не похоже на него ни по генезису, ни по характеру и последствиям. 1. Эллинизация парфянских степняков, т. е. восприятие чуждой цивилизации. 2. Иранизация парфянской знати – попытка сближения с собственным народом. 3. Зороастрийская победа 224–226 гг. над парфянской аристократией – союз трона и алтаря. 4. Маздакизм. 5. Реакция митраизма, ибо армяне называли Бахрама Чубина «поклоняющийся Михру, мятежник». И на этом фоне – чуть заметное дуновение христианских и гностических идей, затронувших ничтожную часть рафинированной и неустойчивой интеллигенции.

Нет! Никак не могу поверить, что этот тысячелетний период напряженной творческой жизни был всего лишь переходным между македонской и арабской оккупациями. Для Ирана этот парфяносасанидский период с реминисценциями вроде восстания Сумбада Мага, Бабека, заговора Афшина и прочих проявлений антиарабской борьбы представляется равновеликим не итальянскому Возрождению, а всей романо-германской культуре Западной Европы, от Каролингов до Бонапартов. Тысяча лет равна тысяче лет, хотя сравниваемые культуры совсем не похожи друг на друга. Но именно «непохожесть», как и сходство, является одним из постулатов концепции Н. И. Конрада.

В Риме эллинизм можно отсчитывать от одной из двух дат: 1) от эпохи Двенадцати таблиц, когда группа изгнанников, обосновавшихся на семи холмах, организовалась по образцу греческого полиса. Но если так, то сюда попадает почти весь республиканский Рим, и, очевидно, для начала переходного периода эта дата не подходит; 2) культурная эллинизация Рима обычно приписывается деятельности кружка Сципионов во II в. до н. э. Так-то оно так, но Н. И. Конрад относит Римскую республику не к переходному периоду, а к утверждению рабовладельческой формации. Следовательно, для «переходного периода» остается только эпоха империи, охарактеризованная Н. И. Конрадом как «время зенита и вместе с тем распада» [132, с. 37]. Пусть так.

Но если так, то и тут мы можем и должны выделить несколько культурных и вместе с тем общественно-политических периодов, каждый из которых равновелик итальянскому Возрождению. Повторяю, равновеликость утверждается только по значимости для современников, а отнюдь не по сходству характера явлений.

Сами древние римляне отнюдь не рассматривали республику II–I вв. до н. э. как сложившуюся политическую форму. С убийства Тиберия Гракха в 133 г. до н. э. до гибели Антония в 30 г. до н. э. Рим не знал покоя. Гражданские войны так обескровили римский сенат и народ, что уцелевшие были рады любой твердой власти.

«Золотая посредственность», провозглашенная Октавианом Августом, явилась лозунгом политической стабилизации, укрепления военной мощи и обращения к прошлому за поучительными примерами. Продержалась эта система мировоззрения до смерти Марка Аврелия, т. е. около 200 лет. Если рассматривать деятельность Хань Юя и других конфуцианцев как «Возрождение» в Китае, то Плиния, Тита Ливия и Светония правильно и последо-

вательно охарактеризовать как «Возрождение древности» в самом Риме. Ведь мы так условились о термине.

Второй период – бурное завоевание Рима азиатскими культурами. Начиная с III в. здесь правили умами закрытая покрывалом Изида, Трижды величайший Гермес, Матерь богов – Кибела, очаровательница Астарта, и, наконец, всех победил солдатский бог Митра – непобедимое Солнце. От Аврелиана до Юлиана Апостата митраизм был государственной религией и официальным мировоззрением Римской империи. Этот переворот в культуре был куда значительнее гуманизма и даже Реформации. Ведь итальянцы и немцы в XVI в. остались добрыми христианами, изменив только эстетические и политические представления, да и то не радикально.

Но еще более грандиозным был третий сдвиг, охвативший все Средиземноморье в I–IV вв. н. э. Обычно его принято связывать с распространением христианства, но при этом упускается из виду, что христианство было лишь одной струей потока новых идей, захлестнувших Римскую империю. Одновременно с христианами проповедовали гностики египетские – Валентин и Василид, проклявшие Материю, сирийские – Сатурнин и Мани, уравнившие стихии Добра и Зла, офиты, почитавшие подателя мудрости Змея – противника злого демиурга Яхве, маркиониты, отрицавшие святость Ветхого Завета, оригенисты, настаивавшие на его символическом толковании, и, наконец, гностики, провозгласившие высший монизм – полноту всего сущего – Божественную Плерому. Ближе всех прочих к христианской теодицее Василия Великого и Григория Богослова и дальше всего от античного платонизма оказались неоплатоники, несмотря на то что они присвоили имя Платона для названия своего оригинального учения. Н. И. Конрад тонко отмечает, что «революция умов началась и развернулась на римском Востоке, но она захватила и греко-латинскую часть „римского круга земель“, в котором шел свой кризис старого сложившегося мировоззрения» [132, с. 455].

Это справедливо, но тогда эта стихия для истории культуры Европы не может рассматриваться как переходный период. В самом деле, какое отношение имело христианство или манихейство к рационалистическим рассуждениям Сенеки, кровавым мистериям Аврелиана в митреумах или оргиастическим развлечениям Гелиогабала? Новая творческая струя мировоззрения равно отвергла и то и другое. Она смела обветшавшую античную мысль, а не продолжила ее. Иными словами, тут не «переходный период», а обрыв старой традиции и создание новой.

Христианская и манихейская церкви проявили неуживчивость, удивившую современников, но логически вытекавшую из ощущения полного разрыва с античным прошлым. Даже когда император Константин решил сдать все позиции язычества, перед христианской общиной встала только одна дилемма: допустить ли владыку мира к себе в чине диакона, чтобы он имел право голоса в церковных делах, или оставить его мирянином, чего требовал карфагенянин Донат, говоря: «Какое дело императору до церкви?» И на этом фоне уже в V в., когда империю рвали на куски варвары, жил, творил и действовал Блаженный Августин, сначала манихей, потом христианин, талантливый писатель и великий спорщик. Необходимо заметить, что главные идеи Августина явились предвозвестием не католической, а еретической мысли. Тезис о предопределении, фактически аннулировавший католическую догму о свободной воле человека, перекладывал всю ответственность за безобразия, происходящие в мире, на Создателя. Этот тезис Августина был использован и развит Жаном Кальвином тысячу лет спустя, но в Средние века не котировался.

В отличие от Данте, который не оспаривал бытовавших в его время идей, но был весьма недоволен своими современниками, Августин всю силу своего таланта истратил на полемику и с воззрениями бывших единомышленников – манихеев, и с гуманной концепцией британского монаха Пелагия. Пелагий проповедовал, что греховность человека есть резуль-

тат его дурных поступков и, следовательно, добрый язычник лучше злого христианина. Августин выдвинул тезис о первородном грехе, а тем самым объявил неполноценными всех язычников и обосновал теоретически религиозную нетерпимость. В ближайшие пять веков эта идея не получала распространения, тогда как стихи Данте были признаны непревзойденными еще при жизни поэта и принесли ему заслуженную славу. Нет, ни по исторической роли, ни по резонансу, ни по личным качествам Августин и Данте Алигьери несхожи, а еще более несхожи периоды, в которые они жили и творили. И уж если кто похож на Данте, это великий поэт и обличитель безобразий Иоанн Златоуст. Но если принять эту поправку, то и дальнейшие рассуждения будут иными. Этот новый путь представляется более плодотворным, хотя, впрочем, будет восприниматься несколько неожиданно.

О Византии

Вспомним, что описанное нами направление, которое можно назвать раннехристианским, или – условно – византийским (отнюдь не в политическом, а только в «культурном» смысле слова), в светской истории зафиксировано лишь в середине II в., т. е. на 150 лет позже, чем в истории церкви. Именно тогда состоялся знаменитый диспут между римскими философами и христианским апологетом Юстином, который, выиграв спор, заплатил за победу мученической смертью. Если начать отсчет от этой даты, удобной потому, что она не вызывает сомнений и споров, то окажется, что новое направление мысли к концу IV в. (после отступничества Юлиана) распространилось не только по всей территории Римской империи, но и за ее пределами. Оно дало отростки: западный – в Ирландии, южный – в Эфиопии, восточный – в Средней Азии, северный – в России, вернее, у готов Приднестровья.

Не связанные политически с главным стволом культуры – Византийской империей в собственном смысле слова, периферийные христианские культуры сами ощущали себя как целостность, так же, как уже описанный Иран, как греко-римский мир и впоследствии западноевропейский *Chretiené*, несмотря на то что в заевфратской Азии господствовало несторианство, а в Сирии, Армении и Африке – монофизитство.

Византийская культура имела свой период Возрождения эллинской древности, когда греческий язык вытеснил латинский из государственного управления (при императоре Маврикии), и свою Реформацию – иконоборчество, и свою эпоху Просвещения – при Македонской династии. И агония очагов этой культуры наступила почти одновременно: в XIII в. пала Ирландия, были разгромлены центральноазиатские несториане, Константинополь стал на время добычей хищных крестоносцев, а Абиссиния превратилась в горную крепость, окруженную галласами и сомалийцами, обратившимися в ислам. Судорожная попытка Никейской империи отстоять свои позиции продлила агонию на 100 лет, но уже в середине XIV в. Палеологи вынуждены были принять унию, что означало полное подчинение Западу, т. е. той вновь образовавшейся культурной целостности, которая возникла на основе завоеваний Карла Великого. Именно эту целостность было принято в европейской историографии рассматривать как продолжение античной культуры, что отразилось даже на составлении школьных учебников, но думается, что тысячелетний период, отделяющий Античность от ее Возрождения, правильнее рассматривать как самостоятельный раздел истории культуры, нежели как переходный период, тем более что католические рыцари и прелаты не унаследовали достояние византийской культуры в ее греческом и ирландском вариантах, а просто испепелили его.

Но если так, то Возрождение в Европе следует отнести к той же линии закономерности и последовательности событий, что и Крестовые походы, предшествовавшие ему, и колониальные захваты, последовавшие за ним. Да, именно так!

Западноевропейская культура с момента своего возникновения стремилась к расширению. Потомки баронов Карла Великого покорили западных славян, англосаксов, кельтов, вытеснили с Пиренейского полуострова арабов и перенесли войну против мусульман в бассейн Индийского океана. Потомки средневековых бюргеров захватили Америку, Австралию и Южную Африку. Те и другие завоевали Индию, Тропическую Африку, Южную Америку, Полинезию и т. д. Это было расширение в пространстве. А гуманисты?.. Они были движимы тем же стимулом приобретательства. Но их экспансия развивалась во времени. Они задались целью оккупировать прошлое, причем не свое, а чужое. И цели этой они достигли. Плодом их усилий стала всемирная история на филологической базе – явление, не имеющее аналогов в других культурах, ибо везде, как правило, история – это описание своих собственных предков, т. е. абсолютизированная генеалогия. Но если так, то «китайское Возрождение» должно иметь принципиальные отличия от европейского, а черты сходства следует считать случайным совпадением. Н. И. Конрад держится обратной точки зрения, и для решения этой кардинальной проблемы придется обратиться к истории Восточной Азии.

О Китае

Для начала отметим, что в Восточной Азии расположены две этноландшафтные области: земледельческая – Китай и кочевая – Центральная Азия с Тибетским нагорьем. Несмотря на густую населенность Китая и малочисленность степняков – тюрок и монголов, эти культурные регионы взаимодействовали на равных основаниях на протяжении всего исторического периода. Без учета этой непрекращавшейся борьбы история Азии всегда будет неверно истолкована.

В прошлом веке бытовало, как само собой разумеющееся, мнение о том, что китайская культура стабильна или застойна, а развитие с падениями и взлетами – достояние Западной Европы. Эта концепция – пример аберрации дальности, при которой, например, солнце может показаться меньше пятака. При достаточно подробном изучении китайской истории эта аберрация исчезает, как дым, и становится очевидно, что разрывы традиции и эпохи обскурации на Востоке и Западе проходили единообразно. Дискретность исторического развития отметили два великих историка древности Полибий и Сыма Цянь, и оба предложили объяснения наблюдаемых явлений исходя из уровня развития науки их времени [132, с. 54–88]. Сыма Цянь писал свои «Исторические записки» в I в. до н. э., но уже отметил период, который был для него античностью, т. е. прошлым с оборванной традицией. Античность для Сыма Цяня – это эпоха трех первых династий: Ся, Инь и Чжоу, за падением Чжоу следовал политический и культурный распад. «Путь трех царств оказался подобным круговороту: он кончился и снова начался» [там же, с. 76]. Это, конечно, не значит, что династия Хань буквально повторила древность. Нет, она оказалась явлением вполне самостоятельным, со своими локальными чертами. Единообразна, по мнению Сыма Цяня, была не реальная действительность, а внутренняя закономерность явлений, которую он считал естественным законом истории.

Открытая историком закономерность не только объясняла прошлое, но и позволяла делать прогнозы. Если архаический Китай развалился вследствие неизбежных внутренних ритмов, то и современный Сыма Цяню, а для нас – Древний Китай, т. е. империя Хань, не мог избежать той же судьбы. Конечно, Сыма Цянь не мог предсказать деталей гибели своей страны, но результат должен был быть однозначным. Так оно и получилось. В III в. гражданская война обескровила Китай, а в 312 г. столица Поднебесной империи была взята приступом немногочисленными ополчениями хуннов, вслед за тем подчинившими себе все исконные ханьские земли в бассейне Хуанхэ. Наиболее упорные китайские патриоты бежали на иноподданную окраину – в бассейн Янцзы, а агония древнекитайской культуры длилась

там еще около 250 лет, т. е. почти вдвое дольше, чем аналогичная агония Рима. А на родине китайского народа все это время свирепствовали кочевники и горцы, хунны, табгачи и кяны (тибетцы).

Новый подъем Китая начался в VI в. Вождь китайских ультрапатриотов полководец Ян Цзянь расправился с потомками выродившихся кочевых принцев и основал династию Суй. Это была «утренняя заря» средневекового Китая, «вечерняя» же наступила в XVII в., когда маньчжуры победили и войска династии Мин, и крестьянские ополчения повстанца Ли Цзычэна. И тогда начался период упадка, который непроницательные европейские ученые сочли постоянным состоянием Китая и окрестили «застоем». Прогноз концепции Сыма Цяня подтвердился.

Однако на Востоке, по сравнению с Западом, была одна особенность, обеспечивавшая относительно большую преемственность культур: иероглифическая письменность. Несмотря на ее недостатки сравнительно с алфавитной, она имеет то преимущество, что семантеры продолжают быть понятны и при смене фонетики развивающегося языка, и при изменении идеологических представлений. Небольшое число китайцев, овладевших грамотой, читали Конфуция и Лао-цзы и чувствовали на себе обаяние их мыслей гораздо больше, чем средневековые монахи, штудировавшие Библию, ибо слова меняют смысл в зависимости: а) от перевода; б) интонации; в) эрудиции читателя и г) от его системы ассоциаций. Иероглифы же однозначны, как математические символы. Поэтому разрывы между культурами внутри Китая были несколько меньше, чем между античной (греко-римской) и средневековой (романо-германской) культурами или между среднеперсидской и арабской, т. е. мусульманской, и т. д.

Это обстоятельство отразилось на истории Китая, как политической, так и идеологической. Особенно важно, что именно эта внешняя черта сходства ввела в заблуждение тех историков, которые постулировали застойность Китая, принимая за нее консервативность иероглифической письменности. На самом деле история Китая развивалась не менее интенсивно, чем история стран Средиземноморского бассейна. Но чтобы увидеть эту страстную напряженность жизни этносов, возникших и пропадавших на территории Китая, надо оторваться от любования предметами искусства и зигзагами абстрактной мысли и последовательно проследить перипетии тысячелетней войны на рубеже Великой стены с кочевниками Великой степи. Этой теме целиком посвящена наша «Степная трилогия».

13. Мысли об этнической истории

Принцип неопределенности в этнологии

Казалось бы, все приведенные выше примеры доказывают правильность культурно-исторической школы, однако в них самих имеется одна деталь, указывающая на правильность и обратной точки зрения. Ведь все разобранные нами «культуры», несмотря на локальные особенности, развивались и гибли настолько единообразно, что здесь нельзя не усмотреть общего диалектического процесса.

Но коль скоро так, то мы не только не решили поставленную задачу, но даже усложнили ее. Неужели опять тупик? Нет, путь вперед есть, и он откроется нам, как только мы обратимся за аналогиями к другим наукам. Начиная с XVII в. в физике дебатировался вопрос – состоит ли свет из частиц (корпускул) или представляет собой волны в эфире? Обе концепции имели столь серьезные недостатки, что ни одна из них не могла возобладать. Спор был разрешен лишь в середине 20-х годов XX в. с появлением квантовой механики. Современные физики считают, что свет – не волна, не частица, а то и другое одновременно и

может проявлять обе группы свойств. На этой основе был сформулирован широко известный принцип неопределенности, согласно которому при наличии двух сопряженных физических переменных (например, импульса и координаты или энергии и времени) может быть установлено значение той или другой, а не обеих вместе.

В этнических феноменах тоже налицо две формы движения – социальная и биологическая. Следовательно, тем или иным способом в том или ином аспекте исследования может быть описана либо та, либо другая сторона сложного явления. При этом точность описания и его многосторонность взаимно исключают друг друга. Отметив это, применим принцип неопределенности к нашему материалу.

Прежде всего сменим аспект: вместо объединения методов обеих школ разграничим сферы их применения. Ясно, что наблюдаемые непосредственно исторические явления группируются по культурно-историческому принципу, а всемирно-историческая схема для фактов – прокрустово ложе. Но также ясно, что сущность явлений, недоступная визуальному наблюдению, при отсеивании локальных черт подлежит компетенции всемирно-исторической концепции, а отмечаемая и доказанная культурно-исторической школой дискретность (прерывность) развития – просто одно из свойств единого, но очень сложного процесса.

Затем изменим подход. В прошлом веке история изучалась двояко: в гимназиях совместно с географией, в университетах – с филологией. В наше время второй способ восприятия предмета возобладавал, и во главу угла стало ставиться источниковедение. Однако тут есть большая опасность: историк рискует оказаться в плену у автора источника и может попросту начать пересказывать прочитанное, стараясь передать его содержание как можно ближе к тексту. Но ведь древний автор руководствовался идеями, для нас неприемлемыми, и его читатели, имея иную, чем мы, систему ассоциаций, воспринимали написанное им не так, как читатель нашего времени. Это значит, что если бы Геродот или Рашид ад-Дин писали для нас, то они те же мысли подали бы иначе. А при буквальной передаче текста мы не улавливаем того смысла, ради которого текст был написан. И наконец, автор древнего источника, естественно, опускал истины банальные, общеизвестные в его время. Но нам-то именно они неизвестны и особенно интересны. Поэтому каждый источник для потомков – криптограмма, и восстановление его истинного смысла – дело трудное и не всегда выполнимое. Достаточно вспомнить споры вокруг «Слова о полку Игореве». И нет никакой гарантии, что к существующим ныне гипотетическим интерпретациям не прибавятся еще несколько, столь же обоснованных и убедительных. Короче, для нашей постановки проблемы источниковедение – это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче – осмыслению исторического процесса.

Другое дело – гимназическая методика. Возьмем из источников то, что там бесспорно – голые, немые факты, и наложим их на канву времени и пространства. Так поступают все естественники, добывающие материалы из непосредственных наблюдений природы. И тогда окажется, что факты, отслоенные от текстов, имеют свою внутреннюю логику, подчиняются статистическим закономерностям, группируются по степени сходства и различия, благодаря чему становится возможным их изучение путем сравнительного метода.

Этот подход целесообразен потому, что позволит осмыслить уже нашупанный эталон исторического бытия – историческую целостность, но чего?.. Теперь можно ответить: цепи событий и явлений, где связь между звеньями осуществляется через каузальность. Прямое наблюдение показывает, что эти цепочки имеют начала и концы, т. е. здесь имеет место вспышка с инерцией, затухающей от сопротивления среды. Вот механизм, объясняющий все бесспорные наблюдения и обобщения культурно-исторической школы.

Однако откуда берутся вспышки и почему инерционные процессы так удивительно похожи друг на друга? На этот вопрос должна ответить всемирно-историческая концепция, но, увы, те средства, которые имеются у исторической науки, дают возможность только опи-

сать его. Для гуманитарной науки описание – предел, а истолкование путем спекулятивной философии в наше время не удовлетворит никого. Остается перейти полностью на базу естественных наук и поставить вопрос о наполнении понятия «культура» (та или иная), о той материальной субстанции, которая претерпевает описанные изменения.

Две системы отсчета

Первое, что приходит в голову, самое простое и доступное объяснение наблюдаемого факта, – это попытка сопоставить его с той или иной формацией, основанной на том или ином способе производства. По этому пути пошел Н. И. Конрад, дефинировавший следующие положения: «Рабовладельческая формация характеризуется не рабством как таковым, а общественным строем, в котором рабский труд играет роль способа производства, определяющего экономическую основу общественного бытия на данном этапе истории народа» [132, с. 33]. Этот этап он последовательно сопоставляет с Античностью или древней историей всего мира.

С такой же легкостью дефинируется понятие «Средние века» – как «период становления, утверждения и расцвета феодализма», и опять-таки для всей ойкумены. Новым тут является только попытка распространить социально-экономические категории на сферу закономерностей или причинно-следственных связей цепочек событий, а это неверно, и вот почему. Теория исторического материализма была создана специально для того, чтобы отразить прогрессивное развитие общества по спирали, а вовсе не для того, чтобы истолковывать смены династий, военные успехи, распространение эпидемических заболеваний или нюансы религиозных концепций.

В общественном развитии есть своя логика, в последовательности событий – своя. Между обеими системами есть взаимосвязь и даже обратная связь, но именно ее наличие показывает, что тут не одна система отсчета, а по меньшей мере две. Поэтому часто наблюдается, что одна «культура» лежит и в двух или трех формациях, а иногда в одной, как мы показали выше, при анализе так называемых «переходных периодов». Затем, «культур» гораздо больше, чем формаций, что тоже говорит о несовпадении этих понятий. И, самое главное, обе системы отсчета не противоречат друг другу, а дополняют одна другую.

Поясняю. Черты рабовладельческой формации, отмеченные в Египте, Вавилоне, Элладе, Индии и Китае, дают основание зачислить эти общества в одну таксономическую группу, но ни в коем случае не позволяют утверждать их генетическую преемственность или реально бытовавшую взаимосвязь. Зато как «культура» каждое из перечисленных государств взаимодействует с соседями, стоявшими на совсем иных ступенях общественного развития. Например, такие рабовладельческие центры, как Афины и Коринф, составляли одно целое с земледельческими Фивами, скотоводческой Этолией и Фессалией и даже с Эпиром и Македонией, где наличествовал разлагающийся родовой строй. Но все вместе – это Эллада, которую сами древние греки считали целостностью. Но чего?

То же самое в Древнем Китае! Еще в эпоху «войны царств» окраинные государства Цинь и Чу подчинили себе разрозненные племена лесовиков в Сычуани и Юго-Восточном Китае, в том числе протомалайский этнос юе. Социальный строй у них и китайцев был разным, а историческая судьба общей. Поэтому их следует зачислять в разные формации, но в одну целостность – ханьскую. Зато хунны, сумевшие отстоять свою землю от китайской агрессии, и в том и другом аспекте – народ, отличный от китайцев. Правильнее всего отнести их к кочевой целостности Евразии вместе с усунями, полукочевыми ди, полuosедлыми сарматами и земледельцами-динлинами, несмотря на то что и в расовом, и в лингвистическом отношении эти народы отличались друг от друга. Так почему они – целостность?

Оставим этот вопрос открытым, с тем чтобы ответить на него в конце нашего исследования. Ведь ради таких ответов оно и предпринято. А пока ограничимся тем, что заметим различие в системах отсчета, социальной и этнической, и обратимся к проблеме культурных процессов, ибо неоднократно возникала тенденция найти решение проблем этногенеза в истории материальной и духовной культуры.

История культуры и этногенез

Можно подумать, что поскольку деятельность этноса воплощается в произведениях его рук и ума, т. е. в культуре, то, изучая историю локальных культур, мы заодно постигаем историю создавших их этносов, а тем самым и этногенез.

Если бы это было верно, то задача исследователя весьма упростилась бы, но, увы, хотя такая связь между этногенезом, историей этносов и историей культур есть, но она осложнена сопутствующими явлениями, во всех трех случаях различными. Начнем с истории культуры – как видимой без применения специальных приемов исторического синтеза.

Совпадают ли понятия культуры и этноса или даже суперэтноса? Как правило, нет, за исключением частных случаев, подтверждающих правило. Яснее всего это видно на простом, общеизвестном примере – Элладе.

Культура эллинских полисов, как материковой Греции, так и колоний, еще в классический период VI–IV вв. до н. э. распространилась на неэллинские земли, например Македонию, принявшую на себя при Александре роль вождя и защитника «эллинского дела». Последующее распространение эллинской культуры охватило страны и народы Ближнего Востока, Египта, Средней Азии и Индии, завоеванных македонянами, а также Лациума, воспринявшего эллинскую культуру из Афин путем заимствования. Это так называемый «эллинизм», т. е. образование грандиозного суперэтноса.

Однако не все этносы, воспринявшие эллинскую культуру, вошли в этот суперэтнос. Парфяне научились говорить по-гречески, ставили при дворе своих царей трагедии Еврипида, укрепляли свои города по планам эллинских зодчих и украшали их статуями, подобными афинским и милетским, но остались «туранцами»²⁶, владыками Ирана, врагами македонян – сирийских Селевкидов. Карфаген организовался по типу эллинского полиса, но его жители, в отличие от сирийцев и малоазиатов, не сделались похожими на греков. А вот римляне, завоевав Элладу, стали наследниками и хранителями ее культуры, сохранив свои этнические черты как местные особенности. И они же передали эллинскую культуру всем своим провинциям, а после падения политической мощи Рима – европейским романским и отчасти германским этносам.

Таким образом, изучая историю культуры, мы видим непрерывную линию традиции, постоянно перехлестывающую этнические границы. Потомки германцев и славян усвоили геометрию, идеалистические философские системы Платона и Аристотеля, медицину Гипократа, строительное искусство – классицизм, театр, литературные жанры, юридические нормы – римское право и даже мифологию, хотя и заставили древних богов выступать не в мистериях, а в оперетте. Но ведь эллинов и римлян давно нет. Значит, великая культура пережила создавший ее этнос. Как в пространстве, так и во времени несовпадение очевидно.

Однако правомерно ли применять термин «переживание» культуры, несмотря на всю его привычность? Культура – это создание людей, будь то изделие техники, шедевр искусства, философская система, политическая доктрина, научная концепция или просто легенда о веках минувших. Культура существует, но не живет, ибо без введения в нее творческой энергии людей она может либо сохраняться, либо разрушаться. Но эта «нежить» влияет на

²⁶ Противопоставление Ирана Турану, т. е. оседлых арийцев, принявших зороастризм, степным арийцам, сохранившим культ дэвов, не потеряло значения вплоть до арабского завоевания VII в.

сознание своих создателей, лепит из него причудливые формы и затем штампует их до тех пор, пока потомки не перестают ее воспринимать. Последнее же принято называть «одичанием», а не освобождением от устаревших, потерявших значение норм древних мировоззрений, скомпрометировавших себя, как олимпийские боги в Римской империи. Уже в I в. до н. э. в этих богов не верил никто, хотя их статуи торчали на всех перекрестках. Эллина и римляне, соблюдавшие разнообразные приметы, приравнявшие своих полководцев к богам исключительно из подхалимства перед силой и властью, циники и лицемеры, тем не менее сохраняли пустующие капища, ибо ужас перед потерей культуры был сильнее презрения к ней. Каким-то шестым чувством люди угадывали: культура тягостна, но жить без нее нельзя. И потому самый глубокий упадок не снижал уровень культуры до нуля. А с течением времени начинался новый подъем... Нет, не древней культуры, а нового этноса, который подбирал с земли старые обломки и приспособлял их к своим нуждам, создавая из них новые орудия. Вот какова схема трансформации культуры.

А этногенез?.. Это то условие, без которого создание или восстановление культуры невозможно. Ведь культуры – дело рук людей, а в нашем мире нет человека без этноса. Создание же этноса и его развитие, т. е. этногенез, – это как бы подключение тока к остановившемуся мотору, после чего он снова начинает работать.

Этногенез – процесс природный, следовательно, независимый от ситуации, сложившейся в результате становления культуры. Он может начаться в любой момент; и если на его пути оказывается преграда из действующей культурной целостности, он ее сломает или об нее разобьется. Если же он начинается тогда, когда «земля лежит под паром», возникающий этнос создает свою культуру – как способ своего существования и развития. В обоих случаях порыв – это слепая сила природной энергии, не управляемая ничьим сознанием. Такое решение проблемы непротиворечиво вытекает из принципов, изложенных выше.

Однако существует иная точка зрения: «...Социальные факторы, образующие этнос, этническое самосознание в том числе, ведут к появлению сопряженной с ним популяции, т. е. перед нами картина, прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев» [37, с. 122–123]. Таким образом, дискуссия о том, лежит ли бытие в основе сознания, или, напротив, сознание – в основе бытия? Действительно, при такой постановке вопроса предмет для спора есть. Разберемся.

Каждый ученый имеет право выбрать для своего логического построения любой постулат, даже такой, согласно которому реальное бытие этноса не только определяется, но и порождается его сознанием. Правда, его мнение не смогут принять ни верующие христиане, ни материалисты. Поскольку акт творения материальной реальности приписан человеческому сознанию, поставленному выше Творца мира или на его место, то с этим не согласятся христиане. А философы-материалисты не примут тезиса о первичности сознания.

Но даже ученые-эмпирики не имеют права на согласие с вышеприведенным тезисом, ибо он нарушает закон сохранения энергии. Ведь этногенез – это процесс, проявляющийся в работе (в физическом смысле). Совершаются походы, строятся храмы и дворцы, реконструируются ландшафты, подавляются несогласные внутри и вне создающейся системы. А для совершения работы нужна энергия, самая обычная, измеряемая килограмм-метрами или калориями. Считать же, что сознание, пусть даже этническое, может быть генератором энергии – это значит допускать реальность телекинеза, что уместно только в фантастике.

Поясню. Каменные блоки на вершину пирамиды были подняты не этническим самосознанием, а мускульной силой египетских рабочих по принципу «раз-два – взяли». И если канат тянули, кроме египтян, ливийцы, нубийцы, хананеяне... от этого дело не менялось. Роль сознания, и в данном случае не этнического, а личного – инженера-строителя, была в координации имевшихся в его распоряжении сил, а различие между управлением процессом и энергией, благодаря которой процесс идет, очевидно.

Сочетание разнообразных этногенезов с социальными процессами на фоне разных культур, унаследованных от эпох минувших, и ландшафтов, дающих людям пищу, тоже многообразную, создает этнические истории, причудливо переплетающиеся друг с другом. В отличие от этногенеза этническая история – процесс многофакторный, испытывающий разные воздействия и чутко на них реагирующий. Вместе с тем этническая история не столь наглядна, как история культур и государств, социальных институтов и классовой борьбы, так как события, связанные со сменой фаз этногенеза, источниками не фиксируются. Иными словами, этническая история – это та историческая дисциплина, которая ближе, чем любая иная, к географии биосферы, что и определяет пестроту, которую отметил еще Р. Груссе. Он сравнил историческую панораму середины XX в. со звездным небом, где мы наблюдаем звезды, давно потухшие, но свет которых только теперь дошел до Земли, и не видим сверхновых, чьи лучи еще несутся в космических пространствах и, соответственно, не воспринимаются земными обсерваториями. Продолжая уподобление, Р. Груссе считает страны ислама находящимися в возрасте, аналогичном европейскому XIV веку, – Треченто. Вторжение немцев во Францию в 1940 г. он сравнивает с походами Алариха и Гензериха в V в., японские войска называет самураями, переодетыми в современную униформу. Скандинавия, напротив, по его мнению, находится в будущем, в преддверии XXI в. Отсюда видно, что Р. Груссе не имел в поле зрения ни социальных, ни этнических процессов, а только их декоративную сторону, т. е. культурные коллизии.

Но если даже в XX в., в условиях уравнивающей урбанистической цивилизации, французский ориенталист обнаружил столь грандиозные несоответствия, то в другие эпохи, когда они были менее сглажены общей техносферой, значение их было еще большим. Р. Груссе считает, что «большая часть наших бед произошла от того, что народы, живя в одну эпоху, не подчинялись ни общей логике, ни единой морали» [221, р. 103–104]. Неравномерность этнического развития Р. Груссе считает причиной многих войн и таких чудовищных злодеяний, как немецкие концентрационные лагеря. Действительно, для того чтобы совершать столь страшные поступки, не оправданные реальной государственной необходимостью, без мучительных угрызений совести, нужно иметь такую психическую структуру, которую можно представить только в виде патологии. Но это не случайные индивидуальные отклонения, а этнические, касающиеся устойчивых настроений масс. Значит, это фаза этногенеза, несовместимая с той, от которой берется исходная точка отсчета, принятая нами за норму. Но ведь если начать отсчет с другой стороны, то патологией покажется то, что мы считаем нормальным.

Но если так, то надлежит найти какой-то эталон для измерения этнической истории, подобный тому, каким являются общественно-экономические формации для истории социальной. Однако задача осложнена тем, что на пути к ее решению лежит дополнительная трудность: соотношение этноса с вмещающей его географической средой, которая тоже изменяется, иногда даже быстрее, чем сам этнос. Тут Каллиопа бессильна и должна просить помощи у своей сестры Урании.

Урания и Клио

Применение географии к решению отдельных проблем встречало и продолжает встречать то полное сочувствие, то злобные нарекания. С одной стороны, очевидно, что сухая степь дает для создания хозяйства и культуры не те возможности, что тропические джунгли, а с другой – такой подход именуется «географическим детерминизмом». Для начала внесем ясность. Видные мыслители XVII–XVIII вв. Боден, Монтескье и Гердер в согласии с научным уровнем их эпохи предполагали, что все проявления человеческой деятельности, в том числе культура, психологический склад, форма правления и т. п., определяются природой

стран, населенных разными народами. Эту точку зрения в наше время не разделяет никто, но и обратная концепция – «географический нигилизм» [120], вообще отрицающий значение географической среды для истории этноса, не лучше.

Но попробуем поставить проблему иначе. То, что географическая среда не влияет на смену социально-экономических формаций, бесспорно, но могут ли вековые засухи или трансгрессии внутренних морей (Каспия) не воздействовать на хозяйство затронутых ими регионов? [подробнее см.: 79]. Например, подъем уровня Каспийского моря в VI–XIV вв. на 18 м не очень повлиял на южные, горные берега, но на севере огромная населенная площадь Хазарии оказалась затопленной. Это бедствие так подорвало хозяйство Хазарии, что, с одной стороны, заставило хазар покинуть родину и расселяться по Дону и Средней Волге, а с другой – повело к разгрому Хазарского каганата в 965 г. русскими [72]. И аналогичных случаев в истории множество.

Казалось бы, надо просто определить компетенцию физической географии в этнической истории, но вместо этого идут бесплодные упреки в «географическом детерминизме», под которым начинают понимать даже просто хорошее знание географии. На причины этого печального положения указал историк географии В. К. Яценский: «Историки слабо знакомы с географией, и наоборот» [220, с. 21]. И это еще не беда! Куда хуже, когда «географ, как только он покидает область географического исследования и начинает заниматься историей, перестает быть естествоиспытателем и сам становится историком» [там же, с. 27]. Заведомо ясно, что тут удачи быть не может, как и в обратном случае. Таким образом «открывается» корень неудач: постановка проблем и методика исследования не разработаны. Значит, следует этим заняться.

То, что для историка – завершение его работы, для этнолога и географа – отправная точка. Затем нужно исключить те события, причины которых известны и относятся к сфере либо спонтанного развития общества (социальные формации), либо к логике самих событий (личные поступки политических деятелей). Связывать эти явления с географией бесплодно. Остается сфера этногенеза и миграций. Тут вступает в силу взаимодействие человеческого общества с природой. Особенно это прослеживается, когда главную роль играет натуральное и простое товарное хозяйство. Способ производства определяется теми экономическими возможностями, которые имеются в природных условиях территории, кормящей племенную группу или народность. Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно определяет культуру возникшей этнической целостности. Когда же данный этнос исчезает вследствие трансформации, миграции или истребления соседями, то остается памятник эпохи – археологическая культура, свидетельствующая о характере древнего народа, а следовательно, и о природных условиях эпохи, в которой она бытовала. Поэтому мы имеем возможность расчленить исторические события политического характера и события, обусловленные преимущественно изменениями физико-географических условий.

Все народы Земли живут в ландшафтах за счет природы, но коль скоро ландшафты разнообразны, то столь же разнообразны и народы, ибо как бы сильно они ни видоизменяли ландшафт – путем ли создания антропогенного рельефа или путем реконструкции флоры и фауны, людям приходится кормиться тем, что может дать природа на той территории, которую этнос либо заселяет, либо контролирует. Однако ничто в мире не бывает неизменным, и ландшафты – не исключение. Они, подобно этносам, имеют свою динамику развития, т. е. свою историю. И когда ландшафт изменяется до неузнаваемости, причем безразлично – от воздействия ли человека, от изменения климата, от неотектонических процессов или от появления губительных микробов, несущих эпидемию, люди должны либо приспособиться к новым условиям, либо вымереть, либо уехать в другую страну. Тут мы вплотную подошли к проблеме миграций.

Модификация ландшафтов – не единственная причина миграций. Они возникают также при демографических взрывах или – реже – при общественных толчках, но тогда они будут столь отличны по характеру от первых, что спутать их очень трудно. Однако в любом случае переселенцы ищут условия, подобные тем, к которым они привыкли у себя на родине. Англичане охотно переселялись в страны с умеренным климатом, особенно в степи Северной Америки, Южной Африки и Австралии, где можно разводить овец. Тропические районы их не манили, там они выступали преимущественно в роли колониальных чиновников и купцов, т. е. людей, живущих не за счет природы, а за счет местного населения. Это – тоже миграция, но совсем иного характера. Испанцы колонизовали местности с сухим и жарким климатом, оставляя без внимания тропические леса. Они хорошо прижились на мексиканских плоскогорьях, где сломили могущество ацтеков, но майя в Юкатане сохранились в тропических джунглях, отстояв свою независимость в «войне рас» против правительства Мексики. Якуты XI в. проникли в долину реки Лены и развели там лошадей, имитируя прежнюю жизнь на берегах Байкала, но они не посягали на водораздельные таежные массивы, предоставив их эвенкам. Русские землепроходцы в XVII в. прошли сквозь всю Сибирь, но заселяли только лесостепную окраину тайги и берега рек, т. е. ландшафты, сходные с теми, где сложились в этнос их предки. Равным образом просторы бывшего «Дикого поля» в XVIII–XIX вв. освоили украинцы. Даже в наше время тибетцы, покинувшие родину, предпочли Норвегию цветущей Бенгалии; они основали колонию в Осло.

Крупная миграция – это явление не только историческое, но и географическое, ибо оно всегда связано с некоторой перестройкой антропогенного ландшафта. Таким образом, мы пришли к границам исторической географии, которая должна нам помочь в поиске решения поставленной проблемы. Посмотрим, что она нам даст.

Часть четвертая

Этнос в географии, в которой описывается постоянное взаимодействие этноса с природой, окружающей человека, и выражается огорчение по поводу того, что всего перечисленного для решения задачи недостаточно.

14. Перевернутая задача

Этнос – явление природы

Итак, все доселе рассмотренные нами научные дисциплины, имеющие отношение к поставленной проблеме, не могут не только дать толкового ответа, но даже наметить путь дальнейшего поиска истины. Значит ли это, что следует «умыть руки»? Нет, не так-то все просто! Мы ведь можем найти новый путь исследования, пригодный для решения поставленных вопросов. И начало этому уже положено: в проблему соотношения человека как носителя цивилизации с природной средой введено понятие «этнос» как устойчивый коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющий внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения. Именно через этнические коллективы осуществляется связь человечества с природной средой, так как сам этнос – явление природы.

Как таковой этнос, казалось бы, должен возникать, развиваться и пропадать вследствие изменений вмещающей его географической среды. Эта среда весьма подвижна. Длительные засухи или, наоборот, повышенные увлажнения отмечены в различных регионах, причем интенсивность климатических перепадов, определяющих изменения ландшафтов и их соотношения друг с другом, в разных районах Земли различны. Стремление установить непосредственную связь исторических событий с колебаниями климата обречено на неудачу, что показал Э. Леруа Ладюри, сосредоточивший внимание на Франции и окрестных странах [136]. Но связь, опосредствованную и сложную, установить можно, избегнув гиперкритицизма французского историка, применив методiku, уже предложенную нами.

В мягком климате Европы ландшафтные различия несколько скрадываются, а в условиях континентального климата и широких пространств выступают резко. Здесь мы можем в качестве индикатора использовать характер политического строя у групп кочевого населения разных географических ареалов. Это уже было нами однажды сделано для выяснения динамики климатических процессов ландшафтообразования [72]. Теперь мы обратим внимание на историко-географическое районирование, т. е. классификацию политических систем насельников Евразии как форм существования бытовавших там этносов.

Отметим, что политические системы народов были тесно связаны с системой хозяйства населяемых этими народами стран. Но тут возникает первое затруднение: начиная с IX в. до н. э. и до XVIII в. н. э. в евразийской степи бытовал один способ производства – кочевое скотоводство. Если применить общую закономерность без поправок, то мы должны полагать, что все кочевые общества были устроены единообразно и чужды всякому прогрессу настолько, что их можно охарактеризовать суммарно, а детали отнести за счет племенных различий. Такое мнение действительно считалось в XIX и начале XX в. аксиомой, но накопление фактического материала позволяет его отвергнуть [73, с. 87–100]. Несмотря на устойчивое соотношение между площадью пастбищ, поголовья скота и численностью населения, в евразийской степи не было и тени единообразия общественно-политической системы, а за 3 тыс. лет своего существования кочевая культура прошла творческую эволю-

цию, не менее яркую и красочную, чем страны Средиземноморья или Дальнего Востока. Но местные условия дали истории кочевников несколько иную окраску, и наша задача состоит в том, чтобы уловить не столько элементы сходства между кочевыми и земледельческими общественными системами, сколько различия, и указать на их возможные причины.

Прежде всего отметим, что география (за исключением, пожалуй, экономической), а следовательно, и входящая в нее этнология – наука естественная, а история – наука гуманитарная. Значит, изучая этногенез (возникновение и исчезновение этносов) как природный процесс, протекающий в биосфере (одной из оболочек планеты Земля), исследователь применяет методы географии, а составляя этническую историю региона, он пользуется традиционными методами исторической науки, лишь добавляя к ним данные географии, разумеется, не школьной, а современной, научной, где ставятся вопросы о локальных особенностях антропогенных биоценозов, микромутациях, изменяющих только поведенческие признаки человека, и сукцессиях, связанных с миграционными процессами. Если же рассматривать этнос как «социальную категорию», то это будет означать, что географические факторы для развития этносов «не могут иметь значения» [125, с. 72]. Абсурдность тезиса очевидна самому автору, который ниже пишет, что «они могли сильно замедлить или, напротив, ускорить развитие отдельных этнических общностей» [там же, с. 80]. Если принять это последнее, верное суждение, то, согласно предварительному условию, этнос не социальная общность.

Напомним, что в письме И. Блоху от 21–22 сентября 1890 г. Ф. Энгельс писал: «... согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [143, т. 37, с. 394]. В согласии с этим тезисом мы полагаем, что любой непосредственно наблюдаемый процесс этногенеза имеет наряду с социальным природный аспект.

Человек в биоценозе

Всем видам позвоночных свойственны инстинкт личного и видового самосохранения, проявляющийся в размножении и заботе о потомстве, стремление распространиться на возможно большую площадь и способность приспособления к среде (адаптация). Однако последняя не безгранична. Чаще всего животное обитает на определенном участке земной поверхности, к которому приспособились его предки. Медведь не пойдет в пустыню, выдра не полезет на высокую гору, заяц не прыгнет в реку за рыбой.

Но еще большие ограничения накладывают зональность и климатические различия разных поясов. Тропические виды не могут существовать в полярных широтах, и наоборот. Даже когда происходят сезонные миграции, они направлены по определенным маршрутам, связанным с характером природных условий.

Человек в этом отношении – исключение. Принадлежа к единому виду, он распространился по всей суше планеты. Это показывает наличие чрезвычайно высоких способностей к адаптации. Но тут возникает первая трудность: если первобытный человек приспособился к условиям, скажем, лесной зоны умеренного пояса, то чего ради его потянуло в пустыни и тропические джунгли, где не было привычной пищи и благоприятных условий, ибо каждый зверь входит в свой геобиоценоз (букв. – жизненное хозяйство), т. е. «закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью условий существования» [116, с. 359]. Образно говоря, биоценоз – это дом животного; зачем же уходить из родного дома?

Геобиоценоз – система сложная; он складывается из растений и животных, связанных друг с другом «цепью питания» и другими видами деятельности, где одни виды питаются другими, а верхнее, завершающее звено – крупный хищник, или человек, умирая, отдает свой прах растениям, его вскормившим. По высокой степени адаптации в данном биоценозе вид накапливает ряд признаков, от которых не может избавиться согласно закону о необратимости эволюции. Все это относится и к человеку, который тем не менее эти трудности миновал и распространился по всей Земле. А ведь нельзя сказать, что человек обладает по сравнению с другими видами большей пластичностью вследствие низкой степени адаптации. Она у него велика.

Нет, в каждом большом биоценозе человек занимает твердое положение, а заселяя новый регион, меняет не анатомию или физиологию своего организма, а стереотип поведения. Но ведь это значит, что он создает новый этнос! Правильно, но для чего это ему нужно? Или, точнее, что его на это толкает? Если бы можно было просто ответить на этот вопрос, то наша задача была бы решена. Но мы вынуждены ограничиться негативными ответами, смысл коих в том, чтобы ограничить проблему.

Биологические, точнее, зоологические причины отпадают, ибо если бы функционировали они, то и другие животные поступали бы так же. Сознательные решения об изменении своей природы – нонсенс. Социальные поводы, будь они тому причиной, были бы обязательно связаны с изменением способа производства, т. е. со сменой общественных формаций, а этого нет. Более того, обязательное приспособление к привычному, обжитому «вмещающему» ландшафту отмечено К. Марксом в статье «Вынужденная эмиграция». В частности, о кочевниках там сказано следующее: «Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще и поныне (в середине XIX в. – Л. Г.) у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства» [143, т. 8, с. 568]. Ф. Энгельс развивает мысль К. Маркса, указывая на прямую связь пищи с уровнем развития разных племен. По его мнению, «обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать более успешное развитие обеих этих рас. Действительно, у индейцев пуэбло Новой Мексики, вынужденных кормиться почти исключительно растительной пищей, мозг меньше, чем у индейцев, стоящих на низшей ступени варварства и больше питающихся мясом и рыбой» [143, т. 21, с. 32].

Географическая среда на смену формаций не влияет

Итак, прямое и косвенное воздействие ландшафта на этнос не вызывает сомнений, но на глобальное саморазвитие – общественную форму движения материи оно не оказывает решающего влияния. Зато на этнические процессы ландшафт влияет принудительно [22, с. 180–181]. Все народы, селившиеся в Италии: этруски, латины, галлы, греки, сирийцы, лангобарды, арабы, норманны, швабы, французы, – постепенно, за два-три поколения, теряли прежний облик и сливались в массу итальянцев, своеобразный, хотя и мозаичный этнос со специфическими чертами характера, поведения и структурой, эволюционизировавшей в историческом времени. И так везде, с большей или меньшей отчетливостью, прямо пропорциональной изученности сюжета. Следовательно, мы должны изучать этносы не как функцию социального прогресса, а как самостоятельный феномен.

Становление человечества связано не только с природными воздействиями, как у прочих животных, но и с особым спонтанным развитием техники и социальных институтов

[120, с. 211]. На практике мы наблюдаем интерференцию обеих линий развития. Следовательно, общественно-экономическое развитие через формации не тождественно этногенезам, дискретным процессам, протекающим в географической среде. С. В. Калесник отчетливо показал различие между географической и техногенной средой, в которых люди живут одновременно. Географическая среда возникла без вмешательства человека и сохранила естественные элементы, обладающие способностью к саморазвитию. Техногенная среда создана трудом и волей человека. Ее элементы не имеют аналогов в девственной природе и к саморазвитию не способны. Они могут только разрушаться. Техно- и социосфера вообще не относятся к географической среде, хотя постоянно взаимодействуют с ней [118]. Этот принцип был положен нами в фундамент исследования.

Война человека с природой

Отмеченные адаптивные способности человека не просто повышены сравнительно с его предками, а связаны с особенностью, отличающей человека от прочих млекопитающих. Человек не только приспосабливается к ландшафту, но и приспосабливает ландшафт к своим нуждам и потребностям. Значит, пути через разные ландшафты ему проложили не адаптивные, а творческие возможности. Это само по себе известно, но часто упускалось из виду, что творческие порывы человечества, как и отдельного человека, эпизодичны и не всегда приводят к желаемому результату, а следовательно, влияние человека на ландшафт далеко не всегда бывало благотворным. Шумерийцы провели каналы, осушив междуречье Тигра и Евфрата в III тыс. до н. э., китайцы начали строить дамбы вокруг Хуанхэ 4 тыс. лет назад. Восточные иранцы научились использовать грунтовые воды для орошения на рубеже новой эры. Полинезийцы привезли на острова сладкий картофель (кумара) из Америки. Европейцы оттуда же получили картофель, помидоры и табак, а также бледную спирохету – возбудитель сифилиса. В степях Евразии мамонта истребили палеолитические охотники на крупных травоядных [39, с. 28–36]. Эскимосы расправились со стеллеровой коровой в Беринговом море; маорийцы прикончили птицу моа в Новой Зеландии; арабы и персы путем постоянных охот уничтожили львов в Передней Азии; американские колонисты всего за полвека (1830–1880) перебили бизонов и странствующих голубей [95, с. 54–55], а австралийские – несколько видов сумчатых. В XIX–XX вв. истребление животных уже превратилось в бедствие, о котором пишут зоологи и зоогеографы столько, что нам нет необходимости останавливаться дальше на этом предмете. Отметим, однако, что хищническое обращение человека с природой может иметь место при всех формациях и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как результат особенностей социального прогресса. При всех формациях человек деформирует природу. Очевидно, это ему свойственно. Хотя делает он это каждый раз по-разному, но различия касаются деталей, а не направления процессов.

Природа умеет постоять за себя. Не только некоторые растения, разрушающие своими стеблями каменную кладку и с милой непосредственностью взламывающие асфальтовые дороги, но и отдельные виды животных используют антропосферу для своего процветания. Так, истребление бизонов и замена их в биоценозе прерии овцами и лошадьми (мустангами) повели к сокращению числа больших серых волков, которые питались больными бизонами, оленями и грызунами. Поэтому уменьшилось поголовье оленей, среди которых стали свирепствовать эпидемии, и увеличилось число грызунов, разделявших с овцами оставшийся после бизонов корм, а это, в свою очередь, создало благоприятные условия для размножения койотов, питающихся как грызунами, так и беззащитными овцами. Природа прерий восстановилась, но с упущением структуры биоценоза.

Распространение монокультуры картофеля дало толчок к размножению колорадского жука, который победным маршем прошел от Кордильер до Атлантики, пересек ее и бодро

завоевал Европу. Английские торговые корабли завезли на острова Полинезии крыс и, хуже того, – комаров, что ограничило район обитания самого человека песчаными побережьями, где всегда дует морской ветер. А эксперименты с переселением кроликов в Австралию или коз на Мадейру столь трагичны, что хорошо известны. Но и факты регенерации природы не совпадают с переломными датами социальной истории человечества. Так есть ли между этими двумя цепочками закономерностей каузальная или функциональная зависимость? По-видимому, нет, ибо «наскоки» человека на ландшафт называть «прогрессом» нельзя ни в обывательском смысле (стремление к лучшему), ни в научном (развитие от низших форм к высшим). А если так, то в частных искажениях природы повинны те самые динамические стереотипы поведения, которые характеризуют разные этносы. Видимо, мы приблизились к нашему сюжету, хотя и шли на ощупь.

Социум, политийя и этнос

То, что каждый человек входит в ту или иную общественную группу, – бесспорно. Но как не было, нет и, вероятно, не будет ни одного человека, который бы не находился на определенной ступени социального развития, не состоял бы членом племени, орды, государства, общины, дружины и тому подобных объединений, так нет и человека, который бы не принадлежал к какому-либо этносу. Соотношение между социальными, политическими и этническими коллективами можно уподобить соотношению между мерами длины, веса и температуры. Иными словами, эти явления параллельны, но несоизмеримы.

Область компетенции исторической географии ограничена. Бесплодно пытаться отыскивать географические причины в действиях полководцев, реформаторов и дипломатов. Зато этнические коллективы полностью отвечают требованиям, предъявляемым к поставленной проблеме. Взаимодействие людей с природой отчетливо прослеживается не только на ранних ступенях развития, но вплоть до XX в.

Соотношение трех отмеченных линий развития легче всего показать на примере, допустим, Англии и Франции, прошлое которых известно настолько полно, что не требует специальных экскурсов в источниковедение и дебри библиографии. В социальном аспекте обе страны пережили ряд формаций: родовой строй – кельты до римского завоевания; рабовладение – в составе Римской империи, хотя Британия на три века отстала от Галлии; феодализм и, наконец, капитализм, причем на этот раз лет на 100 отстала Франция. В политическом аспекте людям XX в. кажется, что две эти нации, разделенные Ла-Маншем, – классические этнотерриториальные целостности, что так было всегда и иначе быть не могло.

Интересующая нас территория включает три ландшафтных зоны: субтропическую – на юге Франции, лесную – Северная Франция и Южная Англия, и суббореальную – вересковые поля Шотландии и Нортумберленда. Каждый ландшафт заставляет людей, в него попадающих, приспосабливаться к его особенностям, и таким образом возникает определенная общность. Например, кельты в низовьях Роны выращивали виноград; попавшие туда римские колонисты I–IV вв., воинственные бургунды V в., арабы VII в., каталонцы XI в. делали то же самое, и общность быта, определяемая общностью труда, нивелировала языки и нравы. В XII в. образовался единый народ из ныне разобщенных каталонцев, провансальцев и лигурийцев. Потребовалась истребительная Альбигойская война, чтобы разорвать это единство, но вплоть до XIX в. южные французы говорили на провансальском языке и за редким исключением не знали французского.

Норвежские викинги, дети рыбаков, попав в Нормандию, за два поколения превратились в земледельцев-французов, сохранив лишь антропологический тип. Те же норвежцы в долине Твида стали овцеводами – шотландцами-лоулендерами, но они не проникли в горы Северной Шотландии, где кельты – шотландцы-гайлендеры сохранили клановый строй. Не

для политических, а для этнических границ оказался решающим фактором ландшафт, включая рельеф.

Что касается северной половины Франции, ее сердца, то здесь ландшафт, путем конвергентного развития, преобразовал огромное количество пришельцев с востока и с юго-запада. Белги, аквитаны и кельты – в древности; латиняне и германцы – в начале новой эры; франки, бургунды, аланы, бритты – в начале Средневековья: английские, итальянские, испанские и голландские иммигранты эпохи Реформации и т. д. – все они селились в однородную массу французских крестьян, блестяще описанных не столько этнографами, сколько Бальзаком, Золя и другими писателями-реалистами.

Но тогда встает вопрос: почему этносы двух территорий, имеющих сходные ландшафты, одинаковый социальный строй и разделенные только морским проливом, который и в древности легко пересекали на утлых лодках, не объединились в единый комплекс, что было бы выгодно тем и другим? Средневековые короли это прекрасно понимали и трижды предпринимали попытки к объединению. В 1066 г. вассал французского короля герцог Нормандии Гийом завоевал англосаксонскую часть Британии, которая после пресечения нормандской династии перешла к другому французскому феодалу – Генриху Плантагенету. Итак, в 1154 г. снова произошло объединение Нормандии с Англией, а вслед за тем с Пуату, Аквитанией и Овернью: возникло королевство Генриха Плантагенета. Сочетание с этнографической точки зрения причудливое, но оно продержалось до 1205 г., когда французский король Филипп II Август отнял у английского короля Нормандию, Пуату, Турень и Анжу, а затем, в 1216 г., попытался вновь завоевать Англию, но потерпел неудачу. За Англией остались только Бордо и Байонна, где Плантагенетов поддерживали гасконские бароны, но в 1339 г. началась Столетняя война за объединение обеих стран, причем на этот раз инициатива исходила из Англии. После долгой войны, в 1415 г., Генрих V Ланкастер короновался французской короной, но Жанна д'Арк оказалась сильнее Англии, и больше попытки объединить обе страны не предпринимались.

Искать объяснение очерченных изменений в физической географии – бесплодно, а вот привлечь экономическую географию можно, что, впрочем, уже давно делают все историки. Политические образования – в частном случае государства – для устойчивости и развития нуждались не в единообразном, а разнообразном хозяйстве, где разные экономические провинции дополняли бы друг друга. Плантагенеты крепко держались тогда, когда у них была овечья шерсть из Северной Англии, хлеб из Кента и Нормандии, вино из Оверни, ткани из Турции. Экономические связи вели к оживленному общению, обогащали правителя, но этнического слияния не возникло. Почему? Для ответа рассмотрим третий аспект – этнический.

У народов есть родина!

Власть Рима пала. Племена, заселявшие Францию, в момент своего появления на территории между Рейном и Бискайским заливом были столь различны по языку, нравам, традициям, что Огюстен Тьерри предложил племенную концепцию сложения современной Франции, и был прав. «Действительно ли является история Франции с V до XVII в. историей одного и того же народа, имеющего одинаковое происхождение, одинаковые нравы, одинаковый язык и одинаковые гражданские и политические интересы? Ничего подобного! Когда задним числом название „французы“ применяют, я уже не говорю к зарейнским племенам, но даже к периоду первой династии, то получается настоящий анахронизм», – пишет он и поясняет свою мысль примерами: «Разве для бретонца будет национальной историей биография потомков Хлодвиги или Карла Великого, когда его предки... вели переговоры с франками как самостоятельный народ? От VI до X в. и даже позже герои Северной Франции были

бичом для Юга» [201, с. 207–208]. Лишь в XIV в. французы присоединили Дофине, Бургундию и Прованс, бывшие домены Священной Римской империи германцев, к королевству Франция. Однако Бордо, Байонна и полоса побережья Бискайского залива сохраняли независимость, имея сюзереном английского короля из династии Плантагенетов. Это было не господством Англии над Гасконью, а способом, которым гасконцы защищали себя от французских захватов.

Вспыхнувшая в 1339 г. Столетняя война между Францией и Англией, несмотря на разительное неравенство сил (в 1327–1328 гг. во Франции – 18 млн, [183] а в Англии – 3 млн [там же, с. 57] и в тылу – Шотландия), протекала успешно для Англии только потому, что ее активно поддерживали гасконцы, бретонцы и королевство Наварра. После смерти Иоанна Доброго его старший сын Карл стал королем, а другой – Филипп – бургундским герцогом. Казалось бы, братья должны были ладить, но ведь они больше зависели от своих баронов, чем те от них. Династия бургундских Валуа встала во главе восточных областей Франции, присоединила к Бургундии Артуа, Фландрию и Франш-Конте и, пользуясь симпатиями парижан, претендовала на господство над Францией. Против бургундцев выступили жители запада и юга страны под руководством графа Арманьяка. Война между ними открыла дорогу англичанам, которые вступили в союз с бургундцами и парижанами, считавшими, что «арманьяки», уроженцы юга и Бретани, «не принадлежали к французскому королевству» [18, с. 320], т. е. были не французами. Францию спасла Жанна д'Арк, говорившая по-французски с немецким акцентом. Изолированная Бургундия была разгромлена швейцарцами и снова досталась французам наряду с Бретанью и другими окраинами. Причину ее долгого сопротивления объяснил последний герцог – Карл Смелый. «Мы – другие португальцы», – сказал он [221, р. 33], приравняв различие между бургундцами и французами к различию португальцев с испанцами. Ему не мешало то, что он сам носил фамилию Валуа и по происхождению был французом.

И все же этническое разнообразие уступило место теории «естественных границ», сформулированной в «Великом замысле», который министр Сюлли приписал своему королю Генриху IV. «Естественными границами» Франции были объявлены Пиренеи, Альпы и Рейн, т. е. территория древней кельтской Галлии, которую король и министр ради этих целей объявили предшественницей Франции. На этом, весьма зыбком в научном отношении, основании Бурбоны стремились вернуть Франции ее былую славу, т. е. аннексировать земли, заселенные басками, итальянцами и немцами, несмотря на заявление Генриха IV: «Я ничего не имею против того, чтобы там, где говорят по-испански, правил испанский король, а там, где по-немецки, – австрийский император. Но там, где говорят по-французски, править должен я» [111, т. 1, с. 269–271]. Несмотря на этот принцип, Франция оккупировала Наварру, Савойю и Эльзас, ибо география перевесила филологию.

Тот же процесс прошел в Англии, где французские феодалы частью погибли во время Войны Алой и Белой розы, частью слились с англосаксонским дворянством, а затем королевство в XVIII в. раздвинулось до естественных границ – берегов своего острова. Англия включила в себя земледельческий Кент, населенный англосаксами, скотоводческую Шотландию, Уэльс и Нортумберленд, населенные кельтами и скандинавами – потомками викингов, как Франция присоединила Прованс, Бретань и Гасконь, где жили народы, говорившие на своих языках, имевшие свой быт и свою систему хозяйства.

Можно, ли называть описанный процесс «этнической интеграцией»? Вряд ли, ибо в обоих случаях имело место прямое завоевание, проведенное со всей возможной жестокостью, и кроме того, завоеванные этносы сохранились до нашего времени. Но являются ли современные Англия и Франция физико-географическими регионами? Безусловно, иначе они давно распались бы при существующей этнической пестроте. Значит, географические и этнологические категории не совпадают, а следовательно, связь ландшафта и этноса опо-

средствована историей этносов, осваивавших ландшафты и перестраивавших геобиоценозы. Это явление называется сукцессией, в нашем случае – антропогенной. Адаптация в новых условиях – это географический аспект этногенеза, в результате которого не произошло взаимной ассимиляции и нивелиции, а возникли этнические системные целостности, где побежденные оказались на положении субэтносов. Однако века соседства с этносом-завоевателем не прошли даром: кельты Бретани сдружились с французами, а кельты Уэльса – с англичанами. Но этнологу следует помнить, что сегодняшняя дружба этих народов сменила недавнюю вражду, а что будет дальше – покажет этническая история, которой география в этом вопросе передает эстафету.

В отличие от концепции исторической дискретности О. Тьерри, Фюстель де Куланж усматривал в быте французских крестьян черты институтов римской эпохи. И он был тоже прав. Первый отметил характер миграции, второй – влияние ландшафта. Но как характер миграций в целом, так и степень адаптации могут и должны рассматриваться как явления, относящиеся к географической науке, тому ее разделу, который именуется этнологией, ибо именно здесь сосредоточены связи человечества с географической средой, посредством которых они и влияют друг на друга.

Итак, не только у отдельных людей, но и у этносов есть родина. Родиной этноса является сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему. И с этой точки зрения березовые рощи, ополья, тихие реки Волго-Окского междуречья были такими же элементами складывавшегося в XIII–XIV вв. великорусского этноса, как и угро-славянская и татаро-славянская метисация, принесенная из Византии архитектура храмов, былинный эпос и сказки о волшебных волках и лисицах. И куда бы ни забрасывала судьба русского человека, он знал, что у него есть «свое место» – Родина.

И про англичан Р. Киплинг писал: «Но матери нас научили, что старая Англия – дом». И арабы, тибетцы, ирокезы – все имеют свою исходную территорию, определяемую неповторимым сочетанием элементов ландшафта. И как таковая «родина» является одним из компонентов системы, именуемой «этнос».

Месторазвитие

Приведенных нами примеров достаточно, чтобы сделать вывод о влиянии географического ландшафта на этнические сообщества как коллективы вида *Homo sapiens*. Но спешу оговориться: этот вывод уже сделан в 1922 г. Л. С. Бергом для всех организмов, в том числе и людей. «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть» [22, с. 180–181]. А под «ландшафтом» понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [116, с. 455]. Назовем это понятие удачным термином П. Н. Савицкого – «месторазвитие» [181, с. 30–31], подобно аналогичному понятию – «месторождение».

Читателя может удивить и даже обидеть, что автор, начав сравнивать людей с животными, дошел до минералов. Но не надо обижаться! К любой закономерности природы каждый из нас прикасается какой-то одной стороной, а личность человека многогранна, останется место и для эстетики, и для этики, и для всего того, что сейчас принято называть

«информацией» или «ноосферой». Но мы пока вернемся к земным делам, ибо разговор о ландшафтах не закончен.

15. Роль сочетания ландшафтов

Монотонность и разнородность ландшафтов

Далеко не всякая территория может оказаться месторазвитием. Так, на пространстве Евразии на всей полосе сплошных лесов – тайги от Онежского озера до Охотского моря – не возникло ни одного народа, ни одной культуры. Все, что там есть или было, принесено с юга или с севера. Чистая, сплошная степь тоже не дает возможности развития. Дешт-и-Кыпчак, т. е. половецкие степи от Алтая до Карпат, – место без *Genius loci*. Степи эти заселялись народами, сложившимися в других районах, например в Монголии, – стране с пересеченным рельефом и разнообразными ландшафтами. На склонах Хэнтэя и Хангая растут густые леса. Зеленая степь низовий Толы и Керулена на юге переходит в каменистую пустыню Гоби, где снег тает в марте, давая выпас скоту до начала летней жары. Соответственно разнообразна фауна, а археологические культуры отражают смену народов, известных не только историкам: хуннов, тюрков, уйгуров, монголов и ойратов.

И наоборот, западная часть Великой степи от верховий Иртыша до низовий Дона и от закраины сибирской тайги до Балхаша и Аральского моря однообразна, а народы, ее населявшие, малоизвестны. Ныне казахи занимают огромную площадь с монотонным степным ландшафтом. В XIII в. степь обезлюдела после жестокой монголо-половецкой войны и была поделена между тремя ордами: Золотой, или Большой, – на Волге, Синей – между Аральским морем и Тюменью, и Белой (т. е. старшей) – в Тарбагатае и на верхнем Иртыше [57, т. 2, с. 502]. На Волге из конгломерата народов сложились татары. Синяя Орда оказалась нежизнеспособной и в XIV в. слилась с волжской. Зато Белая Орда, опиравшаяся на окраины сибирской тайги до Оби, склоны и предгорья Алтая и степи Сырдарьи, в то время перемежавшиеся сосновыми борами [56], развилась в самостоятельный этнос, позднее освоивший экстраординарные степи Приаралья, Мангышлак и Рын-пески.

Подлинными месторазвитиями являются территории сочетания двух и более ландшафтов. Это положение верно не только для Евразии, но и для всего земного шара. Основные процессы этногенеза в Евразии возникали: а) в восточной части – при сочетании горного и степного ландшафтов; б) в западной – лесного и лугового (поляны в Волго-Окском междуречье); в) в южной – степного и оазисного (Крым, Средняя Азия); г) на севере – лесотундра и тундра. Но северные я предлагаю выделить в особый отдел циркумполярных культур, так как отделенные от евразийского месторазвития «таежным морем», они никогда на него не влияли.

Проверим. Хунны сложились на лесистых склонах Иньшаня и потом лишь передвинулись в монгольские степи. Уйгуры – на склонах Наньшаня. Тюркюты – на склонах Алтая. Монголы – на склонах Хингана и Хэнтэя. Кидани – на «языке» степи, вдающемся в лесную Маньчжурию. Киргизы енисейские – на «острове» Минусинской степи и склонах Саян. Татары казанские, потомки древних болгар, – на Каме, где лес граничит со степью. Татары крымские – на границе степного Крыма и Южного берега – сплошного оазиса. Это – отюреченные левантийцы разного происхождения, слившиеся в единый народ. Хазары – в предгорьях Дагестана. Их первая столица – Семендер расположена на среднем течении Терека.

Развивая изложенный принцип, можно предположить, что там, где границы между ландшафтными регионами размыты и наблюдаются плавные переходы от одних географических условий к другим, процессы этногенеза будут менее интенсивны. Например, группа

богатых оазисов среднеазиатского междуречья окаймлена полупустынями и сухими степями, подчас разделяющими оазисы друг от друга. Действительно, этногенез в Средней Азии шел столь медленно, что почти неуловим. Полосы пустынь с севера и юго-запада были легкопроходимы вооруженными грабителями, но мало пригодны для жизни. Зато в предгорьях Копетдага, Тянь-Шаня и Гиссара сложились туркмены-сельджуки – в XI в., киргизы – в XV в., таджики – в VIII–IX вв. и узбеки – в XIV в., ограничив ареал потомков древних согдийцев горными районами Памира и Гиссара, где те сохранялись как изоляты [180].

Системы горных хребтов, несмотря на вертикальную поясность, следует рассматривать как регионы единообразные, так как пояса составляют единый географический хозяйственный комплекс по отношению к человеку. Поэтому Западный Памир, Дардистан, Гиндукуш, Гималаи, а также Кавказ и Пиренеи удобны для сохранения реликтовых этносов-персистентов. И дело отнюдь не в трудной проходимости горного ландшафта. Военные отряды легко форсировали ущелья и перевалы даже при Кире и Александре Македонском. Однако новые народы возникали не внутри горных районов, а на их окраинах.

Уже отмечено, что народы, населяющие сплошные степи, пусть даже очень богатые, обнаруживают чрезвычайно малые возможности развития, например саки, печенег, кыпчаки, туркмены, за исключением той их части, которая под названием сельджуков ушла в Малую Азию и Азербайджан в XI в., и в этническом, и в социальном плане – стабильны.

Левант, или Ближний Восток, – сочетание моря, гор, пустынь и речных долин. Там новые этнические комбинации возникали часто, за исключением нагорий Закавказья, где имеются природные условия, подходящие для изолятов. Таковы, например, курды, отстоявшие свою этническую самобытность и от персов, и от греков, и от римлян, и от арабов, и даже от турок-османов. Исключение, которое подтверждает правило.

Китай – страна, некогда отвоеванная от воды (в древности это было сплошное болото с мелкими озерами и реками, ежегодно менявшими русло). Китайский народ сложился на берегах Хуанхэ, при сочетании ландшафтов: речного, горного, лесного, степного, а джунгли южнее Янцзы китайцы освоили только в первом тысячелетии нашей эры. Однако, переселившись на юг и смешавшись с местным населением, древние китайцы превратились в современный южно-китайский этнос, отличающийся и от своих предков, и от северных китайцев, смешавшихся в долине Хуанхэ с хуннами и сяньби.

Индия, окруженная морем и горами, может рассматриваться как полуостров, но в отличие от Европы она в ландшафтном отношении беднее. Ландшафты Декана типологически близки между собой, и процессы этногенеза, т. е. появление новых этносов за историческое время, выражены там слабо. Зато в северо-западной Индии сформировались два крупных народа: раджпуты [191, с. 113–114] – около VIII в. и сикхи – в XVI–XVII вв. Казалось бы, пустыни Раджстана и Синда гораздо менее благоприятны для человека, чем богатая, покрытая лесами долина Ганга. Однако в долине Инда отчетливо выражено сочетание пустынь и тропической растительности, и хотя культура расцвела во внутренней Индии, образование новых народов связано с пограничными областями.

Равным образом довольно интенсивно шли процессы нароодообразования в бассейне Нижней Нарбады, где джунгли Северной Индии смыкаются с травянистыми равнинами Декана – Махараштра. В VI в. здесь активизировалось Чалукья, государство воинственных кшатриев, должно быть, переселившихся из Раджпутаны [там же, с. 106–107], а в XVII в. маратхи, отказавшись от ряда стеснений кастовой системы, образовали народ, оспаривавший господство над Индией у Великих Моголов. Отличие маратхов от общей массы индусов отмечают все историки Индии.

Страна маратхов – сочетание трех физико-географических районов: прибрежной полосы между Западными Гхатами и морем, гористой страны восточнее Гхатов и черноземной долины, ограниченной цепями холмов [там же, с. 256]. Таким образом, налицо все

основания для того, чтобы причислить эту область к той категории, которую мы называем месторазвитием, несмотря на то что культура Бенгалии была несравненно выше.

В Северной Америке бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза. Однако и там были районы, где индейские племена складывались в народы на глазах историка. На изрезанной береговой линии Великих озер в XV в. возник ирокезский союз пяти племен. Это было новое этническое образование, не совпадающее с прежним, так как в его состав не вошли гуроны, родственные им по крови и языку.

На берегах Тихого океана южнее Аляски, там, где скалистые острова служат лежбищами моржей и тюленей и море кормит береговых жителей, тлинкиты создали рабовладельческое общество, резко отличное от соседних охотничьих племен и по языку, и по обычаям.

Кордильеры в большей части круто обрываются в прерию, и горный ландшафт соседствует, но не сочетается со степным. Однако на юге, в штате Нью-Мехико, где имеется плавный переход между этими ландшафтами, в древности возникла культура пуэбло, а около XII в. здесь сложилась группа нагуа, к которой принадлежало прославленное племя ацтеков. Большая часть континента, также населенная индейцами, была своего рода Hinterland'ом, территорией, куда отступали или где распространялись народы, сложившиеся в месторазвитиях. Таковы, например, черноногие – народ алгонкинской группы – и многие другие племена.

Еще отчетливее видна эта закономерность на примере Южной Америки. Нагорья Анд – сочетание горного и степного ландшафтов – хранят памятники культуры, созданные многими народами в разные века, а в лесах Бразилии и равнинах Аргентины, вопреки надеждам капитана Фоссета, никаких культур не сложилось. И, как мы видим на многочисленных примерах, не могло сложиться, так как природа этих стран однообразна, что, впрочем, не мешает и никогда не мешало использовать ее богатства народам, возникшим в других местах. В Патагонию проникли горцы – арауканы; бразильские леса в XVI в. пытались освоить инки, а в XIX в. там сказочно разбогатели португальские плантаторы.

Ту же закономерность мы обнаружим в Африке и Австралии, но целесообразнее сосредоточить внимание на этносах, связанных с морем, чтобы отметить их локальные особенности.

На берегах морей и закраинах ледников

Роль моря, в зависимости от характера береговой линии и уровня цивилизации береговых жителей, может быть двоякой. Море – ограничивающий элемент ландшафта, когда оно не освоено и непроходимо. Таков был Атлантический океан для американских индейцев, Индийский океан – для негров и аборигенов Австралии и даже Каспий – для печенегов. Зато когда из моря начинают черпать пищу и осваивать навигацию, море превращается в составляющий элемент месторазвития. Так эллины использовали Эгейское море, викинги – Северное, арабы – Красное, а русские поморы – Белое. К XIX в. почти все моря и океаны вошли в состав ойкумены, но надо учитывать, что это характерно не для всех эпох. На протяжении исторического периода можно зафиксировать два этнокультурных ареала, где море является составной частью месторазвития: циркумполярные культуры на берегах Ледовитого океана и Полинезия, о которой написано так много, что нет необходимости повторяться. Достаточно напомнить, что полинезийская культура вмещала до прихода европейцев разнообразные образования, которые даже на таком изолированном участке суши, как остров Пасхи, боролись между собой, создавая свои культуры, хотя и довольно близкие по характеру.

Менее известна история циркумполярных народов. Некогда цепь сходных культур окружала Ледовитый океан, который являлся их кормильцем. В основном это были охотники на морского зверя и ихтиофаги. Уже в историческое время их территорию разрезали

надвое угро-самоеды, позже истребившие западную ее часть. Затем тунгусы уничтожили восточную, за исключением палеоазиатов и народа омок на Яне и Индигирке; последний был погублен при вторжении якутов. Движение якутов с юга на север было односторонне и необратимо, так как они плыли на плотках по рекам и вернуться против течения не могли [160, т. 1].

Молодым циркумполярным народом были эскимосы, распространившиеся около I в. н. э. из Океании и в X в. отогнавшие индейцев до южной границы Канады, а в XIII в. сбросившие потомков викингов в Гренландии в море [176, с. 113]. Тут опять-таки сочетание ландшафтов: кормящее море и лесотундра или ледник.

Но не только кормящее море, а даже области, покрытые льдом и потому совершенно бесплодные, могут способствовать возникновению этносов, что имело место в Прибалтике и Скандинавии около X тыс. до н. э. Механизм этого явления прост.

Ледник, для того чтобы расти, должен получать из океана достаточное количество атмосферной влаги – холодного дождя и мокрого снега. Но так как над ледником всегда стоит антициклон, то влажный воздух разбивается о его закраину и там выливается дождь. Для евразийского континента – это западная закраина, откуда идут атлантические циклоны, вплоть до Таймыра. Следовательно, ледник растет к западу, а его восточная часть тает под лучами солнца, ибо там, где нет облачного покрова, инсоляция действует беспрепятственно.

Получается географический парадокс: там, где абсолютная температура выше, – сыро, ветрено, облачно, а потому люди и животные страдают от холода; там же, где температура ниже, – тихо, ясно, сухо, и люди и животные согреваются под прямыми лучами солнца, не обращая внимания на холодный воздух. Ледниковый антициклон всегда больше, чем сам ледник, и покрывает приледниковые районы, превращая их в сухую тундру. Ручьи, стекающие с ледника, образуют пресные озера и ручьи, где селятся рыба и водоплавающая птица. Вокруг них вырастают рощи – приют пушного зверя, а в сухой тундре, где снежный покров мал, пасутся стада травоядных. Это рай для первобытного охотника и рыболова.

Именно такие условия сложились в Восточной Европе в конце Померанской стадии последнего оледенения. В тундре, примыкавшей к уходящему леднику, стали появляться редкие леса, окаймляющие реки и озера. Тогда на берегах Немана и Двины сложились древние этносы балтской группы, дожившие до нашего времени в ландшафте, который от потепления стал монотонным. Балтские топонимы и гидронимы хранят печать глубокой древности [185] как память о времени, когда природная среда вокруг их предков была иной. Не только этносы, но и ландшафты имеют историю.

Влияние характера ландшафта на этногенез

Теперь мы можем сформулировать вывод из проделанного анализа: монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный – стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной этногенеза или только благоприятным условием? Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам. Эти проблемы будут разобраны в специальных разделах и в конце концов дадут ответ на основной вопрос: как и почему этносы не похожи друг на друга и какое отношение имеет этногенез к прочим явлениям природы?

Один из моих оппонентов оспаривает мой тезис о том, что возникновение новых этносов приурочено к регионам стыка двух и более ландшафтов, а развитие их беспрепятственно

протекало в ландшафтах монотонных [128, с. 9–10]. Но в этом же абзаце он пишет: «Этногенез не локализовался в каких-то (подчеркнуто нами. – Л. Г.) немного особых ландшафтах, а фактически шел во всех областях ойкумены, хотя в ряде случаев природные условия могли несколько (подчеркнуто нами. – Л. Г.) ускорять или задерживать ход этнических процессов». Мой оппонент почему-то не замечает допущенного им противоречия, снимающего его возражения. Ведь появление нового этноса, т. е. новой системной целостности, всегда связано с ломкой старых этносов, относящихся к новому как этнические субстраты. Для осуществления этой работы необходим импульс, который либо даст начало новому этническому процессу, либо затухнет вследствие сопротивления среды, и тут упомянутое «несколько» приобретает решающее значение, что и было нами отмечено, а потом будет объяснено.

До сих пор мы говорили о ландшафтах как феноменах девственной природы, хотя твердо знали, что на Земле нет ландшафта, не испытавшего когда-либо воздействия человека. Это упрощение мы ввели сознательно, чтобы прояснить проблему, но искусственные, т. е. урбанистические, ландшафты известны с глубокой древности. В Вавилоне было около миллиона жителей, в Риме – свыше полутора миллионов, в Константинополе – один миллион с лишком. Эти громадные города можно рассматривать как самостоятельные ландшафтные регионы. И они проявляют себя как таковые: на границах города и деревни всегда возникали субэтноты, чаще эфемерные, иногда стойкие, но всегда с оригинальными, неповторимыми стереотипами поведения, обязательными для их членов.

Существует и другой больной вопрос: не является ли наше время – эра технической цивилизации – особой эпохой, к которой неприменимы закономерности, открытые при изучении истории, а не современности? Этот вопрос уже был поставлен крайне остро и четко: «Осталась ли степь – степью и пустыня – пустыней в ландшафтном понимании этих терминов? Сильнее всего изменена растительность (в степи земледелием, в пустыне – выпасом, орошаемым земледелием), как следствие этого изменились сток, почвенный покров, процесс эрозии и вся дальнейшая „цепочка“ компонентов природных комплексов» [183, с. 79–82. Ср.: 117, с. 209–211].

Действительно, антропогенный фактор ландшафтообразования за последние три тысячи лет приобрел и продолжает приобретать важное место в лике земной поверхности.

Сельское хозяйство изменяет флору и фауну, архитектура становится важным элементом рельефа, сжигание угля и нефти влияет на состав атмосферы. С этой точки зрения Париж должен рассматриваться как антропогенный геохор²⁷ в лесной ландшафтной зоне с ускоренным ритмом развития, ибо современный облик этого микрорайона отличается и от вида средневекового замка парижского графа, и от римской Лютеции. Но ведь и непроточное озеро, мелея, быстро превращается в болото, тогда как окружающий его лес за это же время не меняется. Разница между антропогенными и гидрогенными образованиями, как бы она ни была велика, в аспекте естествознания не принципиальна. Но на поставленный нами вопрос: почему и как человек преобразил лик Земли? – констатация сходств и различий ответа не даст. Поэтому продолжим «поиск истины», как древние эллины именовали исторические исследования.

²⁷ Геохор – участок земной поверхности, однородный в своих экологических особенностях и отличающийся по этим особенностям от смежных участков.

16. Становление антропогенных ландшафтов

Развитие общества и изменение ландшафта

Поскольку речь идет о «поведении» особей, входящих в разные этносы, то самое простое – обратить внимание на то, как они воздействуют на те или иные природные ландшафты, в которые их забрасывает историческая судьба. Иными словами, нам надлежит проследить характер и вариации антропогенного фактора ландшафтообразования с учетом уже отмеченного нами деления человечества на этнические коллективы.

Дело не в том, насколько велики изменения, произведенные человеком, и даже не в том, благодетельны они по своим последствиям или губительны, а в том, когда, как и почему они происходят.

Бесспорно, что ландшафт промышленных районов и областей с искусственным орошением изменен больше, чем в степи, тайге, тропическом лесу и пустыне, но если мы попытаемся найти здесь социальную закономерность, то столкнемся с непреодолимыми затруднениями. Земледельческая культура майя в Юкатане была создана в V в. до н. э. при господстве родового строя, пришла в упадок при зарождении классовых отношений и не была восстановлена при владычестве Испании, несмотря на внесение европейской техники и покровительство крещеным индейцам. Хозяйство Египта в период феодализма медленно, но неуклонно приходило в упадок, а в Европе в то же время и при тех же социальных взаимоотношениях имел место небывалый подъем земледелия и ремесел, не говоря о торговле. В плане нашего исследования это означает, что ландшафт в Египте в это время был стабильным, а в Европе преобразался радикально. Внесение же антропогенных моментов в рельеф Египта в XIX в. – прорытие Суэцкого канала – связано с проникновением туда европейских народов, французов и англичан, а не с деятельностью аборигенов-феллахов.

В Англии XVI в. «овцы съели людей» при начинающемся капитализме, а в Монголии XIII–XIV вв. овцы «съели» тунгусов-охотников, живших на южных склонах Саян, Хамар-Дабана и на севере Большого Хингана, хотя там даже феодализм был неразвитым. Монгольские овцы съедали траву и выпивали в мелких источниках воду, служившую пищей и питьем для диких копытных [60]. Число последних уменьшалось, а вместе с тем охотничьи племена лишались привычной пищи, слабели, попадали в зависимость к степнякам-скотоводам и исчезали с этнографической карты Азии. Еще примеры: Азорские острова превращены в голые утесы не испанскими феодалами, которые свирепствовали в Мексике и Нидерландах, а козами; последних же высадили там астурийцы и баски, у которых еще не исчез родовой строй. Бизонов в Америке уничтожили охотники при капитализме, а птицу моа в Новой Зеландии – маорийцы, еще не знавшие классового расслоения; они же акклиматизировали на своих островах американский картофель, а в России для той же цели понадобилась вся военно-бюрократическая машина императрицы Екатерины II. Отсюда следует, что закономерность лежит в другой плоскости.

Поставим вопрос по-иному: не как влияет на природу человечество, а как влияют на нее разные народы в разных фазах своего развития? Этим мы вводим промежуточное звено, которого до сих пор не хватало для учета опосредованного характера этого взаимодействия. Тогда возникает новая опасность: если каждый народ, да еще в каждую эпоху своего существования, влияет на природу по-особому, то обозреть этот калейдоскоп невозможно, и мы рискуем лишиться возможности сделать какие бы то ни было обобщения, а следовательно, и осмыслить исследуемое явление.

Но тут приходят на помощь обычные в естественных науках классификация и систематизация наблюдаемых факторов, что в гуманитарных науках, к сожалению, не всегда находит должное применение. Поэтому, говоря об этносах в их отношении к ландшафту, мы остаемся на фундаменте географического народоведения, не переходя в область гуманитарной этнографии.

Отказавшись от признаков этнической классификации, принятых в гуманитарных науках, – расового, общественного, материальной культуры, религии и т. п., мы должны выбрать исходный принцип и аспект, лежащие в географической науке. Таковым может быть уже описанное явление биоценоза, где характерной особенностью является соразмерность между числом особей во всех формах, составляющих комплекс. Например, количество волков на данном участке зависит от количества зайцев и мышей, а последнее лимитируется количеством травы и воды. Соотношение это обычно колеблется в пределах допуска и нарушается редко и ненадолго.

Казалось бы, эта картина не имеет отношения к человеку, однако не всегда. Ведь есть огромное количество этнических единиц, пусть численно ничтожных, входящих в состав биоценозов на тех или иных биоохорах. По сравнению с этими мелкими народностями или иногда просто племенами современные и исторические цивилизованные этносы – левиафаны, но их мало, и они, как показывает история, не вечны. Вот на этой основе мы и построили нашу первичную классификацию: 1) этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении; этот способ существования присущ многим видам животных, как бы остановившимся в своем развитии. В зоологии эти группы называются персистентами, и нет никаких оснований не применить этот термин к этносам, застывшим на определенной точке развития; 2) этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биоохора и изменяющие свой первичный биоценоз. Второе состояние в аспекте географии называется сукцессией.

Этносы, составляющие первую группу, консервативны и в отношении к природе, и в ряде других закономерностей. Приведем несколько примеров.

Индейцы, народы Сибири и их ландшафты

Большинство североамериканских индейцев Канады и области прерий жили до прихода европейцев в составе биоценозов Северной Америки. Количество людей в племенах определялось количеством оленей, и поскольку при этом условии было необходимо ограничение естественного прироста, то нормой общежития были истребительные межплеменные войны. Целью этих войн не были захват территорий, покорение соседей, экспроприация их имущества, политическое преобладание... Нет! Корни этого порядка уходят в глубокую древность, и биологическое назначение его ясно. Поскольку количество добычи не беспредельно, то важно обеспечить себе и своему потомству фактическую возможность убивать животных, а значит, избавиться от соперника. Это не были войны в нашем смысле, это была борьба, поддерживающая определенный биоценоз. При таком подходе к природе, естественно, не могло быть и речи о внесении в нее каких-либо изменений, которые рассматривались как нежелательная порча природы, находящейся, по мнению индейцев, в зените совершенства.

Точно так же вели себя земледельческие племена, так называемые индейцы пуэбло, с той лишь разницей, что мясо диких зверей у них заменял маис. Они не расширяли своих полей, не пытались использовать речную воду для орошения, не совершенствовали свою технику. Они предпочитали ограничить прирост своего населения, предоставляя болезням уносить слабых детей и тщательно воспитывая крепких, которые потом гибли в стычках с навами и апачами. Вот и способ хозяйства иной, а отношение к природе то же самое.

Остается только непонятным: почему навахи не переняли у индейцев пуэбло навыков земледелия, а те не заимствовали у соседей тактику сокрушительных набегов?

Впрочем, ацтеки, принадлежавшие к группе нагуа, с XI по XIV в. переселились в Мексиканское нагорье и весьма интенсивно изменили его ландшафт и рельеф. Они строили теокалли (вариация рельефа), соорудили акведуки и искусственные озера (техногенная гидрология), сеяли маис, табак, помидоры, картофель и много других полезных растений (флористическая вариация) и разводили кошениль, насекомое, дававшее прекрасный краситель темно-малинового цвета (фаунистическая вариация). Короче говоря, ацтеки изменяли природу, в то время когда апачи и навахи ее охраняли.

Можно было бы предположить, что тут решающую роль играл жаркий климат южной Мексики, хотя он не так уж отличается от климата берегов Рио-Гранде. Однако в самом центре Северной Америки, в долине Огайо, обнаружены грандиозные земляные сооружения – валы, назначение которых было неизвестно самим индейцам [148, с. 146–163]. Очевидно, некогда там тоже жил народ, изменявший природу, и климатические условия ему не мешали, как не мешают они американцам англосаксонского происхождения.

Наряду с этим отметим, что одно из индейских племен – тлинкиты, а также алеуты практиковали рабовладение и работорговлю в широких масштабах. Рабы составляли до трети населения северо-запада Америки, и некоторые тлинкитские богачи имели до 30–40 рабов.

Рабов систематически продавали и покупали, использовали для грязной работы и жертвоприношений при похоронах и обряде инициации; рабыни служили хозяевам наложницами [159, с. 238–239]. Но при всем этом тлинкиты были типичным охотничьим племенем, с примитивным типом присвояющего, а не производящего хозяйства.

Аналогичное положение было в северной Сибири. Народы угорской, тунгусской и палеоазиатской групп по характеру быта и хозяйства являлись как бы фрагментом ландшафта, завершающей составной частью биоценозов. Точнее сказать, они «вписывались» в ландшафт. Некоторое исключение составляли якуты, которые при своем продвижении на север принесли с собой навыки скотоводства, привели лошадей и коров, организовали сенокосы и тем самым внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены. Однако эта антропогенная сукцессия повела лишь к образованию нового биоценоза, который затем поддерживался в стабильном состоянии до прихода русских землепроходцев.

Совершенно иную картину представляет евразийская степь. казалось бы, здесь, где основой жизни было экстенсивное кочевое скотоводство, изменение природы также не должно было бы иметь места. А на самом деле степь покрыта курганами, изменившими ее рельеф, стадами домашних животных, которые вытеснили диких копытных, и с самой глубокой древности в степях, пусть ненадолго, возникали поля проса [66, с. 147]. Примитивное земледелие практиковали хунны, тюрки и уйгуры. Здесь видно постоянно возникающее стремление к бережному преобразованию природы. Конечно, в количественном отношении по сравнению с Китаем, Европой, Египтом и Ираном оно ничтожно и даже принципиально отличается от воздействия на природу земледельческих народов тем, что кочевники пытались улучшить существующий ландшафт, а не преобразовать его коренным образом, но все-таки мы должны отнести евразийских кочевников ко второму разряду нашей классификации, так же как мы отнесли туда ацтеков, но не тлинкитов, несмотря на то что классовые отношения у последних были развиты несравненно больше. Какими бы парадоксальными ни представлялись на первый взгляд эти выводы, чтобы получить научный результат исследования, мы должны выдержать наш принцип классификации строго последовательно.

Внутренним противоречием, вызвавшим упадок кочевой культуры, был тот же момент, который вначале обеспечил ей прогрессивное развитие, – включение кочевников в геобиоценозы аридной зоны. Численность населения у кочевников определялась количеством пищи,

т. е. скота, что, в свою очередь, лимитировалось площадью пастбищных угодий. В рассматриваемый нами период население степных пространств колебалось очень незначительно: от 300–400 тыс. в хуннское время [224, S. 306] до 1300 тыс. человек в эпоху расцвета монгольского улуса [150], впоследствии эта цифра снизилась, но точных демографических данных для XVI–XVII вв. нет²⁸.

Вопреки распространенному мнению, кочевники куда менее склонны к переселениям, чем земледельцы. В самом деле, земледелец при хорошем урожае получает запас провианта на несколько лет и в весьма портативной форме. Достаточно насыпать в мешки муку, погрузить ее на телеги или лодки и запасти оружием – тогда можно пускаться в далекий путь, будучи уверенным, что ничто, кроме военной силы, его не остановит. Так совершали переселения североамериканские скваттеры и южноафриканские буры, испанские конкистадоры и русские землепроходцы, арабские воины первых веков хиджры – уроженцы Хиджаса, Йемена и Ирана, и эллины, избороздившие Средиземное море.

Кочевникам же гораздо труднее. Они имеют провиант в живом виде. Овцы и коровы движутся медленно и должны иметь постоянное привычное питание. Даже простая смена подножного корма может вызвать падёж. А без скота кочевник сразу начинает голодать. За счет грабежа побежденной страны можно прокормить бойцов победоносной армии, но не их семьи. Поэтому в далекие походы хунны, тюрки и монголы жен и детей не брали. Кроме того, люди привыкают к окружающей их природе и не стремятся сменить родину на чужбину без достаточных оснований. Да и при необходимости переселиться они выбирают ландшафт, похожий на тот, который они покинули. Поэтому-то и отказались хунны в 202 г. до н. э. от территориальных приобретений в Китае, над армией которого они одержали победу. Мотив был сформулирован так: «Приобретя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить» [66, с. 66]. И не только в Китай, но даже в Семиречье, где хотя и степь, но система сезонного увлажнения иная, хунны не переселялись до II в. до н. э. А во II–III вв. они покинули родину и заняли берега Хуанхэ, Или, Эмбы, Яика и Нижней Волги. Почему?

Многочисленные и не связанные между собой данные самых разнообразных источников дают основание заключить, что III в. н. э. был весьма засушлив для всей степной зоны Евразии. В Северном Китае переход от субтропических джунглей хребта Циньлин до пустынь Ордоса и Гоби идет плавно. Заросли сменяются лугами, луга – степями, степи – полупустынями, и, наконец, воцаряются барханы и утесы Бэйшаня. При повышенном увлажнении эта система сдвигается к северу, при пониженном – к югу, а вместе с ней передвигаются травоядные животные и их пастухи [88, с. 10–11].

Именно этого передвижения ландшафтов не заметил самый эрудированный историк Востока Р. Гроссе. Справедливо полемизируя с попытками увязать большие войны кочевников против Китая с периодами усыхания степей, он пишет, что китайские авторы каждый раз давали этим столкновениям разумные объяснения, исходя из политических ситуаций внутри Китая. По его мнению, вторжения кочевников легче объяснить плохой оборонной линией Китайской стены, нежели климатическими колебаниями в Великой степи [221, р. 283–285].

Отчасти он прав; крупные военные операции всегда эпизодичны, а успех их зависит от многих причин, где разглядеть роль экономики натурального хозяйства не всегда возможно. Постоянные набеги кочевников на оседлых земледельцев тоже не показательны, ибо это замаскированная форма межэтнического обмена: в набеге кочевник возвращает себе то, что теряет на базаре из-за своего простодушия и отсутствия хитрости. И то и другое никакого отношения к миграциям не имеет.

²⁸ В начале XX в. население Внешней Монголии равнялось 900 тыс., но не более 3 млн монголов обитало во Внутренней Монголии, на территории бывшего Тангутского царства и чжурчжэньской империи Кинь.

Но при более пристальном изучении событий легко выделить постепенные перемещения мирного населения, избегающего конфликтов с оседлыми соседями, но стремящегося напоить свой скот из еще не пересохших ручьев. Похожая ситуация возникла на наших глазах в Сахеле (сухая степь южнее Сахары) и повлекла трагическую дезинтеграцию этноса туарегов, но не войну [134]. Правда, здесь дело осложнилось тем, что западноевропейский капитал перевел хозяйство туарегов из натурального в товарное, что усилило вытаптывание пастбищ, но с поправкой на это принцип применим к более древним периодам.

При достаточно подробном изучении событий на северной границе Китая, т. е. в районе Великой стены, мы можем наметить сначала тенденцию к отходу хуннов на север (II в. до н. э. – I в. н. э.), а потом продвижение их к югу, особенно усилившееся в VI в. н. э. Тогда хунны и сяньбийцы (древние монголы) заселили северные окраины Шэньси и Шаньси даже южнее Стены. Однако во влажные районы Хунани они не проникли.

Весьма важно отметить, что первоначальное проникновение кочевников на юг не было связано с грандиозными войнами. В Китай пришли не завоеватели, а бедняки, просившие разрешения поселиться на берегах рек, чтобы иметь возможность поить скот. Впоследствии завоевание Северного Китая произошло, но главным образом за счет того, что китайские землепашцы также постепенно и незаметно покидали свои поля на севере и отходили на юг, где было достаточно дождей. Так кочевники занимали опустевшие поля и превращали их в пастбища.

Но уже в середине IV в. наблюдается обратный процесс. Большая племенная группа теле (телеуты), в которую входили в числе других племен уйгуры, из оазисов Ганьсу перекочевала в Джунгарию и Халху; туда же, тем же путем пришли древние тюрки и создали в VI в. Великий каганат, ограниченный пределами степной зоны.

Что это означает? Только то, что Великая степь опять стала пригодной для кочевого скотоводства. Иными словами, там на месте пустынь восстановились травянистые степи, т. е. зональность сдвинулась к северу. Но если так, то и в Северном Китае должен был восстановиться влажный климат, удобный для китайцев и губительный для кочевников. Значит, перевес в войне должен был оказаться на стороне южан. Да так оно и было. К началу VI в. кочевая империя Тоба, занимавшая весь бассейн Хуанхэ, превратилась в китайскую империю Вэй, где сяньбийская одежда, манеры и даже язык были запрещены под страхом казни. А вслед за тем природные китайцы истребили членов правивших династий и создали свою империю – Суй, враждебную всему иноземному и весьма агрессивную.

Аналогичные по характеру миграции имели место в то же время и на западной окраине степи. Северные хунны, потерпев сокрушительное поражение от сяньбийцев в 155 г., отошли на запад. Часть их закрепилась в горной области Тарбагатай и впоследствии (при начавшемся увлажнении степи) овладела Семиречьем. Другая группа прикочевала на берега Нижней Волги, где столкнулась с могущественными аланами. Хунны «завоевали аланов, утомив их непрерывной борьбой» (Иордан) и в 370 г. перешли Дон. В это время они были грозной силой, но уже в середине V в. они были разбиты на западе гепидами, а на востоке – болгарами и исчезли. Аборигены восторжествовали над пришельцами.

Следующая волна переселений кочевников наступила в X в. [80]. Тогда в причерноморских степях появились печенеги, выселившиеся с берегов Аральского моря, тюрки – из современного Казахстана и кыпчаки-половцы – из Барабинской степи. И снова это было не завоевание, а постепенное проникновение небольшими группами, причем стычки и набеги заменили сражения и походы.

Аналогичная ситуация сложилась тогда же на Ближнем Востоке. Карлуки из Джунгарии переселились в Кашгар и Хотан – оазисы, питаемые ледниковыми и грунтовыми водами. Туркмены-сельджуки покинули свои кочевья в Кызылкумах и внедрились в Хорасан. Там они организовались в могучую силу и в 1040 г. разбили регулярную армию

Масуда Газневи. Затем они захватили Персию и, победив в 1071 г. византийского императора Романа Диогена, овладели всей Малой Азией и Сирией. И ведь любопытно, что для поселений они выбрали сухие степи и нагорья, напоминавшие ландшафты покинутой родины.

Ничего подобного мы не видим в XIII в., когда монгольские кони донесли своих всадников до джунглей Аннама и Бирмы, долины Иордана и лазурной Адриатики. Никакие переселения не были связаны с этими походами и победами. Монголы вели войны небольшими, мобильными, плохо вооруженными, но прекрасно организованными отрядами. Даже при необходимости дать правителям западных улусов некоторое количество верных войск центральное монгольское правительство выделяло контингенты из числа покоренных племен. Хулагу-хану были пожалованы найманы, а Батю – мангыты и чжурчжэни (хины) в количестве нескольких тысяч человек.

Нет никаких оснований связывать походы детей и внуков Чингиса с климатическими колебаниями. Скорее, можно думать, что в степи в это время были оптимальные условия для кочевого скотоводства. Коней для трех армий хватало, поголовье скота после жестокой межплеменной войны 1200–1208 гг. легко восстановилось, население выросло до 1300 тыс. человек. И наоборот, в относительно мирное время XVI в. Монголия потеряла свою самостоятельность, а в XVII в. и независимость.

Причину этого ослабления самой сильной державы тогдашнего мира сообщает китайский географ XVII в.: «Вся Монголия пришла в движение, а монгольские роды и племена рассеялись в поисках за водой и хорошими пастбищами, так что их войска уже не составляют единого целого» [60, с. 437–454]. Вот это действительно миграция, но как незаметно для всемирно-исторических масштабов прошло выселение монгольских кочевников из иссыхающей родины в суровые нагорья Тибета, на берега многоводной Волги и в оазисы Туркестана [85, с. 44–52]. Последний осколок кочевой культуры – Ойратский союз – продержался до 1758 г., потому что его хозяйство базировалось на горных пастбищах Алтая и Тарбагатай. Но и он стал жертвой маньчжуров и китайцев.

Итак, за двухтысячелетний период – с III в. до н. э. по XVIII в. н. э. – мы отметили три периода усыхания степей, что каждый раз было связано с выселением кочевников к окраинам Великой степи и даже за ее пределы. Эти переселения не носили характера завоеваний. Кочевники передвигались небольшими группами и не ставили себе иных целей, кроме удовлетворения жажды своих животных и собственного голода.

Напротив, при увлажнении степной зоны шло возвращение кочевников в страну отцов, увеличение их четвероногого богатства и связанная с изобилием воинственная политика, причем завоевания совершались из государственных соображений, а вовсе не для приобретения «жизненного пространства».

Кочевники уже не просто прозябали, их целью становилось преобладание.

Рассмотрение племен и народностей тропического пояса не принесет нам ничего принципиально нового в сравнении с уже известным материалом, и потому целесообразно обратиться к классическим примерам преобразования природы: Египту, Месопотамии и Китаю. Европу мы пока оставим в стороне, потому что нашей задачей является поиск закономерности, а ее можно подметить только на законченных процессах.

Древние цивилизации «благодатного полумесяца»

Согласно исследованиям Э. Брукса, во время вюрмского оледенения атлантические циклоны проходили через северную Сахару, Ливан, Месопотамию, Иран и достигали Индии [53, с. 44–47]. Тогда Сахара представляла собой цветущую степь, пересеченную многоводными реками, полную диких животных: слонов, гиппопотамов, диких быков, газелей, пантер, львов и медведей. Изображения этих животных, до сих пор украшающие скалы Сахары

и даже Аравии, выполнены представителями современного человека вида *Homo sapiens*. Постепенное усыхание Сахары в конце IV тыс. до н. э., связанное с перенесением направления циклонов на север, привело к тому, что древние обитатели Сахары обратили внимание на болотистую долину Нила, где среди дикорастущих трав по краям долины произрастали «предки» пшеницы и ячменя [там же, с. 67]. Неолитические племена освоили земледелие, а в эпоху освоения меди предки египтян приступили к систематической обработке земель в пойме Нила [там же, с. 93]. Процесс закончился объединением Египта под властью фараонов. Эта власть базировалась на огромных ресурсах уже преобразованного ландшафта, который впоследствии принципиальных изменений не претерпевал, за исключением, конечно, архитектурных каналов, плотин, пирамид и храмов, являющихся, с нашей точки зрения, антропогенными формами рельефа. Однако изменения меньшего масштаба, например создание знаменитого Фаюмского оазиса при XII династии, имели место до XXI династии, после чего Египет стал ареной иноземных вторжений. Нубийцы, ливийцы, ассирийцы, персы, македоняне, римляне черпали богатства Египта, а сами египтяне превратились в феллахов, упорно поддерживающих биоценоз, созданный их предками.

Сходную картину можно наблюдать в Месопотамии, несмотря на некоторое количество физико-географических отличий. Земли, образовавшиеся из наносов Тигра и Евфрата на окраине Персидского залива, были плодородны, протоки и лагуны изобиловали рыбой и водяной птицей, финиковые пальмы росли в диком виде. Но освоение этого первобытного Эдема требовало напряженной работы. Пахотные земли приходилось создавать, «отделяя воду от суши». Болота надо было осушать, пустыню орошать, а реки ограждать дамбами [53, с. 179–180]. Эти работы были произведены предками шумеров, которые были простыми земледельцами-скотоводами, не имевшими других средств к существованию. Эти люди еще не знали письменности, не строили городов, не имели практически существенного классового разделения [там же, с. 191–192], но видоизменяли ландшафт настолько основательно, что последующие поколения пользовались трудами их рук.

Не следует думать, что примитивные народы имеют преимущество перед цивилизованными в деле преобразования природы. Долина Нила и долина Евфрата преобразовывались снова и снова, пока многие египетские деревни эпохи Древнего царства не оказались под песком пустыни, а шумерские и аккадские – под слоем ила. Бывшие пастбища западнее Евфрата уже во времена Багдадского халифата искрились под лучами зари из-за кристалликов усыпавшей их соли. Первый в Древнем мире город – Вавилон – уже в начале н. э. был покинут населением, которому стало не хватать пищи после 20 веков благоденствия и процветания за счет местных ресурсов. Еще более показательна история мелиорации в Китае, о чем нужно сказать подробнее.

В Древнем Китае

В III тыс. до н. э. территория Китая была мало похожа на то, что она представляет ныне: девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливающимися в половодье, обширные озера, топкие солонцы и только на возвышенных плоскогорьях – луга и степи. На востоке между низовьями рек в дельтовых равнинах тянулась цепь зыбких почв, а реки И и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы. «Буйная растительность одевала бассейн реки Вэйхэ; там поднимались величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах кишели тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы и кабаны, вечно были шакалы и волки» [59, с. 29–30].

Но главным врагом людей здесь были реки. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как реки вздувались и выходили из берегов. Следует учесть,

что при разливе реки теряют скорость течения и откладываются наносы, причем в Хуанхэ во время паводка содержится до 46 % ила и песка [156, с. 6].

Примитивным земледельцам приходилось сооружать дамбы, чтобы спасти свои поля от наводнений; и все же дамбы прорывались в среднем один раз в 2,5 года [102]. Часть древних обитателей Китая отступила от свирепых вод в горы и продолжала заниматься охотой – там от них и следа не осталось. Другие – «сто черноголовых семейств», пришедшие в Шаньси с запада, бросились на борьбу с рекой – это были предки китайцев. Им пришлось отказаться от прежней дикой воли и усвоить дисциплину, жесткую организацию и принять деспотические формы правления, но зато природа щедро вознаградила их, предоставив возможности интенсивного размножения и средства для создания оригинальной культуры [226, р. 275]. Те же, кто отступил от трудностей земляных работ и угрозы водной стихии в горы, стали предками жунов, да и кянов-тибетцев. Они довольствовались теми плодами природы, добывание которых не требовало изменения ландшафта и рельефа, и поэтому у них не возникало потребности в создании государственной организации. Род занятий, строй жизни и, наконец, их идеология были резко отличны от китайских, и с каждым поколением оба народа отдалялись друг от друга. Кончилась эта рознь непримиримой враждой, определившей направление истории раннего Китая и его соседей.

Теперь наложим факты антропогенного изменения ландшафта на хронологическую канву. Первый этап борьбы с природой имел место около 2278 г. до н. э., когда легендарный предок первой китайской династии Юй провел работы по регулированию русла Хуанхэ, после чего центральная часть Северного Китая (Шаньси и часть Шэньси) превратилась в земледельческую страну. Река вела себя спокойно до 602 г. до н. э., т. е. в течение 16 веков [156, с. 11]. Исторически это монолитная эпоха древнекитайской культуры, включающая три династии: Ся, Шан-Инь и Чжоу, при которых Китай представлял собою конфедерацию многочисленных княжеств, связанных друг с другом высшим по тому времени достижением культуры – иероглифической письменностью [64, с. 648–649]. За весь этот период созданный Юем искусственный ландшафт только поддерживался, но когда с 722 г. до н. э. наступила эпоха «Весны и Осени» (условное название эпохи, происходящее от заглавия хроники, в которой она описана), все пошло по-иному. Конфедерация княжеств, представлявшая единое целое под председательством вана (царя), распалась на 124 самостоятельных государства, которые начали усердно поглощать друг друга. Тогда перешли в контрнаступление и горные жуны, и воды Хуанхэ. В результате плохого содержания дамб в 602 г. н. э. произошло первое зарегистрированное изменение течения реки Хуанхэ [156, с. 19], и с тех пор основная работа на реке до XVIII в. заключалась в поддержании дамб и заделке прорывов [там же, с. 22–23]. В аспекте, принятом нами, это явление должно рассматриваться как поддержание существующего ландшафта, т. е. мы приходим к парадоксальному выводу – о том, что китайцев следует зачислить в тот же разряд этносов, что и алгонкинов или эвенков. Однако проверим наш первоначальный вывод.

В IV в. до н. э. железо превратилось в настолько общедоступный товар, что из него стали делать не только мечи, но и лопаты [64, с. 652]. Благодаря техническому усовершенствованию в III в. были созданы оросительные системы, из которых наиболее важной была система Вэйбэй, орошавшая 162 тыс. га полей [156, с. 51] в северном Шэньси. Благодаря этой ирригационной системе «провинция Шэньси стала плодоносной и не знающей неурожайных годов. Тогда Цинь Ши Хуанди сделался богатым и могущественным и смог подчинить своей власти прочих князей» [там же, с. 52]. Это было знаменитое объединение Китая, закончившееся массовой резней побежденных, закабалением уцелевших, построением Великой Китайской стены и истреблением не только ученых и всех книг, кроме технической литературы (под таковыми понимались книги по гаданию, медицине и агрономии), но и всех читателей исторических и философских трактатов, а также любителей поэзии.

И вот тут мы можем поставить вопрос: было ли связано целенаправленное изменение ландшафта с грандиозным человекоубийством или они просто совпали по времени? Или же оба эти явления восходят к одной общей причине? И для решения проблемы проследим историю Китая и историю оросительной сети Вэйбэй дальше.

Народное восстание 206 г. до н. э. ликвидировало режим империи Цинь, и при династии Хань столь больших кровопролитий не происходило. Страна богатела, ибо к прежней житнице в Шаньси на берегах Хуанхэ прибавилась новая – на берегах рек Вэй и Цзин, но тут сказала свое слово природа. Вода для оросительной сети поступала из реки Цзин, которая была преграждена плотиной, однако река углубила свое русло и водоприемник остался на сухом месте. Пришлось прорывать новый канал и строить плотину выше по течению, и в последующие века это повторялось десять раз, что потребовало огромного вложения труда, и все-таки в XVII в. система Вэйбэй была фактически заброшена [156, с. 52–55].

На протяжении истекших двух тысяч лет развернулась средняя история Китая – его императорский период. В плане этнологии китайцы этого периода относятся к древним китайцам, как итальянцы – к римлянам или французы – к галлам. Иными словами, на берегах Хуанхэ создан новый народ, который мы называем тем же словом, что и старый. Но не надо переносить дефекты нашей терминологии на предмет исследования, тем более что слово «китайцы» – условный термин, появившийся в XII в. вследствие развития караванной торговли, и означал он тогда монголоязычное племя, с которым имели дело итальянские и русские купцы. От этого племени название «Китай» перешло на их соседей, называвших себя просто «жители Срединной равнины». Для нашего анализа это важно потому, что общеизвестное слово «Китай» таксономически соответствует таким понятиям, как «Европа» или «Левант» (Ближний Восток), а не таким, как «Франция» или «Болгария». Так вот, с эпохи объединения Китая императором Цинь Ши Хуаньди до потери Китаем самостоятельности на территории между Хуанхэ и Янцзы возникли, сформировались и потеряли силу два больших этноса, условно именуемые северокитайским и южнокитайским. Второй также связан с изменением ландшафта, ибо когда древние китайцы (из коих образовались оба средневековых этноса) широкой струей влились в долину Янцзы, то они на месте джунглей устроили рисовые поля. Северные же китайцы на месте сухих степей создали орошенные пашни, и до тех пор пока у них хватило энергии на поддержание оросительной системы, они утверждали себя как самостоятельный народ и отражали, хоть и не всегда удачно, нападения иноземцев. Но в XVII в. ирригация перестала существовать, и в том же веке маньчжуры покорили Китай. Покорению предшествовало грандиозное крестьянское восстание, расшатавшее мощь империи Мин, но поднять крестьян на жестокую войну можно лишь тогда, когда сельское хозяйство находится в упадке. Действительно, потеря богатейших северо-западных пашен, занесенных песком после того, как были заилены каналы, ослабила сопротивляемость Китая и превратила империю Мин из агрессора в жертву.

Возникновения и упадки

Теперь мы можем ответить на поставленные вопросы. Эпохи, в которые земледельческие народы создают искусственные ландшафты, относительно кратковременны. Совпадение их по времени с жестокими войнами не случайно, но, разумеется, мелиорация земель не является поводом к кровопролитию. Утверждать подобное – значило бы идти в направлении географического детерминизма дальше самого Монтескье. Однако в обоих параллельных явлениях есть черточка, которая является общей, – способность этнического коллектива производить экстраординарные усилия. На что эти усилия направлены – другое дело; цель в нашем аспекте не учитывается. Важно лишь, что когда способность к сверхнапряжению слабеет, то созданный ландшафт только поддерживается, а когда эта способность исче-

зает – восстанавливается этноландшафтное равновесие, т. е. биоценоз данного биохора. Это бывает всегда и везде, независимо от масштабов произведенных перемен и от характера деятельности, созидательного или хищнического. А если так, то мы натолкнулись на новое, до сих пор неучтенное явление: изменение природы – не результат постоянного воздействия на нее народов, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, т. е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.